

Рудольф Штейнер

**МИСТЕРИИ СОЛНЦА,
СМЕРТИ И ВОСКРЕСЕНИЯ**

12 лекций (Дорнах, Гаага, Лондон)

GA 211

1922 г

Оглавление

Первая лекция

Духовная жизнь человека во сне, в бодрствующем состоянии и в сновидениях

Дорнах, 21 марта 1922 г.

Мы сможем познать, собственно, более глубокие душевные загадки, лишь охватив взглядом всю жизнь человека. Эта жизнь в период, проделываемый человеком на своём жизненном пути, расчленяется на жизнь между пробуждением и засыпанием, т.е. на обычно бодрствующее дневное сознание и на жизнь между засыпанием и пробуждением – на ту жизнь, которую человек проводит в смутном сознании, из которого в начале для обычного сознания вздымаются волны сновидений.

Важно, действительно, рассмотреть это промежуточное состояние от сна к бодрствованию с различных точек зрения, с которых это наблюдение возможно (доступно).

Если мы будем исходить из обычного рассмотрения жизни, мы можем сказать: она совершается именно в состоянии перехода от бодрствования ко сну. А если мы исследуем жизнь сновидений, то нам придётся провести резкое различие между образным содержанием или, так сказать, содержанием представлений снов и самим процессом сна. Я часто обращал на это внимание. Смотря по содержанию: нам может сниться то или другое. Но мы также должны проследить внутренний ход сна; скажем, проходит ли сновидение с известной драматичностью, переживаем ли мы во сне некоторого рода напряжение, которое нарастает и становится всё сильнее и сильнее, а потом наступает некоторая разрядка, или же порой такой разрядки не происходит, и человек просыпается с этим чувством напряжённости. Этот драматический процесс мы должны отличать от содержания сна.

Скажем, к примеру, нам снится, что мы куда-то идём... Мы подходим к горной пещере. Мы входим в пещеру. Нам становится всё более не по себе и неудобно, потому что вокруг сгущается мрак и, наконец, нас охватывает страх, а затем, несмотря на то, что мы знаем, что должны продвигаться вперёд, мы наталкиваемся на какое-то препятствие. Наш страх всё возрастает. Мы видим, как растёт напряжение. Содержание же сна, его представления совсем другие. Нам может, например, присниться следующее: мы видим что-то, приближающее к нам издалека. Вот оно всё ближе и ближе,

всё яснее становятся отдельные подробности, а вместе с тем возрастает и наша боязнь, которая завершается под конец непомерным ужасом. В смысле драматизма сна в обоих случаях мы имеем одно и то же: нечто, выражающееся во внутреннем напряжении. Образы, в которых разворачивается сон с его представлениями, представляют нечто совершенно отличное.

И если теперь мы пойдем несколько дальше, то мы в любом случае для большей части жизни во снах увидим, что эти сонные представления в какой-то мере коренятся в наших земных переживаниях. Конечно, многое мы видим совершенно преображённым, многое протупает в совершенно замаскированном виде, но, так или иначе, мы всё же приходим к пониманию: так пережитые нами земные обстоятельства восстают в образах снов.

Что же происходит при таких сновидениях, ну, скажем, когда нам что-нибудь снится перед пробуждением? – Но ведь мы со времени засыпания и вплоть до пробуждения нашей духовно-душевной частью – мы называем эту часть астральным телом и Я – находимся вне физического и эфирного тел. Тогда наше Я и астральное тело находятся в мире, в котором мы поначалу ничего не можем воспринимать так, как воспринимаем в нашем обычном дневном сознании в земном бытии, ибо астральное тело и Я, в которых мы находимся, не представляют собой некоего существа, чьи органы были бы сформированы для восприятия. Но именно потому же, пока мы находимся в состоянии сна, вне нашего тела, /с нами/ непрерывно нечто происходит.

В течение всего времени между засыпанием и пробуждением протекает более богатая жизнь в астральном теле и Я, чем во время дневного бодрствования. Мы лишь не в состоянии этого заметить. И всё, что во сне может одеваться в различные образы: страха, может быть, или даже злобы и гнева, – всё это может ведь разыгрываться во сне и всё это происходит в нас с момента засыпания и до пробуждения. И мы живём в этих бестелесных состояниях в мире, в жизни которого мы принимаем участие совершенно так же, как принимаем участие в процессах внешнего чувственного мира во время нашего дневного бодрствования, посредством наших органов восприятия. Когда же при пробуждении мы с нашим душевно-духовным существом, т.е. с астральным телом и Я, возвращаемся в физическое тело, мы снова начинаем пользоваться нашими органами физического тела. Мы погружаемся в эти органы. В эту минуту к нам возвращается способность восприятия внешнего мира, царств природы,

минералов, растений, животных, физического в людях. Эти органы, которые формирует в себе физическое тело, мы пронизываем нашей душой. И благодаря этому мы вступаем в общение с этим внешним миром.

Но если мы не погружаемся мгновенно и целиком в наше физическое тело, если мы на мгновение, прежде чем охватить всё физическое тело, пронизываем тело эфирное, тогда-то из этого эфирного тела к нам и подступают силы, образующие сновидения. Эти образы сновидений и несут в себе силы эфирного тела. Это жизненные реминисценции, жизненные воспоминания.

Когда мы видим сны, засыпая, может случиться, что мы, покидая наше физическое тело вследствие какой-либо ненормальности, не оставляем мгновенно и наше эфирное тело. И тогда мы точно так же, прежде чем впасть в состояние полной бессознательности, живём в образах эфирного тела. Но /обычно/ мы тут же вступаем в волнуемое море астрального тела и Я, в котором пребываем между засыпанием и пробуждением.

Итак, мы должны непременно различать образы сновидений и динамическое силовое развитие сна, его драматизм. Мы должны научиться проводить между ними строгую границу. Если же мы, благодаря душевной тренировке, овладеваем способностью практически выполнять то, что я только что описал теоретически, если мы в состоянии, посредством упражнений так укрепить наше астральное тело и Я, чтобы не пассивно проскальзывать в эфирное, а затем в физическое тело, если мы научимся пребывать в мировом эфире вне тела, тогда у нас и будут восприятия, которых человек обычно лишён.

Тот эфир, который образует наше эфирное тело, выделен из общего, мирового эфира и представляет лишь часть его.

Эфир нас окружает повсюду. Незадолго до нашего рождения мы отделяем от него часть, становящуюся нашим эфирным телом; и это тело мы несём в себе между рождением и смертью. Всеобъемлющий эфирный мир не поддаётся восприятию. Он может быть воспринят только в том случае, если мы в состоянии так укрепить наше астральное тело и Я, чтобы мы могли пребывать в них, даже находясь вне физического тела, но не в состоянии сна. И тогда мы видим не только сновидения, отличающиеся от наших снов при засыпании, или обычные образы нашего дневного сознания, но и воспринимаем внешний эфирный мир. И тогда происходит следующее. Вокруг нас простирается физический мир.

Поначалу он нас не касается. Если мы делаем правильные упражнения, этот мир принадлежит нам, как принадлежат нам воспоминания. Мы видим его, но не выходим за его пределы, как люди, страдающие галлюцинациями, – и он нас поначалу не касается. Но вот мы укрепляем наше астральное тело и наше Я. И благодаря этому мы воспринимаем процессы, протекающее не в физическом, но в эфирном мире. То же, что разыгрывается в эфирном мире, т.е. то, что поддается в нём нашему восприятию, это, фактически, не что иное, как содержание моей книги «Тайноведение», конечно, лишь частичное, но во всяком случае подобное ему.

Мы видим это содержание так, как воспринимают посредством укрепленного астрального тела и Я, которые теперь, вместо того, чтобы пользоваться глазами и ушами для восприятия физического вне тела, получают способность воспринимать эфирное. И это эфирное можно описать в таких образах, которые составляют содержание «Тайноведения».

Итак, я хотел бы сказать: если человек способен привести своё астральное тело и Я в соответствующее свободное от тела состояние, в котором он обычно и пребывают во сне каждую ночь, и если он с помощью упражнений так укрепляет свои астральное тело и Я, чтобы быть в состоянии воспринимать в мире мирового эфира, – тогда перед этим человеком встаёт в образах мир имажинаций. И тогда эта маленькая часть физического мира, которая обычно доступна нашему восприятию, расширяется настолько, что к земному бытию присоединяются бытие Сатурна, Солнца и Луны. Это и составляет картину первых восприятий, возможных в сверхчувственном мире. Но во всём этом заложено всё, что может стать содержанием имажинативного мира. Мы уже выходим из эфирного мира, если мы, посредством того, что я описывал, как опустошенное сознание, продолжаем жить не только во встающих перед нами имажинациях, но если мы и учимся также гасить имажинации, т.е. если оказываемся в состоянии как принять в душу имажинацию, так и отвести её.

Благодаря этому устанавливается некое душевное состояние, которое полностью поддается произвольному овладению и контролю, – душевное состояние, которое то живёт в образах, то их гасит, то снова живёт в образах, то снова их изгоняет. Это состояние инспиративного переживания мира. Тогда переживают мир, который и в обычном состоянии не так уж далёк от человека. Он переживает этот мир каждую ночь во сне без сновидений. Он только не в состоянии охватить сознанием всё, что разыгрывается в этом мире. В этом мире

воспринимаются не только образы, но в то время как образы всплывают, пропадают, возникают и исчезают, в то время как среди этих всплывающих образов наступает тишина, в образах исчезающих появляется некоторого рода внутренний звук, так что мир в отношении восприятий становится многообразным, и в этом инспиративном мире мы уже воспринимаем, если можно так сказать, деяния, поступки реальных духовных существ.

В описания, данные мною в «Тайноведении», уже до некоторой степени включены эти деяния духовных существ, хотя в основном в этой книге дано становление мира в образах.

Однако там говорится и о таких существах высоких Иерархий, как Архангелы, Ангелы и т.д., которые иному человеку могут предстать в мировом свершении как возникающие и исчезающие имажинации. Я хотел бы выразиться так: на волнах, которые переживаются в инспиративной жизни, одновременно как бы ткнут своё бытие и существа высоких Иерархий. На этой стадии человек замечает, как его собственное бытие, – однако лишь та часть его бытия, которая оказывается, собственно, свободной на время между засыпанием и пробуждением в период физической жизни, – как эта существеннейшая часть человека внедрена в мир сверхчувственных существ. Между засыпанием и пробуждением мы фактически принадлежим этому миру. Наши души как бы странствуют, движутся среди других существ.

При имагинативном сознании мы имеем как бы картину того, что делают эти существа. Я сказал бы, что первая ступень сверхчувственного сознания характеризуется тем, что эти существа как бы отбрасывают нам свои образы, – это и есть имажинация. Но потом человек переходит к тому, что он воспринимает уже не только отбрасываемые образы, но эти образы всплывают и уплывают, и в этом возникновении и исчезновении образов и совершается деятельность духовных существ.

Но мы сами теперь находимся в мире духовных свершений. Мы в этом мире, когда в нас пробуждается сознание, и мы целиком находимся в состоянии, свободном от тела, каким и бывает наше сознание во сне без сновидений, – и мы фактически принадлежим такому миру, в котором совершаются духовные деяния. И этот мир духовных свершений, в который мы сами вплетены, раскрывает нам, из чего мы возникли, когда мы устремились для рождения к Земле, чтобы возобновить ваше земное бытие, после того как в течение некоторого срока мы пребывали душевно в духовном

мире.

Угасание этого мира и есть, по сути дела, вступление в земное бытие с рождением. Человек с каждым засыпанием возвращается в этот мир, но внутренняя активность астрального тела и Я в нём так ослабла за время жизни между смертью и новым рождением, что он должен проникнуться глубочайшим стремлением, глубочайшим желанием получить какую-то помощь, потому что ему пришлось бы умереть в духовной бездеятельности, когда наступит снова время родиться, а он не получит никакой помощи.

Предположим, что человек после смерти оказался достаточно развитым и прошёл через известные духовные свершения. Вначале его сознание остаётся очень живым и в первое время даже напоминает земное сознание. Затем он поднимается всё выше и выше, при том, что его сознание участвует в духовных деяниях. Но это сознание впоследствии ослабеваает. И ко времени вступления в новое земное бытие человек как душевное существо приходит в состояние, которое мы могли бы сравнить – если мы для характеристики хотим прибегнуть к земным фактам – с человеком, страдающим утратой памяти, стремящимся ухватить какие-то свои воспоминания и не могущим их восстановить. Так человек, снова подступающий к земному бытию, жаждет быть наполненным реальностью. Потому что в эти мгновения жизнь его чувств, его воли очень сильна, но представления смутны, и он не приходит ни к какому внутреннему содержанию. Он в некотором роде хватается, ловит представления, но они становятся всё более и более туманными, в то время как воля становится всё более властной. И эта воля принуждает человека к земному бытию, к земному воплощению, она устремляет его к соединению с земным организмом, предоставленным ему потоком наследственности. И этим-то организмом он и может отныне пользоваться, как орудием, он-то и даёт ему возможность снова мыслить, но теперь уже мыслить о физическом внешнем мире, но, тем не менее, – снова развить мир представлений, совсем было заглухший. Благодаря этому стремлению снова быть в состоянии мыслить человек и опускается в физический мир. И в этом земном бытии он снова проходит через состояния сна, благодаря которым он медленно учится снова жить как душевно-духовное существо, после чего он снова подходит к смертному порогу, чтобы снова возобновить весь круговорот.

Когда же человек в свободном от тела состоянии поднимается к восприятию мира, раскрывающемуся ему в

инспирации, тут-то он и подступает к тайне жизни человека в сверхчувственном мире между смертью и новым рождением, к тому, что представляет собой реально этот сверхчувственный мир.

Кое-какие сведения о том, как человек возвращается к земному воплощению, я уже привёл в Венском цикле 1914 года «Внутренняя сущность человека и жизнь между смертью и новым рождением».

Когда же человек поднимается ещё выше к духовным мирам, тогда он встречает мир, о котором ничего не известно человеку в его обычном сознании. Мы имеем в бодрственном состоянии три чётко отличающихся друг от друга душевных состояния: мышление, чувство, воление. Подобные же три состояния мы имеем и во время сна. Однако обычно различают только два из них: сон, который так тонок, что мы можем иметь сновидения, т.е. тишайший сон, и сон без сновидений. Однако очень немногим людям известно, что, если сравнить тихий сон со сновидениями с мышлением в состоянии бодрствования, а сон без сновидений с чувствованием в бодрственном состоянии, то есть ещё более глубокий сон, который соответствует воле в бодрственном состоянии. И этот глубочайший сон мы и просыпаем, а он, тем не менее, существует.

Некоторые люди, конечно, придут к тому, что хотя бы при пробуждении они заметят некоторое различие. Чаще всего человек переживает по ночам лишь два состояния сна: сон со сновидениями и сон без сновидений, – самого же глубокого сна он не переживает, несмотря на то, что он притом чётко отличается от простого сна без сновидений.

Я уже сказал, что при пробуждении иные люди могут заметить, что иной раз, пробуждаясь, они чувствуют себя вполне обновлёнными, что они поднялись из более глубоких духовных областей, чем это с ними обычно бывает. Очень важно отмечать это различие, которое, как я уже сказал, проходит мимо обычного сознания. Дело обстоит следующим образом: когда мы спим, мы – вне нашего физического и эфирного тел – находимся, собственно, в мире, который вполне можно сравнить с тем миром, который невидимо окружает Землю, в мире, где распускаются бутоны цветов, вступая во взаимодействие с солнечным светом. Эта жизненная ткань расцветающих, распускаящихся цветов ускользает от обычного сознания. Но в этот мир – а он и есть тот самый, который ближе всего соприкасается с нашим обычным дневным миром – в этот мир и погружается человек прежде всего. Этот мир,

опять-таки, всюду нас окружает. Погружаясь в него, человек живёт во сне со сновидениями.

Более глубокий сон без сновидений человек переживает, погружаясь в мир, который находится вокруг нас, внутри цветов. Когда мы спим без сновидений, мы находимся именно в том мире, в котором, будь мы духами, мы смогли бы проникать внутрь цветов.

Когда мы спим тем самым глубоким сном, когда мы находимся в третьем состоянии сна, тогда мы целиком погружаемся в минеральное царство. Тогда в человеческом организме с наибольшей силой протекают минеральные процессы, которые в древней алхимии назывались процессами солеобразования; тогда человек до известной степени отдаётся не растительному, но минеральному бытию.

Тому, кто может сознательно вступить в тот мир, в котором обычный человек находится лишь в состоянии глубочайшего сна, становится по-настоящему ясно, что живёт внутри минерала. И когда человек живёт в мире, общем с внутренним миром минералов, то он чувствует себя как бы смотрящим изнутри минерала, в отличие от того, как он видел минерал снаружи. – Вы догадаетесь, что именно это я и хотел выразить при известном описании духовного мира в моей «Теософии». В этом описании духовного мира вы как раз и найдёте это изменение соотношения. И когда человек вживается в это новое соотношение, он вживается в тот мир, в котором он принимает участие не только в деятельности высших Иерархий, но в котором он учится так познавать высшие Иерархии, как на Земле он может воспринимать людей с их душевными свойствами. И тогда мы уже находимся не в инспиративном мире, но в мире интуиции. Тогда мы отдаёмся не только деяниям, духовным деяниям духовных существ, но и сущности самих этих существ.

Тогда мы и оказываемся в том мире, где карма становится для нас реальностью. Если бы человек всякий раз, когда он находится в этом третьем состоянии сознания, внезапно приходил в сознание, он воспринимал бы свою карму, он понял бы, как протекшие земные жизни включаются, вплетаются в его современную земную жизнь. Человек переживает свою карму в глубочайшем сне и результаты этого переживания он приносит с собой в физическое тело. Но физическое тело не приспособлено к восприятию чего-либо подобного. Для этого у него, прежде всего, отсутствуют соответствующие органы. Как он развивает глаза для видения внешнего мира и уши для слушания внешних звуков, так он должен был бы развивать и

органы для внутренних восприятий.

Но эти органы внутреннего восприятия, если бы человек их развил, т.е. если бы он мог ими пользоваться, находясь в теле, привели бы его к смерти, потому что человеческий организм не сможет жить, если он обратит вовнутрь силы, предназначенные для образования чувственных органов... Если бы он обратил эти силы вовнутрь, он смог бы в некотором роде своими физическими органами увидеть собственную карму. На самом же деле видеть карму можно лишь духовными органами восприятия, в интуитивном познании.

Однако отсюда мы видим, что человек в течение земного бытия живет среди тех сил, которые образуют его окружение во время между смертью и новым рождением и работают в нем, чтобы направить его снова в физическое земное тело, и одновременно он живёт в мире, в котором от воплощения к воплощению создаётся его судьба. Эта судьба закрыта от нашего обычного сознания именно потому, что человека постигло бы совершенно особое состояние, если бы он неподготовленным встретил свою судьбу. Если бы человек мог бы воспринять свою судьбу без подготовительных к тому упражнений, – этого и не может случиться, я высказываю лишь гипотезу, – то подобная восприимчивость тотчас же породила бы в нём желание выработать в себе органы внутреннего восприятия. Он захотел бы создать в себе глаза и уши, которые могли бы воспринимать внутренний мир. Но это означало бы создание известных сил в организме.

И человек не пробуждался бы так, как это происходит теперь, но приносил бы с собой из сна силы для преобразования своего организма, что послужило бы ему для убийства своего собственного организма.

Человеческий организм устроен именно так, что душно-духовное астральное тело и Я могут погрузиться в эфирное тело лишь на мгновение, на одно мгновение, после чего они должны погрузиться дальше в физическое тело и уже после того, как при погружении в эфирное тело возникли сновидения. Но и тут эфирное тело должно отдать тотчас не то, что составляет содержание образов. Человек не может принять в себя то, что он обычно переживает во сне. И человек должен погрузиться в физическое тело, которому он принадлежит, после того, как он решился применять его, спускаясь из духовно-душевного мира именно для того, чтобы пользоваться физическим телом и его органами. То же, что лежит за порогом, что не подлежит восприятию, но тем не менее переживается, это целиком и полностью есть отблеск всей той

жизни, которую мы проживаем между смертью и своим новым рождением.

Только благодаря такому рассмотрению перед нами встаёт образ всего человека, и одновременно оказывается, что человек таким, каким мы знаем его в его физической бодрственной жизни, – существо духовно настолько слабое, что, не будь у него для восприятия физического тела, он проходил бы через мир в смутном сне.

Человек между рождением и смертью может рассматриваться лишь как существо, душевный состав которого пребывает в смутном сне, и оно само просветляется, лишь пользуясь физическим телом. Это и может служить относительным оправданием материализма, относительно вполне закономерного для земной жизни, ибо всё духовно-душевное остаётся для земной жизни смутным и непросветлённым.

И вот мы можем спросить: нет ли какой-нибудь возможности более чётко разглядеть то духовно-душевное, которое принимает участие том мире, который я вам описал, в мире расплывающихся образов, в мире меркнувших, умолкающих и снова звучащих, затухающих и вновь загорающихся образов, к которым, как вы знаете из моих описаний в «Тайноведении», примешивается также всё, что можно сравнить с вкусовыми восприятиями и т.п. в физическом мире. Из этого мира, если сознание его достаточно окрепло, к человеку могут поступить вести о его карме, о его судьбе, как она развёртывается от одного земного существования к другому.

Но пристальнее этот мир рассмотреть можно, присмотревшись с начала к существам, имеющим в земном бытии главным образом астральное тело и не обладающим в этом земном бытии ясно выраженным Я. Это звери. Звери тоже спят и просыпаются. Когда мы наблюдаем спящего зверя, мы устанавливаем следующее. Посмотрим на засыпающего зверя. Его астральное тело выделяется. И это астральное тело, выделяющееся из животного, тотчас же подхватывается в тот мир, который представляется для /сверхчувственного/ восприятия миром протекающих и исчезающих имагинаций, миром инспираций. Затем при пробуждении астральное тело снова входит в животное. Но если мы присмотримся пристальнее к спящему животному, то заметим, что в земном воздухе колеблется и струится эта жизнь имагинаций и инспираций. С того мгновения, как животное просыпается, душевная субстанция на волнах дыхания посредством органов

дыхания, понимаемых в широком смысле, снова возвращается в тело животного. И тогда она возбуждает органы чувств, чтобы они могли участвовать в земном бытии. Однако при пробуждении происходит в основном приток душевного, причём нужно, конечно, иметь в виду и дыхание через поверхность кожи, – выхождение астрального тела происходит через дыхательные органы, и оно возвращается, опять-таки, через дыхательные органы.

Если мы однажды смогли пронаблюдать этот процесс, то начнём также понимать, как астральное тело соединяется с животным в его эмбриональном состоянии, когда оно зарождается. Это соединение можно было бы описать, как обратный процесс того, который происходит, когда астральное тело на волнах дыхания выходит наружу. Астральное тело проникает внутрь и пластически строит изнутри физическое тело. Если вы поймёте, что животное получает, собственно, свой образ через органы дыхания, вы сможете также многое постигнуть в строении животного. Понаблюдайте животных, поймите, что они – следствие в широком смысле своих органов дыхания. Однако это лишь способ, обнаруживающий, каким образом душевное животного внедряется в тело. Сравните, скажем, животных с хоботом с каким-нибудь другими зверями, головные органы которых ближе ко рту, к пасти. Вся остальная часть, вся фигура животного построена в соответствии с этим, и способ, каким животное дышит, определяет его форму. Душевное живёт на волнах воспринятого животным потока воздуха.

Когда же мы рассматриваем человека, то добавляется ещё нечто. В человека вложена возможность речи. Даже и тогда, когда ребёнок ещё говорить не может, его органы дыхания уже подготовлены к речи. Они совершенно иные, чем дыхательные органы животного. Благодаря форме дыхательных органов воздух может в них поступать таким образом, что человек может овладеть не только астральным телом, но и Я.

Тот, кому это понятно, во всяком случае в состоянии постичь следующую истину: животное получает свою форму в самом широком смысле благодаря своим дыхательным органам, – человек же получает свой образ через дыхание, преобразованное в речь, в слово. В человеке слово в буквальном смысле становится плотью. Образ человеческий есть результат, выражение слова.

Я перед этим описывал, как человеческие души пребывают среди существ сверхчувственных миров. Ведь человеческие души между смертью и новым рождением, между засыпанием

и пробуждением принадлежат тем же самым мирам, что и духовные сущности. Когда мы смотрим на эти человеческие души, мы понимаем, что их движения действительно могут перейти на волны воздуха, – то же, что человек раскрывает, когда говорит, – тот способ приведения в движение воздуха, которым он пользуется, когда говорит, – и тот же процесс происходит и при вдохе, и его формирует вдыхаемый им поток воздуха. Можно фактически увидеть парящие таким образом на волнах воздуха человеческие души. Это происходит оттого, что Я схватывает не только воздух.

В животном астральное тело охватывает воздух и при этом оно схватывает воздух во всех его тепловых состояниях. Человеческое же астральное тело, охватывая воздух, может двигаться на воздушных волнах, и оно ещё дополнительно схватывает тепло, тепловой эфир.

Итак, когда Я на волнах теплового эфира ещё дополнительным потоком струится через мир, оно дезинтегрирует дыхание и становится изнутри вовне речью, снаружи же вовнутрь – человеческим образом. Если мы поймём конкретную жизнь речи, мы научимся в этой жизни речи и слова, в космическом образе слова познавать силы, образующие человека и вступающие в него и также действующие пластически в человеческом эмбрионе, а затем в младенце, когда человек из внутренних сил пластически создаёт свой образ, свою форму. И эта связь между словом и человеческим образом есть факт, о котором можно говорить как о реальности, потому что он может быть наблюдаем, как я вам сейчас его описал. Можно ещё заметить следующее. Когда вы видите засыпающего человека, то его астральное тело колеблется на волнах воздуха внутри воздушного пространства; а его Я уходит в неопределённые дали, в каком-то смысле исчезает в тепловых состояниях внешнего мира. В тепловом эфире и в воздухе душа может жить между засыпанием и пробуждением человека.

Итак, мы имеем физическое тело человека, которое, собственно, принадлежит Земле; его эфирное тело, принадлежащее текучему, водному элементу Земли, проявляющее к этому элементу совершенно особое отношение; астральное тело, принадлежащее воздушному элементу; и, наконец, Я, принадлежавшее тепловому элементу, элементу огня. И именно это и составляет явление, которое можно воспринять, когда Мировое Слово входит в человека и оттягивает силы воздуха и тепла, соединяя их с силами воды и земли. Всё это представляет взаимодействие сил, которое

развертывается во внутренне-духовном существе человека, когда он спускается из духовно-душевного мира в земное бытие.

Все эти вещи, конечно, могут быть восприняты лишь внутренне, но этим внутренним восприятием они действительно постигаются как реальности. Нужно сказать, что так как нынешний язык целиком приспособлен для материализма и материалистического мировоззрения, трудно прибегать к выражениям современного языка, но вместе с тем, чем больше и больше нам будет удаваться облекать в слова сверхчувственные восприятия, тем больше будут проникать в душу наглядные представления, и каждому станет понятнее, что можно выразить словами с помощью науки посвящения. Это факт, что такие вещи можно *воспринять* только с помощью сверхчувственного познания; однако для того, чтобы эти вещи *понять*, не обязательно обладать этим сверхчувственным познанием. Для сравнения я часто говорил, что можно судить о картине, переживая эстетическое наслаждение, не будучи художником, – так и духовную науку, Антропософию, можно научиться понимать, не будучи исследователем духовного, хотя в наши дни, благодаря работе "Как достигнуть познания высших миров" и др., каждый может стать таким духовным исследователем, так, что будет даже в состоянии иметь результаты духовно-научных исследований. Однако содержание духовных истин приобретает истинный смысл для человека не потому, что он сам эти вещи исследует, а потому, что он их *понимает*, проникается ими. Если человек действительно воспринимает идеи, в которые облекается истинное духовное исследование, о нём можно сказать: хотя такой человек и обладает только обычным человеческим здравым разумом, он в состоянии воспринять эти вещи, как воспринимает вкус сахара человек, не знающий его химического состава. То, что человеческому организму нужно от сахара, он получает независимо от того, известен ему или неизвестен химический состав сахара. Точно так же обстоит дело и со сверхчувственными истинами. То, что в них должен получить человек, он может воспринять в виде идей, в облачении которых эти истины будут ему доступны. Всё остальное относится уже к пути для достижения этих истин, но это помогло бы человеку так же, как если бы я сказал ребёнку: я не дам тебе сахару, но я расскажу тебе, каким образом, с помощью каких химических процессов образуется сахар. Ребёнка это не удовлетворило бы.

Точно так же люди не будут удовлетворены чистым

исследованием в духовных мирах, вместо того, чтобы иметь возможность пережить духовные результаты этих исследований в поддающейся формулировке идее. Но именно эти идеи человек может пережить так, чтобы результаты Антропософии созрели в нём в жизненное содержание. И если человек воспримет всё, что дается Антропософией, он сможет тогда сначала воспринять то, что описывается в имагинациях, – и тогда он действительно оказывает великое благодеяние своему здравому рассудку, ибо его личность делается свободнее и самостоятельнее. Тем самым человек достигает качеств, чрезвычайно необходимых и в современности, и в ближайшем будущем. Ведь в наше время люди очень и очень зависят от совершенно не контролируемых идей и тому подобного, что они воспринимают.

Я хотел бы только напомнить, как люди, посещающие в наши дни всевозможные собрания, представляют собой, собственно говоря, стадо овец, которые на всякие лозунги, выбрасываемые в толпу ораторами, сталкиваются, сбиваются в кучи и потом бегут за вожаками. В этом отношении современное человечество поразительно несамостоятельно. Оно несамостоятельно уже по одному тому, что принимает на веру всякое утверждение. Благодаря этому люди постепенно попросту разучиваются мыслить, ибо их мышление в духовном свете, так сказать, уже не воспринимается.

В этом смысле происходят поразительные вещи! Так, например, в дополнение к эвритмическому представлению в Берлине один остроумный критик сказал: «На данном представлении вам были сначала показаны серьёзные, а затем комические пьесы. Мы убедились в несознательности эвритмии уже потому, что юмористический жанр передаётся теми же движениями и жестами, что и серьёзные пьесы.» Но ведь перед представлением было сделано пояснение, что эвритмия есть «видимая речь», поэтому всё дело сводится к тому, чтобы воспринимать содержание эвритмии именно просто как речь. А что же должно было бы последовать из рассуждений этого критика? Если бы он был последователен, он должен был бы сказать: «Когда, например, какой-нибудь чтец пользуется обычным языком, то, скажем, стихи он не должен читать драматические и комические, пользуясь одинаковыми звуками, – он в этом должен был бы усмотреть такое же противоречие, как и в применении к языку эвритмии: одних и тех же движений, как для юмора, так и для драмы.» Это всё абсолютная бессмыслица, но люди её читают и не замечают, что в таких утверждениях нет уже никаких мыслей, что всё это

только прокручивание каких-то мозговых процессов, которые, может быть, и отражают какие-то мысли, но сами уже никаких мыслей не содержат, и всё это является полнейшей глупостью.

На таких примерах видно, насколько люди утратили свою внутреннюю активность.

Истинная жизнь в мыслях должна начаться именно потому и благодаря тому, что люди будут вживаться в имажинативную жизнь и здоровым человеческим разумом принимать результаты имажинативной жизни. Человек станет благодаря этому активнее, он станет в полном смысле слова личностью.

Совершенно особое значение уже имеет – отдаться всему, что вытекает из инспиративного сознания. Когда эти данные инспирации переживаешь с помощью здорового человеческого разума, тогда постепенно истинное и ложное превращается в здоровые и нездоровые суждения, – как я часто в различной связи уже говорил об этом. Когда человек слышит нечто ложное, у него возникает чувство, что это проявление болезни. Логика истинного и ложного имеет значение, собственно, лишь для физического мира. Как только мы начинаем вживаться в духовный мир, истинное становится для нас здоровым, а ложь – заблуждением, болезнью.

Благодаря тому, что мы изучаем истины инспирации, мы овладеваем смыслом здорового и больного суждения, мы тем самым уготовливаем себе также путь к пониманию Сверхения Христа. Ибо Христос сошёл в мир потому, что развитию человечества угрожала болезнь. Из Пришествия Христа, из Мистерии Голгофы исходит сила, благодаря которой человек может быть снова обращён к Истине, к оздоровлению. Благодаря инспиративным истинам мы действительно снова приобретаем возможность понять смысл религиозных истин, в особенности истин христианских. Мы снова учимся понимать, почему Существо Христа прославляется как Целитель, как это Существо действительно *исцеляет, всегда исцеляло и постоянно будет исцелять* человечество. Это слово «Исцелитель» действительно возникло на этом основании. Так как ко времени Мистерии Голгофы ещё существовали древние способности ясновидения, которые потом погасли уже в IV веке после Мистерии Голгофы, но до тех пор ещё живы были понятия об этих способностях, и людям ещё было доступно понимание Мистерии Голгофы.

В наши дни мы снова должны пробиваться к пониманию этого Величайшего События в истории Земли. Вплоть до Мистерии Голгофы Христос жил в том мире, который мы воспринимаем во сне, так что *перед Мистерией Голгофы*

Христос был доступен восприятию Его во сне каждому человеку. Но ни одному человеку не позволялось думать, и это внушалось людям из посвящения, – чтобы Существо, живущее в Христе, могло бы быть постигнуто земной мыслью, чтобы Его можно было обрести в состоянии бодрствования. Это стало возможным лишь благодаря Мистерии Голгофы, благодаря тому, что Христос пережил смерть. С той поры человек имеет право думать о Нем, как о Существе, принадлежащем земной жизни. Тогда в земном бытии создается реальное представление о Боге, спустившемся в физический мир из страны снов.

Это реальный процесс: Бог, познавший то, чего не дано было познать другим богам, – этот Бог, познавший смерть и принявший её в Себя, и есть Христос, и есть тот Бог, Который вступил в мир, в Котором существует рождение и смерть, – это и есть схождение Бога в природу человеческую. Бог стал человеком. Это формула, в которой выражено, кем стал Христос: Он стал для Земли Существом, благодаря Которому человечество обретает смысл.

Но если бы при этом совершилось и противоположное событие, если бы в то же время, когда Бог стал человеком, некий человек проникся бы стремлением стать богом, то есть не подлежать смерти и не подчиняться законам земного бытия, тогда в то время, как Бог стал совершенным человеком, сойдя на Землю, – этот человек, не пожелавший подчиняться законам земного бытия, стал бы несчастнейшим из богов!

И эта полярность действительно существует! Недаром рядом с Христом, поднимающимся на Голгофу, стоит Агасфер, человек, ставший богом, но богом поддельным, утратившим способность умереть, который теперь носится по свету, не будучи в состоянии умереть, богом, пребывающим, собственно, на физическом плане, но развивающим здесь те же свойства, которые подобают лишь стране снов. Это страшное духовное существо, стоящее перед нами рядом с Богом, – существо, ставшее богом и поплатившееся за это великим мучением. Этот человек, ставший богом, подчинён в процессе земного развития тому же началу, что и всякое божество, не могущее сходить до физического плана, и это начало выражено в иудействе, в ветхозаветном мировоззрении.

Здесь мы стоим перед тайной. Тот, кому известны эти вещи, знает, что Агасфер – реальное существо и что сказания об Агасфере основываются на реальных впечатлениях, реальных восприятиях от Агасфера, бывших в том или ином месте, ибо Агасфер существует и Агасфер стал покровителем иудейства

после того, как свершилась Мистерия Голгофы. Это человек, ставший богом. Мы должны твёрдо запомнить, что мы сможем проникнуть к познанию исторической реальности, лишь привлекая этому познанию духовное.

В Событии Голгофы мы, с одной стороны, взираем на *вочеловечивание Бога*, а с другой стороны, мы видим обожествление человека в Агасфере. И посвящённому ведомо, что Агасфер обречён на вечное странствование. Его, конечно, нельзя увидеть, как человека. Он же стал богом, но он обретается среди нас, он существует в земном бытии. И истинные исторические представления, охватывающие полную реальность, требуют также внимания к тому и учёта того, что как духовная реальность связывается с историческим становлением человеческого развития.

Конечно, многие вещи доступны лишь в образах. Но всё дело в том, чтобы человеку было известно, что эти образы соответствуют реальности. Глупо говорить, что нельзя облекать вещи в такие образы, – когда мы говорим, мы ведь всегда прибегаем к образам. Возьмём санскритское слово «Манас». Кто понимает, что такое «Манас», тот видит перед собой в звуке и в образе чашу Луны, несущую Солнце. Потому что, когда на древнем санскрите произносили «Манас», то чувствовали человека, как волевое существо, который, как чаша, нёс в себе мыслящее существо. Все слова восходят к образам, все слова вообще лишь суть элементарные, простые образы. То, что выражают в словах, не заключено в них самих.

Есть более сложные существа, которые не поддаются выражению в словах и для выражения которых приходится подыскивать образы. И если говорится об Агасфере и сказаниях о нём, то обычно приводят образы, и это лишь усложнённая форма выражения, которая указывает на духовную сторону подобных вещей.

Тот же, кто в этом смысле бранит мифологию, должен был бы с тем же основанием осуждать людей за то, что они создали язык, с помощью которого они в состоянии выразить какое-нибудь содержание. Он должен был бы приказать людям стать немыми, потому что вслед за наложением запрета на мифологию следующей ступенью был бы запрет на речь. Потому что это тот же процесс воплощения в образы обычного языка, когда что-либо рассказывается об Агасфере, который, как духовное существо, проходит через мировое развитие, непрерывно препятствуя тому, чтобы человек, как ему подобает в его развитии, снова через Христа вернулся в духовный мир, который он покинул, когда утратил

атавистическое ясновидение.

Всё, что я хотел вам сегодня сказать, это, с одной стороны, напомнить с помощью характеристики состояний сна со сновидениями и без них, что человек действительно укоренен в духовном мире, а с другой стороны, указать, что в истории живут духовные существа, благодаря которым только и можно понять действительный ход истории.

Вторая лекция

Три состояния ночного сознания

Дорнах, 24 марта 1922 г.

Бодрствование нам знакомо, прежде всего, в человеке, но эта знакомая нам область не скрывает никаких загадок бытия. Если бы мы захотели из этого состояния вывести разрешение загадок бытия, как мы это делаем для нашей обычной жизни и обычной науки, – то их бы попросту не оказалось, потому что они непрерывно разрешались бы. У человека даже и не вставал бы вопрос: *где же таятся глубочайшие основы жизни?* И тот факт, что человек, быть может, и не находя этой точной формулировки вопроса, *всё же* чувствует в глубине души потребность знать что-то, о чём ему не может ничего рассказать обычное сознание, – этот факт свидетельствует о том, что из глубины человеческой души, т.е. более или менее бессознательно, что-то подымается, что человеку присуще, по что он должен искать, если он хочет постичь это в ясном дневном сознании. Менее наблюдательного человека это приводит ко всяким отвлеченным спекуляциям и философствованиям. Но в конце концов эти философствования его не удовлетворяют. Человек же, воспринимавший жизненные явления с известной непредвзятостью, вынужден признать, что в состоянии сна что-то скрывается и что из понимания этого состояния можно было бы придти к хотя бы какому-то пониманию жизни. Мы уже часто обсуждали такие вещи, однако к ним все снова и снова следует возвращаться с самых различных точек зрения, потому что Антропософию можно понять лишь подступая к ней с разных сторон.

Итак, во сне перед нами встаёт сначала жизнь снов. Жизнь снов протекает в образах. Очень скоро можно заметить, если понаблюдать за сновидениями, что эти образы так или иначе связаны с жизнью, с обычным сознанием. Если человек и говорит часто, что видит во сне вещи, которые он никогда в жизни не переживал, то я всё-таки утверждал бы, что части, из которых состоит сон, *части образов сновидений* всё-таки заимствуются из обычного сознания. Иное дело *драматика* сна, то, каким образом протекают во сне напряжения, как он вызывает внутреннее чувство страха, радости, подъёма. Всё, что касается этого драматического фона, подстилающего сновидения, исходит из более глубоких пластов человеческой

природы, и в этом можно убедиться следующим образом.

Вам может сниться, что вы куда-то идёте. Вы подходите к горе. Вы входите в горную пещеру. Сначала вы вступаете в сумерки, потом становится темнее. Однако непонятное влечение заставляет вас идти дальше. Вас охватывает боязнь. Всё это постепенно нагнетается, пока, наконец, вами не овладевает такой страх, что вам кажется, что вы сейчас провалитесь в бездну, скрытую внутри пещеры. С этим чувством страха вы можете проснуться, и это состояние может длиться и после пробуждения.

Или вам может присниться другой сон. Вы где-то стоите и видите издали идущего к вам человека. Он подходит всё ближе, у него страшное выражение лица. И когда он подходит к вам ближе, вы понимаете, что он хочет броситься на вас. Ваша боязнь растёт. И вот какой-то невинный предмет, который он вам издала показывает, он превращает (а ведь сон великий фокусник) в какое-то смертоубийственное орудие. Ваша боязнь переходит в ужас. С этим чувством вы просыпаетесь, причём оно может длиться и в вашей бодрственной жизни.

Мы привели два совершенно различных сна. В первый раз все образы страха были построены на вашем проникновении в пещеру, в другом же сне весь ряд образов был связан с приближающимся врагом. Душа может пережить одно и то же состояние, несмотря на различные образы сновидений. И то, что совершается с душой, совершенно отлично от того, что переживает при пробуждении сознание. Можно даже сказать, что образы снов вообще не имеют никакого значения, а всё дело в том, как душа переживает некие драматические положения: как сначала душа куда-то стремиться, или вместо стремления души к ней самой что-то приближается, как она чувствует боязнь, страх, как всё это заставляет человека встряхнуться от сна и перейти в обычное состояние сознания. И всё дело в этих, всё усиливающихся силах, которые сами не видны, но которые облакаются в разные образы. При этом оба рода сновидений, которые я привёл, я мог бы, конечно, во много раз умножить: одно и то же душевное состояние можно облечь в 10, 20, 100 различных образов. Стало быть, можно сказать: что-то при всём этом происходит с душой. Но этого, происходящего с душой, человек не замечает, он этого не знает. Он знает только образы. Я на рисунке их схематически прорисовываю (жёлтая краска). Эти образы человек и переживает в сновидческом состоянии. Главное же дело в развитии и повышении напряжения: лёгкая боязнь, сильный

страх, ужас. Сновидение всё же более или менее заимствуется из жизни, так как гора или горная пещера – всё это жизненные образы. Приближающийся враг также заимствован из жизни, как и его оружие. Образы сна всегда заимствуют своё содержание из жизни. Но это лишь облачение. Если только человек имеет возможность через сознание, которое я уже часто характеризовал, как имагинативное, проникнуть за это облачение и задержаться не для создания образов, а задержаться с этим имагинативным сознанием среди этих душевных сил, таких как боязнь, страх, ужас, и, если человек в состоянии создавать образы в области этих сил, тогда произойдёт нечто совсем особое. Потому что, когда вы спите, своим Я и астральным телом вы сначала находитесь вне эфирного и физического тел. Когда вы пробуждаетесь, если всё обстоит нормально, вы очень быстро погружаетесь в эфирное тело и очень быстро, проникая через него, тотчас же вступаете в тело физическое. Если же вы в состоянии, несколько отклоняющемся от нормы, не сразу входите в физическое тело, а как бы дополнительно задерживаетесь в эфирном, тогда и возникают эти образы из жизни.

Потому что в обычном сознании у человека нет никаких представлений о самом сне, и образы сновидений возникают либо в то мгновение, когда он вступает в физическое тело, проходя через эфирное, либо, когда при засыпании он выходит из физического тела, но ещё несколько задерживается в эфирном. Только в этих промежуточных состояниях и образуются сновидения, заимствующие свои образы из жизни. Однако имагинативное сознание приводит к тому, что человек в состоянии жить совершенно вне тела среди тех душевных сил, которые как бы подстилают сон. И тогда человек живёт в иной действительности. Тогда человек живёт в мире, в котором, собственно, он и пребывает между засыпанием и пробуждением. В этом мире человек живёт бессознательно. Образно это можно себе представить, как если бы человек погрузился в воду и потерял сознание и снова пришёл бы в себя, когда вода вынесла бы его на поверхность.

Погружаясь в духовный мир, человек теряет сознание. При пробуждении он как бы всплывает, и к нему возвращается сознание. Это всплывание и означает вхождение в физическое тело. Когда же, как я уже сказал, это вхождение в физическое тело происходит не мгновенно, если он ещё успеет заметить переход через тело эфирное, тогда он видит сны. Однако если человек не задерживает своего внимания на этих снах, если ему это не нужно, если он полностью вне физического тела

воспринимает уже образы из самого духовного мира, тогда перед ним встают не любые произвольные образы, но образы, которые вы найдёте в моём описании становления мира, в «Тайноведении». И все описания, подобные моим описаниям в «Тайноведении», именно такого же происхождения, как я вам только что описал.¹

Если спросить, что находится в «Очерке тайноведения», то ответ таков: «Мысли». Эти мысли могут быть проработаны. Я снова и снова подчеркивал, что здоровый человеческий разум в состоянии воспринять и проанализировать эти мысли. Это мысли, но они не являются обычными мыслями: это мысли, творчески действующие в Космосе. Человек может жить в этих мыслях, когда он находится по ту сторону порога, ведущего в духовный мир. Можно жить в этих мыслях, которые ведут активную деятельность в Космосе. Это первое, что обнаруживают, когда входят в сверхчувственный мир.

Вообразите себе спящего человека. Во время сна в душе происходят процессы огромной интенсивности, имеющие далеко идущее воздействие. Об этом ничего неизвестно, потому что во сне человек пребывает без сознания. По утрам человек вновь вступает в своё физическое тело, мгновенно погружаясь в него. Глаза он использует для восприятия света и цвета, уши – чтобы слышать звуки, и так далее. Человек становится осознающим. Но есть промежуточное состояние, когда непосредственно перед входом в физическое тело человек входит в эфирное тело. Тогда возникают грёзы. Но если бы человек стал осознающим до проникновения в эфирное тело, он или она стал бы тогда осознающим во внешнем космическом эфире, который заполняет весь Космос; тогда у него будет сознание того, что описано в моём «Очерке тайноведения».

Если, к примеру, вы стали бы осознающим в полночь, не возвращаясь в ваше физическое тело, так что это физическое тело встало бы перед вами, и вы рассматривали бы его, ибо оно стало бы видимым, – вы осознали бы всю ту космологию, которую я описал в «Очерке тайноведения». То, что там описано, можно было бы назвать формирующими силами Космоса или космическими мыслями. Точно так же, как люди имеют свои собственные мысли в бодрственной жизни, они могли бы теперь сказать: «Земля возникла таким-то и таким-то

---

¹ *Нижеследующие три абзаца отсутствовали в русском переводе и восстановлены по английскому переводу - Р.И.*

образом, она прошла через состояние Луны, состояние Солнца и состояние Сатурна», – как я это описал в «Очерке тайноведения».

Но этот способ восприятия духовного мира есть лишь один из трёх. Когда человек рассматривает своё дневное сознание, то он может различить в нём три состояния: мышление, чувство и волю. Но точно так же, как дневное состояние сознания расчленяется на мышление, чувство и волю, так и ночное состояние, переживаемое обычным сознанием, как отсутствие сознания, имеет три состояния. От засыпания и вплоть до пробуждения человек не спит в одном и том же состоянии, так же, как не находится он в одном состоянии и во время дневного бодрствования. Мы бодрствуем, когда мы мыслим, чувствуем, когда в нас проявляется воля; бессознательность тоже может проявляться в трёх состояниях сна. В трёх состояниях может проявлять себя бодрствование, и в трёх же состояниях – сон. Человек, обладающий имагинативным сознанием, в состоянии созерцать мирообразующие силы именно потому, что он достиг этого путём познания. Но любой человек, засыпая, погружается в этот мир творящих сил, в эти мировые мысли, и так же, как прыгая в воду, вы погружаетесь в неё, сходный процесс вы совершаете, засыпая и погружаясь, прежде всего, в мир творящих сил.

Но помимо этой жизни в мире творящих сил, в состоянии сна есть ещё два других состояния, подобно тому, как в бодрствующем состоянии помимо мышления есть ещё чувство и воля. Если рассматривать мышление, то это соответствует во сне жизни в мире творящих сил. У вас будет чувство, будто вы проплываете через всю Вселенную, от одного её края до другого, когда вы движетесь в потоке мыслей, которые суть творящие силы. И это будет тишайший сон, когда сознание движется в мире мыслительных сил. Но есть более глубокий сон, такой сон, о котором мы ничего не можем знать, если у нас не развиты определенные способности. Благодаря сновидениям, из тишайшего сна можно что-то захватить с собой в дневную жизнь, но тогда, как я уже вам выше объяснял, образы сновидений значения не имеют, потому что один и тот же сон может облечься в различнейшие образы... Тем не менее, тишайший сон может привести к сновидениям, то есть из этого сна можно что-то перенести в сознание, можно хотя бы уловить: вот, ты что-то пережил во сне, – можно уловить какие-то намеки на то, что ты во сне что-то пережил.

О более глубоком сне может быть известно только

человеку, который способен воспринимать уже в инспиративном сознании. Такой человек воспринимает не только содержание моего «Тайноведения». И в «Тайноведении» я кое-что описывал из того, что может прозвучать из инспиративного сознания, но здесь мы должны уяснить – что и может быть сделано только с помощью Антропософии, – как происходит переход от лёгкого тихого сна к более глубокому сну, из которого человек обычно уже никаких снов уже не выносит.

Когда сон так лёгок, что в обычной жизни от него остаются сновидения, тогда человек, могущий воспринимать в этих мирах волнуемую, переливающуюся ткань мыслительных образов, видит мир имагинаций, раскрывающий ему тайны мира, которые говорят ему, к какому миру он принадлежит, где он живёт своим сознанием от засыпания до пробуждения. Потому что всё описанное мною в «Тайноведении» нельзя было бы выразить в красках на какой-то поверхности, нет, всё это находится в непрестанном движении, – в непрерывной подвижности.

Но в определённый момент в этом мире, который переживает всякий человек во сне, только не зная об этом, – в определённый момент начинают выступать образы. Эти образы становятся всё яснее, их блеск становится всё ярче и они раскрывают стоящих за ними неких существ. Потом эти образы снова отступают. И в сознании ничего не остаётся, кроме чувства, что эти образы сникли. Затем они снова восстают. Но в то время, когда эти образы становятся то подвижней, то меркнут, возникают звуки, которые можно назвать мировой гармонией, звучит мировая музыка, – которая живёт не только в мелодии и гармонии, – но которая являет собой деяния, поступки тех самых существ, которые обитают в духовном мире, – деяния Ангелов, Архангелов, Архаев и так далее. Человек словно видит на фоне мерцающего моря образов движущиеся существа, которые духовно управляют миром. И этот мир воспринимается человеком посредством инспирации. Это – второй мир. Я могу назвать его миром откровения духовных существ. И этот мир, мир откровения духовных сущностей, составляет второй элемент сна, так же как чувство – второй элемент бодрствования. Таким образом, человек во время сна вступает не только в мир, где царят мировые мысли, но внутри этих потоков мировых мыслей ему открываются деяния мировых существ, принадлежащих духовному миру.

Но, кроме этих двух состояний сна, есть ещё и третье. Об этом третьем состоянии сна человек, по большей части, даже

ничего не подозревает. Что существует лёгкий сон, он, как правило, знает и знает также, что в этом лёгком сне он видит сновидения. Он замечает также, что бывает сон и без сновидений. Но самое большее, что могут знать об этом третьем роде сна, это в лучшем случае возникающее в сознании при пробуждении чувство, что испытали во сне что-то очень тяжёлое, что-то, что приходится преодолевать в первые часы после пробуждения. Я совершенно уверен, что многим из вас известно это состояние утром, когда знаешь: ты спал не так, как обычно, было что-то во сне, оставившее в тебе какую-то тяжесть, которую надо ещё в течение нескольких часов преодолевать, когда утром просыпаешься. Эти ощущения указывают на третий род сна, содержание которого может быть воспринято лишь интуитивным сознанием. И этот третий род сна имеет для человека величайшее значение!

Когда человек погружён в лёгкий сон, он часто проделывает многое из того, что он делает и в состоянии бодрствования. Он принимает участие в своём дыхании, хотя и по-другому. Он участвует, хотя и не изнутри, а извне, в циркуляции крови и в других телесных процессах.

Когда человек находится в состоянии второго рода сна, тогда он, правда, уже не принимает участия в телесной жизни, но, можно сказать, что он причастен миру, общему как его телу, так и его душе. Между телом и душой разыгрываются ещё какие-то взаимоотношения. Что-то происходит, как между светом и растением, когда растение днем распускается на свету.

Когда же человек погружён в третий род сна, тогда в нём образуется кое-что, я бы сказал, подобное минералу. В его теле особенно интенсивно откладываются соли. Да, в физическом теле человека во время этого третьего рода сна происходит отложение солей. Но зато человек своей душой находится внутри минерального тела.

Представьте себе, что вы можете произвести следующий опыт:

Вы ложитесь в постель, погружаетесь сначала в лёгкий сон, из которого в вашем сознании ещё выступают сновидения. Затем переходите к более глубокому сну уже без сновидений, в котором, однако, душа человека ещё остается связанной с телом. И, наконец, вы засыпаете так глубоко, что в вашем теле происходит интенсивный процесс отложения солей. И к тому, что происходит в вашем теле, душа никакого отношения иметь не может. Но, если бы вы при этом положили бы на ночном столике рядом с собой горный кристалл, то вы смогли бы

вашей душой проникнуть в этот кристалл целиком. Вы бы проскользнули внутрь кристалла и стали бы воспринимать его изнутри.

Это вам недоступно ни во сне первого рода, ни во сне второго рода. Во сне первого рода, содержание которого может перейти в сновидения, если бы вам приснился горный кристалл, то вы его именно таким бы и пережили. Может быть, его образ был бы несколько смутным, но это было бы всё-таки подобие горного кристалла. Если бы вы погрузились в сон второго рода, вы уже не могли бы пережить кристалл в таких чётко ограниченных формах. Если бы вы в этом состоянии могли бы видеть сны (обычно это невозможно), то можно представить себе, что вам снится кристалл, – тогда вы пережили бы его, как нечто очень смутное, подобное шару или эллипсоиду, которые формировались, а потом исчезли бы. Но если бы вы могли видеть сны, могли бы достичь интуитивного сознания в самом глубоком сне третьего рода, то вы пережили бы горный кристалл так, словно вы бы изнутри скользили бы по его граням, затем поднимались бы к вершине его, потом снова соскальзывали бы, словом, вы пережили бы кристалл изнутри, вы вселились бы в него. То же самое происходило бы и с другими минералами. И вы переживали бы не только форму, но вы переживали бы и внутренние силы. Короче говоря, третий род сна целиком выводит человека из его тела и полностью устанавливает его в духовном мире. Во время этого третьего рода сна человек находится в существе самого духовного мира, – это значит, что находится внутри существа Ангелов, Архангелов, всех тех сущностей, которые обычно воспринимаются лишь внешне, то есть в их откровениях. Когда во время между пробуждением и засыпанием вы пользуетесь своим чувственным сознанием, вы видите лишь внешние откровения Божественного в природе.

Вы проникаете во сне либо в мир образов, при легчайшем сне, либо – во втором роде сна – в мир проявлений, в мир откровений; во сне же третьего рода вы внедряетесь внутрь божественно-духовных существ; итак, подобно тому, что человек испытывает в дневном сознании: как мышление, чувство или волю, – так и во сне, человек либо струится вместе

с мировыми мыслями, либо из этих мировых мыслей ему раскрываются деяния божественно-духовных существ, либо, наконец, эти существа сами вбирают в себя человека, так, что он как бы покоится в них своей душой. И как мысли или представления для дневного сознания переживаются как нечто ясное и отчётливое, как чувство воспринимается уже как нечто более смутное (ибо чувство есть, собственно, некий сон) и как воля – это самое смутное состояние дневного сознания, подобное сну, – так имеются и три состояния сна: сон, в котором обычное сознание видит сновидения, а высшее, ясновидящее сознание переживает мировые мысли. Мы переживаем второй род сна, который остаётся уже недоступен обычному сознанию, который воспринимается инспиративным сознанием, которому повсюду открываются деяния божественно-духовных существ. И мы знаем третий род сна, видимый интуитивному сознанию, во время которого сознание живёт внутри божественно-духовных существ. Это явствует из того, что человек, например, погружается внутрь минералов, как уже говорилось. И это третье состояние сна имеет для человека особое значение.

Если вы возьмёте сначала второй род сна, вы будете воспринимать в этом сне, как я уже говорил, в мире всплывающих, исчезающих, колеблющихся образов мировых существ: Ангелов, Архангелов и т.д., – но наряду с этим вы будете осознавать и себя. Вы чувствуете себя в этом мире душой, но не той, которой вы наделены сейчас, а той, какой вы были до вашего рождения или зачатия. Вы учитесь познавать себя таким, каким вы жили между своей смертью и новым рождением. Всё это относится ко второму миру. И каждый раз, когда мы спим без сновидений, мы живём в том мире, в котором мы пребывали перед этим, перед тем, как решили вновь спуститься на Землю в физическое тело.

Но когда мы переживаем сон третьего рода и при этом «просыпаемся» (просыпается интуитивное сознание), – т.е., если вы представите себе, что вы впали в сон третьего рода и при этом «просыпаетесь», – тогда вы переживаете свою судьбу, свою карму. Тогда вы узнаете, почему вы в этой жизни наделены такими-то или другими способностями, на основании прожитой вами предшествующей жизни. Тогда вы понимаете, почему вы в этой жизни встречаетесь с теми или иными людьми, вы учитесь познавать свою судьбу, свою карму. И эту судьбу, – я подхожу теперь к этому с другой точки зрения, – вы учитесь познавать, когда вы в состоянии проникнуть внутрь минерала. Если вы в состоянии созерцать горный кристалл не

только снаружи, но и изнутри, вы, конечно, не должны его для этого раздроблять, ибо тогда вы его, опять-таки, увидели бы извне, – но вы должны, как я описал, находиться внутри него. Если вы в состоянии это сделать, если вы сможете созерцать кристалл изнутри, тогда вы сможете и воспринять, почему в данной жизни вас постиг тот или иной удар судьбы.

Возьмите любой кристалл, ну, скажем, кубик соли. Вы разглядываете его снаружи, таким вы видите его в состоянии обычного сознания. И тогда ваша жизнь остаётся для вас непрозрачной. Если же вы сможете в него проникнуть, – при этом пространственная величина никакой роли не играет, – если вы можете его разглядывать изнутри во все стороны, тогда вы оказываетесь в мире, в котором вам оказывается понятной и ваша судьба. Но в этом мире вы находитесь каждую ночь, когда вы погружаетесь в сон третьего порядка. Этот сон третьего порядка отличается одной особенностью.

Видите ли, люди, жившие до Мистерии Голгофы, – а мы и сами все жили в наших прежних воплощениях до Пришествия Христа на Землю, – итак, люди, жившие до Мистерии Голгофы, очень часто впадали в этот сон третьего порядка. Однако прежде чем они погружались в это третье состояние сна, появлялся их Ангел и извлекал их. Ибо в этом и состоит особенность: из первого и второго порядка сна человек в состоянии выйти сам, из третьего же рода сна он самостоятельно выйти не может. В состоянии сна третьего рода человек, до Пришествия на Землю Христа, должен был бы умереть, если бы его не выводили из этого сна Ангелы или какие-нибудь другие существа.

Со времени же Пришествия Христа, как я уже часто подчеркивал, Сила Его связана с Землёй, и каждый раз, как человек должен выйти из состояния сна третьего порядка, ему должна прийти на помощь Сила Христа, соединившаяся через Мистерию Голгофы с Землёй. Без Силы Христа человек не мог бы пробудиться от этого третьего рода сна. Он может проскользнуть в кристаллы, но без Силы Христовой выйти из кристаллов не может.

Когда нам дозволено заглянуть за кулисы бытия, мы понимаем, какое значение для земной жизни имеет Христов Импульс.

Я снова со всей силой подчеркиваю, человек мог проникнуть в кристалл, но не мог из него выбраться. Такие вещи особенно отчётливо понимались всюду там, где после Мистерии Голгофы, после сошествия Христа на Землю, ещё имелось древнее, сильное языческое ясновидение и вместе с

тем уже было откровение Христа, как, например, в среднеевропейских областях. Тогда о многих людях было известно, что они умерли именно потому, что впали в такой глубокий сон. Им не пришлось бы умереть, если бы на помощь им пришёл Христос.

Так, например, воспринимали люди, - я не хочу здесь говорить ни о чём ином, кроме того, что воспринималось людьми, - так вот, именно так люди воспринимали смерть Карла Великого или Фридриха Барбароссы. Несмотря на то, что с точки зрения внешнего, физического мира Фридрих Барбаросса утонул, смерть его воспринималась, как я только что рассказал. И в особенности ясно это воспринималось в отношении Карла Великого. Куда для средневекового сознания могла деваться такая душа? Во внутренний мир кристаллов. Поэтому её поселяли в горы, где она должна была дожидаться, пока не придёт Христос и не пробудит её от глубокого сна.

Такие сказания связаны именно с подобным сознанием. Тесная связь Импульса Христа с Землёй после Мистерии Голгофы, - вот что даёт возможность Ангелам, Архангелам и т.д. выводить человека из сна, потому что иначе, погрузись он в третий род сна, выйти из него он бы уже не смог.

Этот факт связан с Силой Христа, но не с верою во Христа, ибо к какой бы религии человек ни принадлежал, вся Жизнь Христа остаётся объективным фактом, и то, о чём я здесь говорю, как об объективных фактах, действительно для человека, независимо от его веры. О том, какое значение имеет вера, мы поговорим в ближайшие дни. То же, что я вам только что изложил, есть реальный факт, независимый ни от какой веры.

Почему же так случилось? Случилось так потому, что самый мир Богов постигла иная судьба, Боги познали иную, чем раньше, судьбу, которую я описал бы следующими словами: Люди здесь на Земле рождаются и умирают. Одно же из свойств божественно-духовных существ, принадлежащих к высшим Иерархиям, выражается в том, что они не рождаются и не умирают, - *они превращаются*. Христос, пребывающий до Мистерии Голгофы с другими божественно-духовными существами, решил познать смерть, сойти на Землю, стать человеком, чтобы, облекшись в человеческую природу, пройти через смерть и затем после смерти восстать к сознанию через воскресение! То, что Бог прошёл через смерть, чтобы иметь возможность делать всё, что вам уже известно, и то, о чём я только что вам рассказал, - было вообще очень значительным событием в божественно-духовном мире. Так, мы можем

сказать: в истории земного развития произошло значительнейшее событие – Бог стал человеком и, благодаря этому, Сила Его пронизывает важные явления, которые я вам описал. Бог, ставший человеком, обладает такой Силой в земной жизни, что Он извлекает человеческие души из кристаллов, если они туда проникли. Так что, говоря о Христе, мы имеем в виду Существо, о Котором мы можем утверждать: Он Бог, ставший человеком. Что же было противоположностью Его Явлению?

Его противоположностью был бы человек, ставший богом. Это не должен был быть совершенно благой Бог, но как Христос спустился в мир человека и принял смерть, т.е., прежде всего, облёкся в земное тело, чтобы быть причастным к человеческой судьбе, – так мы приходим к противоположному полюсу: к человеку, освободившемуся от смерти, освободившемуся от условий человеческого тела и ставшего богом в условиях земной жизни. Тогда такой человек перестаёт быть смертным, он обречён скитаться по Земле. Хотя во всяком случае и в других условиях, чем обыкновенный человек, идущий от рождения к смерти, а от смерти – к новому рождению, такой человек обретается на Земле, как незаконно ставший богом. Как Христос – законно воплотившийся человек, – так нам следует найти Его противоположность, а именно незаконно обожествившегося человека, уже не смертного, скитающегося по Земле человека, который незаконным образом присвоил себе Божественную Природу. А нам известно, как в Христианских преданиях говорят о законно воочеловечившемся Боге, о Христе Иисусе, так и – в связи с Христом Иисусом – сообщается и об Агасфере как о человеке, незаконно ставшем богом и отвергнувшем смертную человеческую природу. Так в Агасфере мы имеем полярную противоположность Христу Иисусу. В этом заключено глубокое значение сказания об Агасфере, сказания, которое не следует забывать, ибо оно реальность. Да, реальность – это существо, скитающееся по Земле. Он кочует по Земле от одного народа к другому. Он, например, не даёт вымереть иудейской вере.

У человека имеются все возможности, если только он действительно захочет познакомиться с истинной историей, остановить своё внимание на таких фактах этой истории, увидеть, как силы из сверхчувственного мира вмещиваются в события чувственного мира, как Христос спустился из сверхчувственного мира в чувственный и как, опять-таки, чувственный мир воздействует на сверхчувственные миры,

подобно тому, как в Агасфере мы должны воспринимать реальную историю, реальную мировую силу, реальное мировое существо. Сознание бытия этого, не находящего себе места Агасфера, который может быть увиден, конечно, не на физическом плане, а лишь при наличии некоторого ясновидения, существовало всегда. И сказания, повествующие о нём, имеют правильную, объективную основу.

Человеческую жизнь нельзя понять, рассматривая её внешним образом, как это делают исторические книги, нельзя понять, не усматривая особых событий. Ибо поистине – как в нашем внутреннем со времени Мистерии Голгофы жив Христос и как Христос может быть воспринят в нашей душе, если мы обратим вовнутрь наш живой воспринимающий взгляд, – так же, когда мы во внешней человеческой жизни оглянемся вокруг себя, и в нас проснётся живое видение, – так именно и бывает с большинством людей, у которых просыпается внутреннее зрение, – так перед нами встает вечный жид – Агасфер. Может быть, человек его не всегда узнает и примет его за кого-нибудь другого. Но это появление перед человеком вечного жида так же возможно, как и восстание сияющего образа Христа, когда он созерцает своё внутреннее существо.

Эти вещи относятся к мировым тайнам, которые именно сейчас должны быть раскрыты, как многие другие тайны.

Третья лекция

Об изменении мировоззрения

Дорнах, 25 марта 1922 г.

Мы уже часто рассматривали мировоззрения древних времён. Мы проделаем это и сегодня с некоторой точки зрения, поставив при этом цель: уточнить некоторые поворотные моменты для исторического прозрения человеческой истории и самого человечества. Если мы вернёмся к человеческой истории на несколько тысячелетий тому назад, например, к древнеиндийской культуре, как мы её называем в нашей терминологии, то мы убедимся, что воззрения людей в ту пору были совсем иные по сравнению с далеко отстоящей, как культура, нашей современностью. Если мы вернемся к тем далеким временам, то мы убедимся, что люди видели тогда природу совсем не так, как мы видим её сейчас. Воспринимая тогда природу, они видели в каждой части земной поверхности, в горе или реке, а также и во всём ближайшем окружении Земли, как облака, свет и т.д. – духовных существ. Для человека тех древних времен было немыслимо так говорить о природе, как это мы делаем сейчас. Им бы показалось наше отношение подобным тому, – сравнение мое может быть гротескно, но оно вполне соответствует фактам, – как если бы сидели мы со сборищем трупов и утверждали бы, что находимся среди людей. Всё, что сегодня предстаёт перед человеком как природа, то за несколько тысячелетий до нашего летоисчисления человек воспринял бы как труп природы. Ибо во всём, что окружало человека, он воспринимал душевно-духовное.

Из дошедших до сегодняшнего человечества сочинений или из сказаний, мифов и легенд мы знаем, что когда-то люди верили, что в родниках, в струящейся реке, внутри гор и т.д. жили духовно-душевные существа, но нынешнее человечество относится к этому, как к игре воображения и фантазии древних людей, как к их сочинительству.

Думать так наивно. Древние люди ничего не сочиняли, они воспринимали духовно-душевное, как мы воспринимаем краски, как мы воспринимаем колеблемые ветром листья деревьев и т.д. Они непосредственно воспринимали духовно-душевное и то, что мы сегодня называем природой, они называли бы трупом. Но некоторые люди в те древние времена стремились приобрести иной способ восприятия,

отличающийся от распространённого в те времена.

Вы ведь знаете, как и сегодня люди стремятся приобрести воззрения, отличные от общераспространённых, и если они оказываются в состоянии это сделать, они становятся «учёными людьми», тогда они получают представления о вещах, которые они воспринимали лишь внешне. Тогда они овладевают науками, как это теперь называется. Такой науки в те времена, о которых мы говорим теперь, не было. Но и тогда имелись отдельные люди, которые стремились переступить пределы общедоступных воззрений, пределы знаний, предоставляемых повседневной жизнью. Но только они учились не так, как это делается в наши дни. Они делали известные упражнения.

Эти упражнения отличались от упражнений, о которых мы сейчас говорим в связи с Антропософией, – это были упражнения, которые как раз в те древние времена были связаны с человеческим организмом. С помощью этих упражнений, например, совершенно преобразовывался процесс дыхания по сравнению с природным дыханием. Люди не рассаживались по лабораториям и не принимались за эксперименты, а проделывали известные эксперименты сами над собой. Люди регулировали дыхание. Так, например, человек производил вдох, задерживал дыхание и пытался прочувствовать, что происходит в глубине организма при таком, изменённом способе дыхания.

Сегодня к таким дыхательным упражнениям прибегать не следует. Но когда-то они представляли собой средство, благодаря которому человек считал возможным достигнуть более высоких познаний по сравнению с теми, которые человек получил через обычное восприятие природы, т.е., когда люди видели и воспринимали внешние природные явления, как воспринимаем их мы, но, кроме того, за всеми этими природными явлениями видели также и духовно-душевное их содержание. Когда люди проделывали такие упражнения, сущность которых, хотя и в несколько ослабленном виде, содержится сегодня в восточном учении йогов, когда они изменяли свой процесс дыхания по сравнению с нормальным, – тогда из их восприятий исчезало всё духовно-душевное, и природа, благодаря такому изменённому дыханию, представала как раз в том виде, в каком мы её воспринимаем сейчас. Стало быть, чтобы воспринимать природу, как мы это делаем сейчас, эти люди в древние времена должны были делать упражнения. А иначе для их восприятия из всего их окружающего перед ними выступали духовно-душевные существа. И они, эти люди,

оттесняли эти духовно-душевные сущности, изменяя свой процесс дыхания.

Итак, если употребить выражение, применяемое в наши дни в отношении людей, стремящихся за пределы обычных, повседневных воззрений, – эти «учёные люди» стремились видеть природу не одухотворённой и одушевленной, а именно подобной трупу. Можно даже сказать и так: эти люди, воспринимая природу, чувствовали себя как бы в волнующемся и вздымающемся душевно-духовном мире, но ощущали они себя в этом мире так, как современный человек ощущал бы себя в мире беспокойных роящихся сновидений, из которых ему не удаётся проснуться. Так они переживали.

Но чего же достигали эти отдельные люди, которых мы зовём древними учёными, чего же эти учёные достигали, когда они высвобождались посредством этих особых упражнений из живого мира образов, постепенно заглушая их так, что они действительно ощущали вокруг себя всё мертвым, подобно трупам? К чему же они таким способом стремились? Они стремились развить в себе более сильное осознание самих себя. Они достигали состояний, благодаря которым они переживали, ощущали самих себя.

Современный человек то и дело повторяет: «Я есмь», потому что «я» – это вообще то слово, которое не сходит утра до вечера с его языка, оно для него естественно, само собой разумеется. Для тех же древних людей, для обычного повседневного переживания было не совсем таким же естественным делом произносить «я», а тем более – «Я есмь». Они должны были выработать в себе эту способность. А для этого они и проделывали определённые упражнения. Проделывая их, они приходили к такому внутреннему переживанию, при котором они – уже с известной внутренней правдивостью – могли уже сказать: «Я есмь». Они, тем самым, приходили к осознанию своего собственного бытия.

Итак, нечто, само собой разумеющееся для нас, становилось для тех людей переживанием лишь благодаря напряжённой работе по преобразованию внутреннего процесса дыхания. Они должны были сначала как бы убить в себе возможность восприятия окружающего и тем самым пробудить самих себя. Благодаря этому в них рождалось убеждение: они существуют, они могут сами о себе сказать: «Я есмь». Но с этим «Я есмь» давалось и ещё нечто другое, что опять-таки для нас есть само собой разумеющееся. Они получали возможность (способность) внутреннего развития своего интеллекта. Они достигали возможности овладеть внутренним самостоятельным

мышлением.

Итак, когда мы возвращаемся к временам, когда решающими в развитии человечества были культуры древних восточных воззрений, то мы видим, что люди в повседневной жизни воспринимали природу одушевлённой, что они имели лишь очень слабое сознание самих себя, вернее, оно просто отсутствовало. У тех людей отсутствовало самосознание, которое можно формулировать словами «Я есмь», но среди них были отдельные люди, которые обучались в школах мистерий и приводились там к переживанию «Я есмь»! Но это «Я есмь» они переживали не так, как мы, как нечто само собой разумеющееся, нет: в тот момент, когда благодаря процессу дыхания они вообще приобретали возможность из внутреннего убеждения, из внутреннего переживания произнести: «Я есмь», – они переживали нечто, чего современный человек совершенно не испытывает.

Вспомните своё детство: вы можете вспомнить себя до определённого времени, после чего ваши воспоминания кончаются. Вы были когда-то младенцем и как вы тогда внутренне чувствовали себя младенцем, вы не знаете. Ваша способность воспоминания в известный момент утрачивается. Вы уже существовали, уже ползали по земле, вас ласкали папа или мама, вы, может быть, барахтались, размахивали ручонками, но то, что вы тогда внутренне переживали, вы вашим обычным сознанием не знаете. А вместе с тем в вас происходила гораздо более активная, более интенсивная внутренняя жизнь, чем впоследствии. Ибо эта интенсивная внутренняя жизнь, душевная жизнь, например, пластически сформировала ваш мозг, она пронизывала ваше тело и пластически создавала его форму. Это была интенсивная душевная жизнь, и именно в эту жизнь погружался древний индус, как только он произносил «Я есмь».

Попробуйте как можно живее представить себе, как это происходило. Древний индус переставал ощущать своё бытие в данный момент, когда он говорил себе «Я есмь», он чувствовал себя перенесённым в своё младенчество, он чувствовал себя так, как в дни младенчества, и из того времени по отношению ко всей своей последующей жизни он говорил: «Я есмь». У него совсем не было чувства, что он может сказать о себе «Я есмь» сейчас, и он понимал, что для этого он должен вернуться к своему раннему младенчеству. И тогда с того раннего младенчества на все последующие годы устремлялась сила, которая говорит: «Я есмь». Это перенесение себя в прошлое было совершенно естественно. Но с этим было связано и нечто

другое.

Когда человек таким образом переносился в младенчество, он как бы говорил себе (я выражу это несколько гротескно, но это всё же останется истинным): «Я ухожу сейчас в ту маленькую головку, которая у меня была когда-то, когда я был младенцем, ибо в ней заключена душевная жизнь, которая становится теперь для меня прозрачной, и она говорит: "Я есмь"».

У современного человека происходит то же самое, но только он не знает об этом, в древние же времена человек вырабатывал в себе это знание. И поэтому он проникал в эту душевную младенческую жизнь и обитал в ней. И он знал, что эта душевная жизнь младенца не от мира сего. Человек понимал, что эту жизнь он принёс с собой из тех времен, когда у него ещё не было физического тела. Это «Я есмь» жило в нём в духовно-душевных мирах. И в этих мирах он наиболее интенсивно ощущал, переживал и чувствовал своё «Я есмь», ощущал, что он принёс его с собой, а когда он получал тело, оно как бы изливалось в образ его тела. А потом, после того, как «Я есмь» излилось в мою телесность, моя собственная душевная жизнь снова вернулась в меня. Но она вошла в моё внутреннее лишь после того, как она жила в духовно-душевном мире.

Это значит, что тот древний индийский йог, который посредством дыхания переносился в своё младенчество, удостоверился также и в своём существовании до земного бытия. Оно вставало в нём как воспоминание. Точно так же, как в наши дни человек вспоминает о том, что он пережил десять лет назад, - в нём всплывало воспоминание в тот момент, когда в душе гремело: «Я есмь».

Это происходило, когда в древнюю индийскую эпоху человек, благодаря дыхательным упражнениям, укреплялся и умерщвлял вокруг себя внешний мир, но зато в нём оживало нечто, уже не принадлежащее теперь его внешнему миру, но бывшее внешним миром до того, как человек вступил в физическое земное бытие.

Всё сказанное служит характеристикой одновременно того периода земного развития, которое, говоря в общих чертах, предшествовало, например, греко-римским мироощущениям в четвёртую послеатлантическую эпоху.

В эту эпоху «Я есмь» уже глубоко проникло в человека в его обычном повседневном сознании. Правда, в тогдашнем языке слово «Я есмь» было заложено в самом глаголе, оно не было выделено, как сейчас у нас, но это всё же было

явственное переживание Я. И это явственное переживание Я было естественным, само собою разумеющимся фактом внутренней жизни. Зато вся внешняя природа была более или менее обездушена.

Грек всё ещё обладал способностью сохранять одно наряду с другим – оба сознания – и при этом без особой тренировки. Грек ещё отчетливо, хотя и слабее, чем люди древних времён, воспринимал духовно-душенное в роднике, в реке, в горе, в дереве и т.д. Но одновременно, отвлекшись от духовно-душевного, он был в состоянии воспринимать в природе мёртвое и переживать чувство себя. Это, собственно, и придаёт особый характер греческой культуре. У грека ещё не было такого мировоззрения, как у нас. Правда, он мог уже развивать идеи и понятия о мире, как и мы, но одновременно он принимал всерьёз и такие воззрения, которые давались в образах. Он вообще жил совсем по-иному, нежели мы.

Мы, например, ходим в театр, чтобы развлечься, но не для развлечения в Греции ходили в театр, скажем, во времена Еврипида, едва ли уж во времена Софокла и уж, во всяком случае, не во времена Эсхила или ещё в более древние времена. Тогда смотреть драматические представления ходили совсем с другими целями. Тогда человек ясно ощущал, что во всём: в дереве, в кусте, в роднике и в реке, – живут духовно-душевные существа. Когда человек переживает такие минуты в жизни, когда он воспринимает эти духовно-душевные существа, он утрачивает чувство самого себя. Когда же он снова развивает в себе это сильное самосознание, к чему стремились древние посредством йоги и для чего грек не нуждался в этой школе йогов, тогда вокруг человека всё становилось мёртвым, тогда он воспринимает только труп природы. Но благодаря этому человек изнашивается, – жизнь изнашивает человека.

Для грека такое восприятие природы, только мёртвой природы, было равносильно духовному и физическому заболеванию. Это очень сильно ощущали в древней Греции, ощущали, как человек заболевает от дневной жизни, что ему что-то нужно, чтобы снова стать здоровым человеком – и это «что-то» была трагедия. Чтобы стать здоровым, – ибо человек чувствовал, что он изнашивается, что он, в некотором смысле, заболевает, – чтобы вообще быть полноценным человеком, нужно было лекарство, и за этим-то лекарством и обращались к трагедии. И во времена Эсхила трагедия разыгрывалась как, что того, кто ставил, кто создавал трагедию, воспринимали как врача, возвращавшего износившемуся человеку здоровье.

Чувства, пробуждавшиеся трагедией: страх, сострадание к герою, – воздействовали на человека как лекарство. Они пронизывали всего человека и, преодолевая их, преодолевая эти чувства страха или сострадания, человек переживал кризис, подобно тому, как наступает, например, кризис при воспалении легких. Преодолевая этот кризис, человек выздоравливает. Для этого и ставились спектакли, чтобы вернуть человеку здоровье, когда он чувствовал себя изношенным. Именно с таким чувством воспринимались в древней Греции трагедии, театральные действия. Это происходило на том основании, что человек говорил себе: «Когда я чувствую в себе Я, мир становится обезбоженным». Театральное действие снова выводит Бога, так как, в основном, в театре представлялся божественный мир и судьба, которая постигала и самих богов, – т.е. представлялось то духовное, которое действует за миром видимым. Это и было основным содержанием трагедии. Так для грека искусство было своего рода искусством врачевания.

И когда первые христиане переживали событие воплощения Христа в Иисусе из Назарета и все, что раскрывается в Евангелиях: шествие Христа Иисуса на страдания и крестную смерть, воскресение и вознесение, – они воспринимали все эти события как внутреннюю трагедию. Поэтому они и называли Христа целителем, великим врачом мира.

Грек же в древние времена испытывал такое целительное действие и от трагедии. И человечество должно было постепенно прийти к тому, чтобы воспринимать и переживать великую трагедию Голгофы, воссоздавать в душе эту Мистерию Голгофы как историческое, врачующее событие. В древней Греции, а именно во времена Эсхила, чтобы воспринять действие, совершавшееся ранее во мраке и тайне Мистерии, ставшее, однако, более открытым, ходили смотреть трагедию.

Что же видели люди в этой древней трагедии? В трагедиях выступал бог Дионис, высвобождавшийся из духовных сил Земли. И так как бог Дионис прорывался из духовных сил Земли на её поверхность, то он становился причастным земным страданиям. Он чувствовал духовно, не телесно, как это имело место в Мистерии Голгофы, что значит претерпевать смерть! Он учился познавать смерть не на собственном опыте, но он учился созерцать её. И человек чувствовал, что бог Дионис глубоко страждет, обретаясь среди людей, потому что он лицезрел всё, что должны были переносить люди.

Сначала на подмостках греческого театра выступало всего

лишь одно действующее лицо – бог Дионис, страдающий Дионис, окружённый хором, который, декламируя, повествовал людям обо всех переживаниях Диониса, ибо первая трагедия и состояла в том, чтобы единственное действующее в ней лицо было богом Дионисом, вокруг которого был хор, рецитировавший о том, что происходило в душе Диониса. Затем постепенно одно действующее лицо, представлявшее бога Диониса в древние времена, заменилось уже несколькими действующими лицами, и из древнего театрального действия так выростала драма. Люди в образе переживали бога Диониса.

А впоследствии уже в действительности, как исторический факт развития человечества, люди переживали страдающего и умирающего Бога – Христа. Единожды, как исторический факт, это должно было предстать людям, чтобы все люди могли воспринять то, что в Греции переживалось ещё как театральное действие. Но в то время, когда люди приближались к этой величайшей исторической драме, действие, почитавшееся столь священным в Греции, т.к. в её герое видели «целителя», т.е. чудодейственное средство, врачующее человечество, – эта драма – хотелось бы сказать – всё более и более спускалась с подмостков и превратилась во всего лишь развлекательное зрелище, как это и произошло во времена Еврипида. Жизнь человечества подходила к тому времени, когда в нём зарождалась нужда видеть духовно-душевный мир не только в образе, после того, как природа предстала перед его взором обездушенной. Человечеству нужна была историческая Мистерия Голгофы.

Древний ученик йогов индийского периода культуры, вдыхая в себя воздух, задерживал его в своём теле для того, чтобы в этом вдохе почувствовать: в тебе живёт Божественный Импульс Я. Ученик йогов переживал Бога в самом себе через процесс дыхания. Настали другие времена. И человек уже не переживал в процессе своего дыхания Божественного Импульса. Но зато он научился мыслить и говорил так: через дыхание в человека вселилась душа. И древний ученик йоги выполнил свои упражнения.

Позднейший человек говорил: и Бог вдохнул в человека божественное дыхание, и он стал душой.

Древним ученик йоги это переживал, более поздний человек это уже говорил. И когда в эпоху древнего еврейства говорились такие слова, человек в известном смысле переживал уже в абстрактной форме то, что раньше он испытывал как конкретный факт. Но в еврейской древности люди и не видели того, что видели древние греки. Так бывает

всегда: что-то одно происходит в одной части земного шара, другое – в другой. Человек больше не переживал в себе Бога, как древний ученик йогов; зато человек в образе переживал божественное бытие Бога в человеке. И это переживание в образе божественного бытия происходило именно в древнегреческой драме.

Но вот эта драма стала мировым историческим событием. Эта драма стала Мистерией Голгофы. Но зато и образ утратил духовное содержание, став только образом. Образ стал только образом, как процесс дыхания представлялся только мыслительным процессом. Весь человеческий душевный состав стал иным.

Внешний мир виделся человеку мёртвым, и это было для него естественным и привычным. Он был для него обезбожен. Он и себя самого воспринимал как внешний мир, как внешнее тело, обезбоженным. Но зато у него было утешение, что однажды в этот обезбоженный мир сошёл настоящий Бог, Христос и воплотился в человека и благодаря воскресению как Христов Импульс соединился со всем развитием Земли. И отныне человек уже был в состоянии прийти к иному воззрению, он мог себе сказать: «Я вижу мир, но мир этот – труп». Правда, человек этого не говорил, потому, что он чувствовал это бессознательно, ведь человек не знает, что он видит мир как труп. Но постепенно в его воззрении вставал образ мёртвого тела на кресте, образ мёртвого Иисуса Христа. Когда мы смотрим на распятие, на мёртвого Иисуса Христа, – перед вами стоит природа. Мы видим образ природы, той природы, на которой распят человек. Когда же мы взираем на Того, Кто восстал из гроба, Которого пережили ученики и апостол Павел как Живого Христа, – тогда этот образ говорит нам о том, что воспринимали в древности люди во всей природе. Конечно же, божественно-духовное воспринималось в многообразии, во множестве духовных существ: гномах, нимфах, сильфидах и саламандрах, во всевозможных существах земных иерархий. Человек воспринимал природу одушевленной и одухотворенной. Но тем более крепло стремление охватить уже зарождавшимся интеллектом всё рассеянное природе. И это было охвачено и объединено в мёртвом Христе Иисусе на кресте. Но в Христе Иисусе мы видим всё то, что нами утрачено во внешней природе. Когда мы думаем, что в этом теле был воплощён Христос, Божественный Дух, поправший смерть, к Сущности Которого теперь может быть причастно всё человечество, перед нами встает вся полнота духовности.

Человек утратил способность видеть в окружающей его природе божественно-духовное. Но человек обрёл способность, взирая на Мистерию Голгофы, снова найти это божественно-духовное во Христе. Таково развитие. Всё утраченное человечеством было ему возвращено Христом. Но одновременно с этой утратой человек усвоил эгоизм, приобрёл возможность самости, самоощущения. Если бы природа в человеческом воззрении не стала бы мёртвой, человек никогда бы не пришёл к переживанию «Я есмь». Он пришёл к этому переживанию «Я есмь» потому только, что пришёл к восприятию себя, к внутреннему переживанию себя, и он нуждался в мире духовном. И этим миром стал Христос. «Я есмь», – эгоизм, – возник на трупe природы. Это понимал апостол Павел. Попробуем воспроизвести это понимание апостола Павла.

Всё окружающее было трупом, некогда живым для людей древнейших времен: люди созерцали природу, как тело БОГА, как тело духовно-душевного. Как сегодня мы смотрим на свои пальцы, так люди смотрели на горы. Им и в голову не приходило рассматривать горы как безжизненную природу, как мы не видим в нашем пальце безжизненного члена. Люди говорили: «Перед нами духовно-душевное – это природа. У неё есть отдельные члены и один из них – гора». Но природа стала мёртвой. Человек внутри себя пережил «Я есмь». Но если бы человек не смог увидеть Христа, он остался бы отшельником на лишённой Духа обездушенной Земле. Но он не может воспринимать Христа внешнего, чтобы Христос не оставался для него внешним образом; он должен воспринять Его в своё «Я».

Когда человек отрешается от своего повседневного «Я есмь», он должен быть в состоянии сказать: «Не я, но Христос во мне»...

Если бы мы попытались изобразить это схематически, мы могли бы сказать: «Человек когда-то воспринимал вокруг себя природу /зелёный цвет/, но эта природа была насквозь одухотворена и одушевлена /красный цвет/. Так было в древние времена человечества.

В более поздние времена человек также воспринимал природу, но он ощущал возможность, наряду с обездушенной природой, воспринимать себя самого как «Я есмь» /жёлтый цвет/. Но тогда ему нужен был Бог, живший внутри самого

человека, и он воспринимал Его в боге Дионисе, которого ему показывали в греческой драме.

В ещё более поздние времена человек, опять-таки, воспринимал природу обездушенной, а в себе самом – «Я есмь». Но драма стала историческим событием. На Голгофе возвысился крест. Но одновременно во внутреннем человеке восстаёт и сияет то, что он первоначально утратил: «Не я, но Христос во мне».

Как говорил человек в старые времена? – Сказать он не мог, но он это переживал: «Не я, но божественно-духовное во мне, вокруг меня, всюду». Человек утратил это божественно-духовное всюду, вокруг меня, во мне, – но он снова это обрёл и теперь он уже сознательно говорит то, что раньше он переживал ещё только бессознательно: «Не я, но Христос во мне». Первопричина, бессознательно переживавшаяся человеком в том, что человек ещё не переживал в себе своего Я, становится осознанным фактом, становится переживанием Христа в душе человека, в человеческом сердце, в его внутреннем.

И если я нарисую вам здесь простейшую схему, сможете ли вы в этой формальной схеме понять то, что следует воспринять в идеях? Сможете ли вы увидеть Дух Христа, наполняющий весь мир, восстающим во внутреннем человеке, проникавший сначала в человека из Космоса?

Поймите же, какое значение имеет для человека солнечный свет, поймите, что человек не может жить без солнечного света, который отовсюду окружает нас, и тогда вы поймёте также, когда я вам скажу, что в те древние времена, о которых я вам сегодня рассказывал, человек целиком чувствовал себя светом в свете. Он чувствовал себя принадлежащим свету. Он не говорил «Я есмь», – он воспринимал солнечные лучи, падавшие на Землю, и он не отличал себя от этих солнечных лучей. Где он воспринимал свет, там же он воспринимал и себя, ибо внутри света чувствовал он себя. Куда бы ни проникал свет, он чувствовал себя на волнах света, на волнах солнечного сияния, самого Солнца.

Благодаря Христу всё это стало действенным в собственном

внутреннем человека. Именно Солнце вступает в собственное внутреннее человека и Солнце становится в нём действенным.

Мы во многих местах Библии найдём это сравнение Христа со Светом, но, когда в наши дни Антропософия снова хочет подтвердить, что это сравнение отражает действительность, тогда большинство людей, которые принадлежат к факультетам, числящимся богословскими, отворачиваются. Они отклоняют всякое знание об этих вещах.

Глубоко значителен тот факт, что как раз в Базеле жил однажды такой богослов, бывший также другом Ницше, его звали Овербек, и он написал книгу о роли христианства в современном богословии. В этой книге он в качестве богослова пожелал констатировать, что христианство ещё существует, что оно было еще в 70-х годах прошлого столетия, но что многое в мире уже утратило христианский характер и что богословие перестало быть христианским. Это хотел доказать в своей книге работающий на базельском факультете богословии профессор Овербек о христианстве современного богословия. Это ему в высшей степени и удалось. Всякий, принявший всерьёз эту книгу, придет к убеждению: может быть, сегодня что-нибудь и осталось ещё от христианства, но во всяком случае современное богословие перестало быть христианским, и если ныне вообще есть что-либо христианское, то когда богословы начинают говорить о Христе, ничего христианского в их словах не содержится.

К таким вещам обычно недостаточно серьёзно относятся, и напрасно, ибо, отнесись к ним люди серьёзнее, тогда они могли бы проникнуться не только необходимостью нынешнего Антропософского движения, но и поняли бы всё значение Антропософии. Люди осознали бы, прежде всего, свою ответственность по отношению к современному человечеству в связи с антропософским познанием. Ибо когда люди учатся понимать, что в них *живёт Христос* – Христос во мне, – когда они смогут это полностью пережить, то они и себя будут воспринимать как нечто иное, чем только продукт, принадлежность мёртвой природы. А из воззрения, что человек принадлежит природе, ставшей трупом, возникла и вся наша антисоциальная современность. К правильному же воззрению, которое снова сможет восстановить братство между людьми, которое возродит в человечестве истинные моральные импульсы, можно прийти, только когда человек придёт к пониманию слов: «Не я, но Христос во мне». Когда Христос будет как действенная Сила найден в общении каждого человека с другими людьми, тогда это будет. Мы нуждаемся в

таком познании, и оно будет найдено. И если мы продвинемся к такому познанию, то мы и встанем выше него и тогда только мы сможем пронизать христианством всю нашу социальную жизнь.

Четвёртая лекция

Изменение переживания процесса дыхания в истории

Дорнах, 25 марта 1922 г.

В наше время очень много говорится о различии между верою и знанием, в особенности же часто утверждают, что Антропософия по своему содержанию, по тому, что она говорит, скорее должна быть отнесена к вере, а не к науке. Однако все приводимые в этом духе рассуждения о различиях в основе своей коренятся в том, что человек не в состоянии представить себе, чем была вера в процессе человеческого развития, и так же мало представляют себе, что такое знание.

Всякая вера, всё, что связывается с этим словом, восходит к очень древним временам человеческого развития. Всё, связанное с верой, восходит к тем временам, когда процесс дыхания играл в человеческой жизни куда более значительную роль, чем в наши дни. Человек при современном складе его души просто не обращает внимания на дыхание. Он вдыхает воздух и никакого особенного восприятия у него при этом не возникает.

Религия же древних времён всегда подчеркивала значение дыхания. Я уже отмечал на этих днях, что, стоит только припомнить, что в Ветхом Завете рассказывается, как в человека при его сотворении Бог вдунул дыхание жизни, а наряду с этим нужно также припомнить мои рассказы о том, что в древней Индии, например, существовало стремление подняться к высшему познанию посредством некоторого особого регулирования дыхания. Это стремление было обоснованным в те времена, когда человек вообще больше следил за своим дыханием. Я сказал, что это стремление рождалось в человеке, когда он воспринимал вокруг себя не мёртвую природу, которую мы воспринимаем сейчас, но когда человек в каждом природном явлении, в каждом природном факте воспринимал деятельность духовно-душевных существ, когда он в каждом ручье, в каждом облаке, в реке, в ветре воспринимал духовно-душевную деятельность.

В те времена стремились подчинить процесс дыхания сознанию: сознательно регулировать вдох, задержку дыхания и выдох, и путем такого регулирования дыхательного процесса порождалось то, что можно бы назвать самосознанием, переживанием Я, переживанием «Я есмь». Однако тогда было время, когда дыхание играло вообще совсем иную, чем теперь,

роль в жизни человека. Современный человек со своим привычным сознанием мало что может представить себе о дыхательном процессе тех времен. Я попытаюсь дать вам некоторые представления о нём.

Процесс дыхания распадается, не правда ли, на вдох, на паузу, или некоторую задержку воздуха, и затем на выдох. Этот дыхательный процесс, прежде всего, регулируется самой человеческой природой. Учёные йоги, о которых я рассказывал, регулировали его по-другому. Как в наши дни всякий человек, изучающий какую-нибудь науку, развивает мышление, отличное от повседневной мыслительной деятельности, так и в те времена, когда дыхание играло особую роль, также развивали дыхание, отличное от повседневного.

Остановимся пока не на дыхании йогов, а на обычном дыхании. Нагляднее всего мне бы хотелось представить вам его в следующей схеме.

Предположим, что здесь грудная клетка, и тогда можно сказать: мы различаем процесс вдоха, процесс задержки дыхания (его я на рисунке пометать не буду) и процесс выдоха. Когда человек в древние времена вдыхал в себя воздух, он переживал, ощущал, что вместе с воздухом из внешнего мира в него вливается и всё то духовное, что содержится в явлениях и в фактах духовного мира. Таким образом, в том потоке вдыхаемого воздуха, который я здесь помечаю красным цветом, человек переживал, скажем, гномов, нимф, те духовно-душевные существа, которыми полна была окружающая природа.

Человек делал вдох и знал: в находящейся вне его природе содержатся духовно-душевные существа, ибо он сам ощущал при вдохе действие этого. Человек чувствовал себя при этом связанным с духовно-душевным в природе. И это действовало в те древние времена на человека опьяняюще, – я пользуюсь этим выражением только для сравнения.

Он опьянялся духовно-душевным окружающего мира. А когда он снова выдыхал воздух, человек как бы трезвел. Так что он жил в постоянной смене опьянения и протрезвления. И в этом опьянении и протрезвлении и проявлялось переменное воздействие духовно-душевного внешнего мира. Но к этому надо добавить и нечто другое. Человек, вдыхая, переживал опьянение духовно-душевным, чувствовал, как в потоке дыхания, медленно поднимавшегося к его голове, его

внутренне переполняют духовно-душевные существа, как они соединяются с его телесным существом. Прежние переживания человек мог бы выразить в следующих словах: «Я вдыхаю в себя духовно-душевное окружающего мира. Оно заполняет мою голову, я это чувствую, я это ощущаю». – Затем дыхание задерживалось. А затем, при выдохе, человек сказал бы: «Я отдаю обратно в мир моё чувство духовно-душевного».

Всё это находилось в теснейшей связи с жизнью. Представьте себе такую простую вещь: вот тут лежит мел. Когда в наше время мы хотим взять в руки мел, мы сперва смотрим на него, затем берём его рукой. В древние времена такие вещи человек делал по-другому. А именно: он смотрел на мел, вдыхая в себя то духовное, что исходило от мела, затем выдыхал и лишь при выдохе брал кусок мела так, что для него вдох приравнивался лишь к созерцанию, а выдох – к действию. Так бывало в те времена, когда человек находился в постоянном ритмическом взаимодействии с окружающим миром. Это ритмическое взаимодействие сохранилось и в позднейшие времена, но живое созерцательное сознание тех времён, древних времён, было утрачено. Вспомните, как в дни вашей молодости в деревне ещё молотили цепами хлеб. Молотильщик работал в точном размеренном ритме: взглянет – ударит цепом, взглянет – ударит цепом. И эта ритмическая работа соответствовала известному процессу дыхания: вдох – взгляд, выдох – действие.

В позднейшей стадии человеческого развития в человеке погасло это переживание вдоха, и он воспринимает теперь только то, что из дыхания поднимается вверх к его голове. В древние времена человек воспринимал, что воздух, который он вдохнул и который его опьянял, поднимался к голове и там уже соединялся с чувственными восприятиями. Позднее этот процесс протекал по-другому. Позднее человек утратил переживание того, что происходило в его грудной клетке, он уже не сознавал этого. Он уже не воспринимал этого восходящего потока воздуха, потому что чувственные впечатления стали в нём сильнее и ярче. Они гасили то, что поднималось в дыхании к голове.

Когда в наши дни вы что-нибудь слышите или видите, то в процессе видения или слышания уже заключён и процесс дыхания. Но у древнего человека дыхание ярко переживалось и в видении, и в слышании, а у современного человека, наоборот, видение и слышание переживаются так сильно, что совершенно заглушают дыхание.

Итак, мы можем сказать, что теперь отсутствует то, что

проникало в голову человека, опьяняя его, и что воспринималось его внутренним существом, что позволяло ему говорить: «О, это же гномы! Это нимфы, взлетающие к моей голове! А это гномы стучат молоточками в моей голове! А это ундины плещутся в моей голове!» Сегодня же все эти перестуки, всплески и взлеты заглушены восприятиями зрения и слуха, которые и заполняют в наши дни голову человека.

Стало быть, когда-то были времена, когда человек ярче воспринимал восходящий поток дыхания, струящийся в голову. Потом наступило переходное время, когда человек ещё воспринимал и воздействие перестукивания гномов, и ундиноподобные струи, и нимфоподобные вихри, – время, когда он воспринимал ещё какую-то связь между этими остаточными воздействиями и восприятиями звуков, света и красок. А позднее всё, что воспринималось в связи с процессом дыхания, человеком было утрачено. У тех же людей, в которых ещё оставались следы того сознания, что когда-то с дыханием человек воспринимал в себя духовно-душевное Вселенной, – у этих людей ещё осталось нечто, составленное из чувственных восприятий в их связи с дыханием, и это называлось «София». Но самого дыхания человек уже не воспринимал. То есть духовное содержание дыхания было умерщвлено, а лучше сказать, приглушено чувственными восприятиями и впечатлениями.

Это в особенности ясно чувствовали греки. Греки не имели никакого понятия о том, что мы в наше время называем «наукой». Если бы грекам рассказали о такой науке, которая ныне преподаётся в ваших вузах, то они восприняли бы такой рассказ так, как если бы кто-нибудь непрерывно вонзал бы им в мозг маленькие кнопки. Им было бы совершенно непонятно, как подобная наука может кого-нибудь вообще удовлетворить. Если бы им пришлось заниматься такими науками, какие преподаются нам теперь, они сказали бы: «Но это же ранит мой мозг, это наносит ему раны, уколы». Потому что они хотели ещё что-то воспринять от того благостного распрямления груди и пьянящего дыхания, в которое изливается увиденное и услышанное. Стало быть, у греков ещё имелось восприятие внутренней жизни головы, той внутренней жизни, которую я вам только что описал. И эта внутренняя жизнь именовалась ими Софией.

Те же люди, которые любили развивать в себе эту Софию, называли себя философами. Слово философия означает в точности это внутреннее переживание. А то чудовищное педантичное восприятие философии, когда её «долбят», – по

выражению студентов, – подобное ознакомление с философией было грекам неведомо. В слове философия выражено внутреннее переживание, которое можно перевести словами «я люблю Мудрость» (Софию).

Но как головой воспринимается чувственное переживание протекающего в теле процесса дыхания, так всем остальным телом воспринимается то, что вытекает как выдыхаемый воздух. Как чувственные восприятия через слух, как увиденное поднимается потоком к голове вместе с опьянением вдыхаемым воздухом, так и в организм обмена веществ и конечностей притекают телесные чувства, переживаемые вместе с выдыхаемым воздухом. Отрезвляющее действие выдыхаемого воздуха, приглушение, затухание восприятий – всё это сливалось с телесными ощущениями, возбуждаемыми ходьбой и работой. Деятельность, работа была связана с выдохом. И когда человек что-то делал, был деятельным, он в некотором роде чувствовал, что из него исходит духовно-душевное. Он чувствовал, когда что-нибудь делал, изготавливал, как духовно-душевное истекало из него в дело его рук. Он мог сказать так: «Я воспринимаю духовно-душевное, оно пьянит мою голову, оно соединяется с увиденным и услышанным. Я что-то делаю – я выдыхаю, духовно-душевное уходит, оно уходит в то, что я плотничаю, оно уходит в то, что я беру в руки, оно уходит во всё то, что я изготавливаю. Я отпускаю духовно-душевное из себя. Когда я, например, кипячу молоко, когда я занят какой-то внешней работой, я переношу в вещи моё духовно-душевное, оно устремляется в эти вещи».

Таково было переживание, таково было ощущение. Так было в древние времена.

Но это восприятие процесса дыхания, это чувство протрезвления прекратилось как раз тогда, и в Греции от этого оставались лишь следы. В греческие времена люди ещё смутно чувствовали, что, делая, изготавливая что-то, они вкладывали в дело своих рук духовно-душевное. Но потом всё, что ощущалось в процессе дыхания, было заглушено телесными ощущениями, ощущениями утомления и напряжения от работы. Как было приглушено и ослаблено ощущение процессов вдоха и подъём воздуха к голове, так было ослаблено и действие процесса выхода на весь остальной организм. Этот духовный процесс выдоха был приглушён напряжением, состоянием разгорячённости и т.д., всем тем, что человек переживал во время работы, чувствуя собственную силу, действующую в нём и прикладываемую им к какому-либо делу. Он чувствовал в себе теперь процесс выдыхания не как утомление, но как

развитие силы, – он ощущал своё тело пронизанным энергией, силой. И эта сила, жившая внутри человека, и была тем, что по-гречески обозначается словом «Пистис» (Вера), ощущением Божественного, Божественной Силы, которая побуждает человека к работе: поистине, Вера.

Итак: София – духовное содержание вдыхания, приглушенное чувственными восприятиями. Пистис – духовный процесс выдыхания, заглушённый телесными ощущениями. Так в человеке сливались Мудрость и Вера. Мудрость притекала к голове, Вера пронизывала всего человека. Мудрость была именно идейным содержанием. А Вера – силой этого идейного содержания. И то и другое было связано воедино. Отсюда и возникло это единственное гностическое сочинение, сохранившееся с древних времен, сочинение о Пистис-Софии.

Таким образом, в Софии процесс вдоха утончался, в Вере же – в Пистис – уплотнялся процесс выдоха. А в дальнейшем и Мудрость истончалась всё более и более, и эта-то истончившаяся Мудрость, растворившаяся Мудрость и стала наукой. А вместе с этим уплотнялась всё более и более внутренняя сила.

Человек чувствовал уже только своё тело, у него совершенно исчезало сознание того, что такое Пистис, что такое Вера, и, наконец, люди, – потому что они уже не сознавали связи между тем и другим, – пришли к тому, что стали разделять то, что в некотором смысле субъективно вставало изнутри как содержание Веры, от того, что связывалось с внешними чувственными восприятиями.

Сначала была София, потом пришла Сциенция (зрение) – обычная наука, которая и есть растворённая София. Можно было бы также сказать: вначале София была реальным духовным существом, которое человек чувствовал, как обитательницу своей головы. Ныне же от этого духовного существа остался лишь призрак, ибо наука и есть призрак Мудрости. Это положение – наука есть призрак Мудрости – человек должен был бы пронести через душевное переживание как своего рода медитацию.

И точно так же, с другой стороны, Вера, то есть то, что в наши дни обозначают этим словом, – то в отношении Веры не нашлось словесного выражения тому, чем стала Вера в наши дни. Ведь вера, переживаемая в наши дни, совсем не та внутренне переживаемая Вера древних. Пистис превратилась в нечто очень субъективное, тесно связанное с эгоизмом. Это уже уплотнённая Вера древних времен. В неуплотненной Вере человек ещё переживал в себе объективно Божественное

Начало. Сегодня же мы воспринимаем Веру как некое субъективное испарение, поднимающееся из телесного. Можно было бы сказать, что как наука стала призраком Мудрости, так нынешняя вера стала отяжелевшей былой Верой, сплюснвившейся в плотный осадок прежней Веры.

Все эти вещи нужно помнить в их живой связи, – тогда человеку не придётся высказывать такие поверхностные суждения, какие мы теперь часто слышим, как, например, что Антропософия – это лишь верование. Люди, высказывающие подобные утверждения, просто совсем не знают, о чём они говорят, потому что они совсем не осознали реальной истории развития человечества. Они никогда не признавали этого внутреннего переживания единства Веры и Мудрости на основании реальной истории развития человечества. Где ещё в наши дни мы можем услышать такие слова об истории, к которым мы прибегаем на наших лекциях? Где ещё говорят о том, чем был для человека процесс дыхания, как он вызывал в человеке совсем другие переживания, чем в наши дни? Где понимают и осознают, как абстрактно, с одной стороны, и как грубо-материально, с другой, стало то, что некогда было духовно-душевной реальностью, с одной стороны, и душевно-телесным, с другой?

Когда развитие Веры дошло до некой определенной точки, тогда человеку понадобилось включить в это содержание Веры нечто вполне определённое. В древние времена содержанием Веры человека было Божественное Начало. Он переживал Божественное в процессе выдоха. Но этот процесс выдоха для его сознания был утрачен. Он уже перестал сознавать, что из него в вещи и в явления внешнего мира переходит Божественное Начало. И человек для своего сознания нуждался в оживлении Божественного, и это оживление, это возвращение к жизни достигалось благодаря тому, что в нём зародилось представление, не имеющее на Земле никакой внешней реальности. На Земле не существует никакого реального внешнего подтверждения того, что мёртвые восстают из гробов.

Но ведь и Мистерия Голгофы не представляет для человека никакого реального содержания, если он воспринимает только жизнь Иисуса, вплоть до его смерти. В конце концов, ничего особенного в этом нет, точно так же, как и для современного богословия сам Иисус ничего особенного собой не представляет. Тот факт, что человек проходит через известные переживания, а потом умирает, – как изображает жизнь Иисуса современное богословие, – ничего особенного не

представляет.

Мистерия начинается лишь с воскресения, лишь с возрождения жизни Христова Существа после того, как физическое тело прошло через смерть. И человек, не принявший в своё сознание этого представления о воскресении, ничего не воспринял от христианства, что в точности и соответствует словам апостола Павла. Отсюда современное богословие можно назвать иисусологией, а совсем не христологией.

Христианство требует такого сознания, которое относится к реальности, осознания, которое ещё не может возникнуть на Земле как результат непосредственных чувственных восприятий, – представление об *этом событии* должно поднимать человека в сверхчувственный мир. И путем внутреннего переживания человек поднимался в сверхчувственное.

На этих днях я вам описывал, как ученики йогов во внутреннем своём переживании возвращались в своё младенческое бытие. Человек переживал свои первые младенческие впечатления, все те силы, что пластически формируют человека, – и то, о чём в обычном сознании человек ничего не ведает, благодаря упражнениям йоги, о которых я рассказывал, осознавалось им, а вместе с тем осознавалась и вся жизнь до рождения или до зачатия, когда человеческая душа, прежде чем спуститься на Землю и облечься в физическое тело, пребывала в духовном мире. От всего этого осталось одно представление, и оно выражено в Евангелии: «Если не будете как дети, не сможете войти в Царство Небесное».

Эти слова именно и относятся к тому, что я вам рассказывал, но в евангельские времена они уже утратили свой непосредственный живой смысл. Эти слова стали как бы воспоминанием с том, что человек когда-то мог вернуться ко временам своего детства и пережить Небесные Царства, откуда он снизошёл через рождение в земное бытие. Когда сегодня человек читает в Евангелии или в каком-нибудь другом писании на древнем языке о Царстве Небесном, вряд ли он представляет себе под этими словами что-нибудь значительное и особенное.

Человек думает: «Ну, что же, я вижу это и на земле: Францию, Англию и так далее, – земля разделена на царства. И как на Земле есть царства, так и там наверху, на небесах, тоже есть царства».

Никакого другого конкретного представления о Царствах

Небесных (Reichen der Himmel) человек составить не может, если он не может провести параллели между земным и Небесным. Мне кажется, если я не ошибаюсь, что по-английски даже говорят: «Небесное Королевство» («Königreiche der Himmel»). Никакого представления о том, что содержится в современном модернизированном выражении «Небесное Королевство», человек получить не может.

В Евангелии обычно даже употребляется ещё менее понятное выражение, в нём даже сказано: «Царство Божие». При этом человек уже ничего себе представить не может и воспринимает лишь сотрясение воздуха от произнесения слов.

И, однако, в древности Небеса были в точности тем, что как Сфера Вселенной охватывало Землю, которая находилась примерно в середине. А Царство (Reich) – что же это было такое?

Оставив в стороне филологию, мы призовём на помощь наблюдение, которое подсказано нам антропософским методом.

«Царство» («Reich») – это то, что дарует, что окружает, это дарующее, звучащее, глаголющее, это то, что нас поднимает к представлению: сквозь это небо – для того, кто способен это воспринять, – звучит духовно-душевное. Он воспринимает не небеса, а звучащее и простирающееся к нам через небеса Мировое Слово. Те, кто не смогут стать как дети, не смогут воспринять небесное СЛОВО, которое отовсюду звучит с небес. Если мы земные царства называем «царствами» и земных властителей «властителями царств», то мы должны бы представлять себе, что эти властители способны так громко говорить или петь, что их голоса пронизывают весь их «царство». В древних легендарных представлениях также содержался образ звучания «царства». Это символически выражало издание законов, о которых во все стороны света возвещалось трубными звуками, благодаря чему «царство» становился реальностью. Царство не есть территория, заселенная людьми. Царство – это содержание Мировых Законов, о которых Ангельские трубы возвещали во все стороны света.

Но это было лишь воспоминанием. Это должно было сменить иное представление, которое было больше связано с волей, – а всё предшествующее относилось к идеям, к мыслям,

- теперь же должно было родиться представление, связанное с тем, что вместе с человеком проходит через врата смерти. Когда человек умирает, он берёт с собой, как результат, как плод развития своей энергии, - волю. И эта воля, исполненная мыслительным содержанием, проходит с человеком через врата смерти. Человеческая воля, исполненная мировыми мыслями, когда человек умирает, переходит с ним в духовный мир. И с этой волей связано и новое представление с воскресении Христа, о Том, Кто остался в живых, претерпев земную смерть.

Это было могучее, сильное представление, которое уже не возвращало человека к воспоминанию о младенчестве, - это было представление о смерти, вызывающее в человеке к тому, что проходило вместе с ним через врата смерти.

Так мы видим в развитии человечества, в его истории целиком обоснованным пронизание её представлением о Христе, пронизанием её всем Христовым Началом.

Итак, мы приходим к тому, что можем сказать: и сегодня на Земле есть люди, которые ничего не знают о Христе. Те же, которые о Нём знают, - знают ЕГО плохо, но они всё же что-то о Нём узнают, даже если их представления о Христе и неверны из-за современных материалистических представлений. Но на Земле есть люди, исповедующие и другие, более древние религии. И тогда встаёт важный вопрос, который я наметил вчера.

Я сказал: Мистерия Голгофы есть величайший факт, Христос умер ради всех людей. Христово Начало *стало Силой всей Земли*». В этом объективном смысле, независимо от сознания, *Христос существует* для язычников, иудеев, христиан, индусов, буддистов и всех людей. *Он есть, со времени Мистерии Голгофы Он живёт в Силах земного развития человечества.*

И всё же есть разница в том, живут ли люди в области христианских представлений или же в области представлений не христианских. И это различие можно постичь, только поняв связь между жизнью человека от смерти до нового рождения с его земной жизнью.

Если человек прошёл через смерть и при этом был, скажем, в жизни буддистом или индусом, т.е., если он не воспринял никакого представления, никакого понятия о Христе, то он несёт с собой для Вселенной, переступив порог смерти, всё то, что он может здесь на Земле воспринять о внешнем окружении своём, о природе. На Небе ничего не знали бы о природе, если бы человек, проникая через смерть в Небесные Царства, не

приносил бы с собой вести о Земле. Всё, что человек воспринимает здесь на Земле, он переносит с собой в царство сверхчувственное, и только благодаря этому сверхчувственные миры получают сведения о минеральном, растительном и животном царствах на Земле.

Человек же, хоть что-нибудь познавший на Земле о Христе, который может придти к представлению, что в нём живёт Христос, который переживает слова апостола Павла: «Не я, но Христос во мне», – такой человек несёт в сверхчувственные миры не только весть о Земле, но и весть о земном человеке.

Так современным человеком переносятся в духовные миры обе вести. Христиане переносят в сверхчувственные миры весть о земном человеке, о телесном, земном образе, становлении человека. Индусы, буддисты и другие возвещают Небесам о том, что окружает человека. Люди уже сейчас восполняют друг друга, принося каждый свою часть, свою долю в духовный мир, пройдя через врата смерти. Конечно, всё более и более возрастает необходимость в том, чтобы все тайны, которые человек переживает в себе самом, он мог бы перенести в Небесное Царство, т.е. чтобы человек всё больше и больше проникался бы Христовым Началом. Но важнее всего пронести человеку через врата смерти то, что он переживает на Земле благодаря христианству, что он, как человек, переживает на Земле в своем общении с другими людьми.

Вдумайтесь, какая это важная и глубокая истина. Возьмите, например, индуса или буддиста. Всё, что он переживает, созерцая мир, ощущая мир, что он переживает в мыслях о минералах, в ощущениях о растениях, в чувствах о животных, – всё это он несёт через врата смерти, обогащая познания богов, в духовный мир. То же, что переживает христианин, вступая в общение с другими людьми, создавая с ними социальную жизнь, т.е. всё то, что может пережить только человек среди других людей, что переживается в человеческом братстве на Земле, всё это проносит через врата смерти со своей стороны христианин. Так люди разных верований дополняют друг друга. Однако достижение христианства состоит в том, что для небесных миров приобретают значение социальные земные обстоятельства. Скольких бы людей не обезглавливали восточные тираны, это – в известной степени – мало трогало потусторонние миры. – Это касалось их лишь постольку, поскольку человек вследствие этого получал внешние впечатления ужаса и т.п., и этот ужас был переносим через врата смерти.

Но нелюбовь, которая разделяет людей в наше время,

вследствие неправильных социальных условий, всё, что распространяется в виде фальшивого социализма на Земле, из непризнания истинных социальных связей и законов, – всё это имеет огромное значение и для духовных миров, в которые человек вступает через врата смерти. И если сегодня под флагом осуществления социализма развивается страшная, разрушительная власть на Земле, то всё, что при этом переживается как страшные плоды этой действительности, будет также перенесено в потусторонние миры. И если во времена материализма между людьми создаются лишённые любви отношения, – и это тоже, к ужасу божественно-духовных миров, будет переноситься в духовные миры.

Благодаря христианству человек должен научиться переносить плоды земного развития в сверхчувственные миры. Всё, что человек сам творит на Земле, он будет в состоянии, благодаря мыслям о воскресшем Христе, о ЖИВОМ Существо, прошедшем через смерть и всё-таки продолжающем ЖИТЬ, – перенести в духовные миры.

Поэтому-то те люди, которым не хотелось бы, чтобы их социальные дела были перенесены через порог смерти, – именно такие-то люди и страшатся признать ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО.

Ибо чувственно-физический мир полностью связан со сверхчувственным, и один мир не можете быть понят вне связи с другим. Мы, опять-таки, должны прийти к тому, чтобы понимать всё, происходящее на Земле, из понимания событий Вселенной. Мы должны научиться не абстрактно болтать о духе и материи, а научиться понимать человека, как он некогда переживал процесс дыхания в связи с божественным духовно-душевым миром, и благодаря этому мы должны прийти к нашему собственному переживанию этого духовно-душевного мира так, как мы должны и можем это сделать в условиях нашей современности. Никаким иным способом добиться оздоровления социальной жизни Земли и человечества нельзя. Как бы не надрывались люди, крича об улучшении социальных условий, – они достигнут только обратного, – и человечество будет всё дальше и дальше катиться по наклонной плоскости, если между людьми не будут созданы связи христианской любви, которые, однако, должны стать *реальностью*, а не бессмысленной болтовней, которой теперь люди себя одурманивают.

Древние люди опьянялись дыханием. Современные же люди не должны опьяняться словами. Слова не должны опьянять людей, они должны быть действительным

выражением Софии, пронизывающей Мудростью человека.

Об этих вещах говорит Антропософия, – они в наше время приобретают и большое социальное значение, – Антропософия, – Антропо-София есть также Мудрость, Которая хотела бы высказаться от своего Имени. Во времена греков человек был существом само собой разумеющимся. София была в те дни Мудростью человека, потому что человек был ею проникнут, светом Мудрости. А ныне, когда говорят «София», то уже представляют себе только призрак Её – науку. Поэтому приходится взывать к человеку, к Антропосу, отсюда – Антропо-София. Нужно обратить внимание людей на то, что существует нечто, светящее из самого человека, что может расцвести на почве лучших человеческих сил. На это и нужно указывать. И благодаря этому Антропософия станет силой, оживляющей человеческое земное бытие. Ибо она должна быть пережита человеком не только в конкретном, но и в более духовном смысле, как переживалась древняя София, и это одновременно должно пробудить пребывающее ранее во всем человеке содержание Веры-Пистис. Антропософия не есть содержание Веры, она есть действительное содержание Познания, но такого, которое может дать человеку ту силу, которую в древности ему давала лишь Вера.

Пятая лекция

Существо человека и его выражение в греческом искусстве

Дорнах, 31 марта 1922 г.

Попробуем сегодня представить себе силы, которые скрепляют человеческое существо в продолжении человеческой жизни, чтобы получить возможность коснуться космологических вопросов.

Мы знаем, что при ближайшем рассмотрении человек, в том виде, как он совершает свой земной путь, расчленяется на физическое тело, тело образующих сил, называемое эфирным, астральное тело и Я. Подумаем, как мы могли бы охарактеризовать каждый из этих четырех членов человеческой сущности.

Физическое тело человек получает благодаря тому, что на него в некотором роде работают силы Земли. В период, проживаемый человеком между смертью и новым рождением, он никакого дела с этим телом не имеет. Из сообщений, сделанных мною в предшествующих лекциях, мы поняли, что когда человеческая сущность спускается из духовно-душевных областей для физического воплощения, духовно эта сущность как бы отмирает и должна снова развивать внутри себя силу через погружение в физическую телесность. Сама же эта физическая телесность порождается в известной мере силами Земли и соединяется с тем, что спускается из духовно-душевных миров.

Однако ещё совсем незадолго до того, как человек вступает в земное воплощение, эфирным, или силообразующим, телом он ещё не обладает. Это эфирное тело так же, как и физическое, соединяется с человеческим существом для земного бытия. Только всё это эфирное, или силообразующее, тело находится в совершенно ином отношении ко Вселенной, чем физическое тело. Если мы исследуем силы физического человеческого тела, то мы найдём в нём силы самой земной планеты. Если же мы разберёмся в эфирном, или силообразующем, теле человека, то мы найдём в нём преобладание сил космических, сил всей Вселенной.

Зато в человеческом астральном теле и Я содержатся такие силы, которых не имеется во внешнем пространстве Вселенной, которые, если я позволю себе воспользоваться этим выражением, *не от мира сего*, принадлежащего Земле.

Дело в том, что Земля непрерывно стремится захватить физическое тело человека и присвоить его себе. Вселенная же проявляет постоянную тенденцию рассеять эфирное тело человека во всей Вселенной. Когда человек находится в состоянии между засыпанием и пробуждением, то в физическом и эфирном телах, остающихся в постели, действуют противоположные силы. Физическое тело всё время хочет объединиться с Землей. Оно хочет стать подобным Земле, стать совсем земным. Эфирное же, или силообразующее, тело хочет рассеяться во Вселенной. По утрам мы снова возвращаемся к нашим физическому и эфирному телам, и когда мы вступаем в физическое тело, оно как бы говорит нам: «В течение всей ночи на меня посягала Земля, Земля хотела меня превратить в прах. И только потому, что весь вчерашний день и все предыдущие земные дни ты скреплял меня своим Я и астральным телом, я ещё осталось физическим телом, во мне ещё продолжали действовать скреплявшие силы». Точно так же эфирное тело говорит: «Только потому, что во мне развилась привычка быть подобным тебе, я сохранило человеческую форму. В течение всей ночи, пока ты спал, пока ты был вне меня, силы Мироздания стремились рассеять меня по всем ветрам».

И каждый раз, когда мы просыпаемся, нам приходится делать усилие, чтобы правильно овладеть физическим телом. Оно же до засыпания и до пробуждения хотело бы от нас отделаться. И тут вступает наше Я. Если Я прошло известную школу, оно действительно может чувствовать, что оно каждое утро должно заново подчинять и присваивать себе физическое тело. Астральное же тело может почувствовать, что ему предстоит сделать эфирное тело подобным себе. А во время сна оно стремилось уже принять нечеловеческий образ. Астральное же тело должно его снова водворить в человеческую форму.

Можно сказать так: «Физическое тело утрачивает во время сна склонность принадлежать к человеческому Я, а эфирное тело теряет склонность обладать человекоподобным образом. Оно развеивается».

Так что, фактически, образ нашего физического тела есть плод воздействия Я на человеческую сущность. В теперешнем состоянии развития люди мало что воспринимают из того, что можно выразить следующими словами: «Когда я в минуту пробуждения возвращаюсь в физическое тело, я должен заново овладеть им, потому что оно хотело бы со мною порвать, а эфирное тело стремилось бы рассеяться».

Но вот представим себе, что было такое время, когда человек имел ясное ощущение этой борьбы, которая при пробуждении происходила, с одной стороны, между Я и астральным телом, с другой – с физическим и эфирным телами. И тогда если бы человеку по каким-либо причинам пришлось расстаться внезапно с физическим и эфирным телами, он должен был бы воспринять это как совершенно исключительное событие именно потому, что он имел представление об описанной выше борьбе.

Когда при нормальных земных условиях человек оставляет своё физическое и эфирное тела, то это происходит потому, что вследствие болезни или старости физическое тело уже в значительной степени уподобляется Земле, так, что оно стремится соединиться с Землей. Либо причиной тому может быть какое-либо повреждение или ранение, травма физического тела, вследствие которых Я уже не может им овладеть, и т.п.

Но представим себе такой случай: Я и астральное тело должны внезапно покинуть физическое и эфирное тело, при том что эти тела ещё сохраняют стремление принадлежать Я и быть подобным астральному телу. У древнего человека могла бы при этом возникнуть мысль: «Но ведь в подобном случае физическое тело не может подлежать распаду. Оно может разложиться, когда в нём уже имеется тенденция к распаду, благодаря болезни или старости или ещё чему-либо. Если же астральное тело и Я оказываются вынужденными внезапно выйти из совершенно здорового тела, с которым соединены силы эфирного тела, тогда физическое тело должно бы сохранить человеческую форму, потому что оно ещё исполнено стремления принадлежать астральному телу и Я. Человеческий образ должен бы остаться полностью нетронутым. Человек должен бы превратиться в статую, физическое тело не могло бы разложиться, эфирное тело не могло бы утратить подобия астральному телу, ибо выделение и Я и астрального тела было слишком быстрым и неожиданным. Человек должен был бы стать статуей.

Такое представление фактически и существовало. Все вы знаете греческий миф о Ниобее, у которой было 7 здоровых сыновей и 7 здоровых дочерей и которая однажды от переполняющего её и брызжущего из неё здоровья стала издеваться над матерью Аполлона и Артемиды за то, что она – богиня – имела всего лишь двух детей – Аполлона и Артемиду. Она отказалась пожертвовать собой, и её настигла месть богов. Она должна была пережить смерть всех своих детей,

настигнутых стрелами Аполлона и Артемиды и сразу же умерших на её глазах. Перед ней были простерты трупы всех её 14 детей; и её Я и астральное тело соединились в муке и боли со всем, что она перед собой видела.

Вам знакома фронтоная фигура Ниобеи, превратившейся в статую, и разбросанные вокруг неё тела её умерших детей. Сама она стала статуей. Физическое тело и эфирное тело должны были сразу отделиться от астрального тела и Я. Но так как эти эфирное и физическое тела были ещё так переполнены избытком жизни, что Ниобея осмелилась издеваться над самой богиней с её двумя детьми, то её физическое и эфирное тела не могли ещё утратить склонности к Я, эфирное тело не могло перестать быть подобным астральному телу. И Ниобея превратилась в статую.

Такое произведение искусства целиком порождено глубоким мироощущением, истиной, содержащейся и воспринимавшейся в мировоззрении тех времен. Человек тогда понимал: не будь Ниобея переполнена такой горделивой силой жизни, чтобы осмелиться издеваться над богиней Латаной, она смогла бы умереть обычной смертью, и тело её смогло бы разложиться. Но в ней кипела такая бурная и горделивая жизнь, что она сама восстала против богов, что она сама целиком жила в своём физическом теле. Так может быть выражено греческое восприятие: из-за слишком быстрого выхождения астрального тела и Я из тел физического и эфирного Ниобея стала статуей.

Если мы обернёмся к древним временам человечества, мы убедимся, что искусство всегда было связано с ощущениями, порождаемыми мировоззрением данной эпохи. Мы можем наблюдать это явление и на многих других примерах.

Обратимся снова к тому, как человек при пробуждении снова должен подчинять себе физическое тело, потому что физическое тело во время его сна стремилось уподобиться Земле. Если бы Ниобея могла бы заснуть хотя бы на одну ночь, она не превратилась бы в статую, несмотря на пережитое страдание, потому что её физическое тело за одну ночь уже успело бы набраться сил, склоняющих его к подобию Земле, то есть к распаду.

Стало быть, человеческая сущность должна каждое утро овладевать физическим телом, а астральное тело должно каждое утро формировать по своему подобию эфирное тело, снова пластически преобразовывать его, чтобы оно приняло человеческую форму.

В греческую эпоху люди ещё живо это воспринимали, они

чувствовали, что человек должен каждое утро развивать силы, чтобы вступить в полное владение своим физическим телом. Грек испытывал известное удовлетворение от владения, обладания физическим телом и так как он знал, что каждое утро ему придётся заново овладевать своим физическим телом, то он испытывал и потребность в силах, которые способствовали бы этому овладению, которые укрепляли бы астральное тело, усиливали бы его, чтобы он каждое утро заново подчинял своему образу физическое тело. Если бы человек мог в бодрственном состоянии сознательно проследить весь процесс пробуждения, то он каждое утро, просыпаясь, говорил бы себе: «Только бы моё физическое тело не ускользнуло от меня, только бы мне удалось снова правильно войти в физическое тело». Человек испытывал страх перед тем, что вдруг он не сможет правильно войти в своё физическое тело. Греку древних времен было хорошо знаком этот страх, и так же хорошо ему было известно, что его эфирное тело каждую ночь приобретает своеобразную склонность превращаться в четыре различных образа, подобные ангелу, льву, орлу, тельцу. И каждое утро астральное тело снова должно было прилагать усилия к тому, чтобы, если можно так сказать, - приводить к синтезу эти четыре члена эфирного тела, чтобы снова мог получиться правильным человек.

Но греки любили жизнь в физическом и эфирном телах. Я вам уже не раз приводил употреблявшееся в Греции выражение: «Лучше быть нищим на земле, чем царём в царстве теней», то есть в подземном мире. Грек любил физическое бытие. Поэтому он хотел укрепить свои силы для овладения физическим телом, для употребления эфирного тела человеком.

И вот представьте себе, что из этого стремления и выросла трагедия. Ещё Аристотель даёт определение трагедии, которое ясно указывает, что греки не воспринимали трагедию так, как современный человек. Может быть, иные люди судят иначе, я же по большей части наблюдал, что современные люди считают, что трагедия служит для того, чтобы они могли по прошествии целого дня суеты и повседневных хлопот вечером посидеть несколько часов и пережить её более или менее сильно, но совсем не реальную жизнь, а образы.

Во времена же, когда постепенно зарождалась греческая культура, грек так не думал. Для грека жизнь была единством, и всё, что включалось в эту жизнь, должно было служить живой принадлежностью этой жизни в целом. А трагедия служила греку средством правильно овладевать физическим

телом и правильно формировать тело эфирное. Трагедия и строилась с таким расчётом, чтобы человек испытывал при её лицезрении страх и сострадание. Зачем же человеку нужно было испытывать во время трагедии страх? Он должен был переживать страх потому, что переживание этого страха укрепляло в нём силы, позволявшие ему каждое утро правильно овладевать физическим телом. А сострадание он должен был переживать для того, чтобы укреплять астральное тело, которое должно было правильно строить тело эфирное. Покажите мне трагедию, – говорил грек, – и тогда я буду в состоянии правильно овладевать физическим телом, правильно формировать тело эфирное, тогда я буду в состоянии, в полном смысле слова, быть настоящим человеком, человеком в земном бытии. Для этого-то, наряду со всем прочим, заключавшимся в греческой культуре, грек нуждался в трагедии.

Естественно, конечно, что предпосылкой тому было в те древние времена знание того, как духовно-душевное – Я и астральное тело человека – связаны с его физическим и эфирным телами.

Аристотель приводит следующее определение трагедии: «Трагедия есть некоторое подражание действию, благодаря которому в человеке зарождаются страх и сострадание, с тем, чтобы человек через переживания страха и сострадания пережил катарсис, пережил кризис страха и сострадания». Кризис, катарсис – вот выражения заимствованные из древней греческой медицины, из искусства врачевания, и именно трагедия, даже тогда, когда Аристотель уже педантически толковал греческую культуру, – именно трагедию он воспринимал, как нечто исцеляющее и укрепляющее человека.

Попытаемся теперь это выражение – «катарсис», – пришедшее из мистерий, – а что оно значило в мистериях, мы уже часто обсуждали, – попытаемся уяснить себе это понятие катарсиса в применении к обычной жизни.

Что, собственно, происходит, когда человек внутренне заболевает? – Человек начинает испытывать боль, он страдает, чего раньше не было. Он начинает ощущать свой организм, ощущать его так, как он его не воспринимал в нормальном, здоровом состоянии. В здоровом состоянии у человека как будто ничего и не болит. А когда человек заболевает, он ощущает боль. А это означает нечто иное, как то, что Я и астральное тело человека, – простите за грубое выражение, – неправильно подвешены к физическому и эфирному телам.

Если человек излечивается, если он снова становится здоровым, тогда его Я и астральное тело обретают силу

правильно включаться в тело физическое и эфирное. После излечения и Я, и астральное тело приобретают большую силу и власть над физическим телом, чем до излечения.

Предположим, что человек заболевает какой-нибудь лёгочной болезнью. Его Я и астральное тело в это время неправильно «вставлены» в эфирную и физическую часть лёгких. При излечении происходит поправка, и кризис именно в том и состоит, что помимо правильного положения Я и астральное тело ещё приобретают силу в дальнейшем снова правильно входить в физическое и эфирное тела.

Внешний процесс, происходящий во время болезни, грек видел как внутренне протекающий в человеке процесс. Грек чувствовал так: если человек не принимает никаких мер, его Я и астральное тело становятся чуждыми физическому и эфирному телу. Он всё более утрачивает способность овладевать физическим и эфирным телами, формировать эфирное тело по своему подобию. Поэтому их, то есть Я и астральное тело, надо вывести, чтобы потом заново вставить правильно. Для этого надо, чтобы астральное тело прониклось состраданием, а Я должно испытать страх. Когда Я переживает страх, оно укрепляется, так как оно преодолевает страх, потому что он воспринимается им только в образах. Стало быть, Я не гибнет, не погибает от страха, оно преодолевает страх и благодаря этому приобретает окрепшую силу для того, чтобы снова каждое утро овладевать физическим телом. Точно также благодаря состраданию, благодаря зрелищу сострадания укрепляется и астральное тело и приобретает способность творить эфирное тело всё более и более подобным себе.

Всё это должно вам показать, как в Греции видели в искусстве вещи, с одной стороны, целиком связанные с существом человека – как это ясно из образа Ниобеи, – с другой же стороны, воспринимали силы, долженствующие действовать в человеческом становлении в процессе воспитания человека. Взор грека как раз был всегда направлен на конкретного человека, поэтому можно сказать, что со времени Греции, собственно, существо человека самим человеком утрачено.

Это особенно ясно осознаётся при взгляде на молодого Гёте. Гёте уже в молодые годы много чему научился и многое понял о мире своего окружения, о том, как люди мыслят, как ощущают. Он даже постиг, как выдающиеся, значительные гениальные люди пытаются представить себе мир. Но для Гете – я уже это неоднократно подчеркивал – стоило большой борьбы, большого труда враси, включиться в своё культурное окружение. Мы же знаем, как вот уже 4-5 столетий культурный

мир становится всё более интеллектуалистическим, и Гёте ощущал этот заливающий всё интеллектуализм. Он это выразил в «Фаусте»: философия стала интеллектуалистической, юриспруденция стала интеллектуалистической, даже богословие стало интеллектуалистическим. – Все эти науки Фауст изучил.

Но голое мыслительное содержание всех этих наук он ощущает как нечто совершенно чуждое реальности. Он хочет привести всё это в связь с духовными основами бытия. Таково в основном ощущение Гёте. С этой интеллектуализацией современного человека Гёте должен был примириться, – таков был ход развития. И человечество пришло к этой стадии развития. Но в Гёте это вызвало борьбу, сопротивление: он видел, что мысль не охватывает всего человека. И он ощущал себя чуждым миру, видя его развивающимся только интеллектуалистически.

Одним из людей, воспринимавших интеллектуализм как явление само собой разумеющееся и со всей энергией стремящихся к нему, был – в дни молодости Гёте – Лессинг. Гёте мог бы встретиться с Лессингом в Лейпциге. Но он постарался избежать этой встречи, потому что Лессинг был для него слишком интеллектуалистичен. Позднее Гердер в Страсбурге таким не был. Несмотря на интеллектуализм, Гердер всецело пришёл к необходимости всеобъемлющего мироощущения. С ним Гёте мог сговориться. Лессинг же был ему чужд и непонятен, и он с ним не встретился.

Понимая такое настроение Гёте, можно представить себе, как он в определённом возрасте захотел во что бы то ни стало вырваться из этого мира, в котором люди обо всём хотели только думать. В какой-то период Веймарской жизни Гёте готов был вылезти из кожи вон, несмотря на то, что жил он в высшей степени благополучно, несмотря на то, что его буквально обожествляли при Веймарском дворе, – он больше выдержать не мог. Он не мог вынести всех создавшихся условий. Ему нестерпимо было и то, что этот Гердер штудировал Спинозу. А Спиноза-то был, в основном, каким-то мыслительным механизмом, может быть, и восхитительным, но уводящим человека от мира, если только он попадал в шестерёнки этого мыслительного механизма.

И вот его потянуло в Италию, потому что он хотел найти человека. Он хотел найти человека в восприятиях греческого искусства, античности, ставшей чуждой современному человеку. Гёте жаждал открыть, пережить человека. По существу и Антропософия есть не что иное, как мировоззрение,

порождённое стремлением найти человека в цельности всего его существа, стремлением ответить на вопрос: что же такое, собственно, человек? Какова его истинная цель в жизни?

Благодаря таким стремлениям постепенно всё более наглядными, всё более показательными становились такие вещи, родившиеся из цельного восприятия человека и ставшие одним из звеньев культурного развития, как трагедия, или такие произведения искусства, как группа Ниобеи.

Посмотрим на Ниобею. Ниобея своей душой, т.е. своим Я и астральным телом живёт целиком вовне, её Я и астральное тело целиком излучаются наружу, в сферу, откуда приходит к ней боль. Боль вырывает душу вон. Тело ещё пронизано силами Я и астрального тела. Форма сохраняется, она прочно скреплена. И Ниобея становится статуей. Возьмём противоположный случай. Пусть не будет никакого повода для того, чтобы Я и астральное тело покинули тело физическое и тело эфирное, и всё-таки они изгоняются, потому что физическое и эфирное тела травмируются извне, потому что их отнимают у Я и астрального тела, – тогда Я и астральное тело должны уйти. Но при том, что физическое и эфирное тела поражаются извне, они приобретают форму, подобную разрушающей их силе, с одной стороны, а с другой – эта форма делает видимым это вытеснение Я и астрального тела. В случае с Ниобеей в этом нет нужды, с ним всё происходит внезапно. Но если представить себе, что Ниобея не покинула бы так стремительно свои физическое и эфирное тела при виде поля, покрытого трупами своих детей, если представить себе, что с её физическим и эфирным телами что-то случилось, благодаря чему её душа была вытеснена, тогда мы не увидели бы, как она превращается в статую своим физическим и эфирным телом, мы не увидели бы как они окаменевают в материи, в сформированной материи, – нет, мы увидели бы, как в ней ещё действует Я, как астральное тело прилагает все усилия к тому, что бы оформить эфирное тело.

И такой образ нам тоже представлен Грецией: это Лаокоон. Вы сможете понять Лаокоона, если проникнетесь пониманием, что он представляет собой образ, противоположный Ниобее, что в Лаокооне извне разрушается физическое и эфирное тела и что весь человек своим Я и астральным телом борется с исторгающими их силами. В форме каждой детали, в выражении рта, в выражении лица, в жесте рук, в форме, принимаемой пальцами, вы видите, что в Лаокооне передано всё то, о чем я только что рассказал.

Мы должны снова вернуться к пониманию подобных вещей,

иначе этот, глубоко оправданный для новейшего времени, интелектуализм уведёт человека от истинного воззрения, от истинного познания природы, от реальности.

Подумайте только, как трудился Лессинг, чтобы объяснить группу Лаокоона. Его пояснения оказались полностью внешними. Само собой разумеется, что я это говорю со всем должным почтением к великому Лессингу. Но если разобраться в его объяснении, то выходит, что, если поэт говорит о Лаокооне, то Лаокоон должен был бы кричать, ибо при том, как он разевает глотку, ещё не видно, что он кричит. Но если такую статую создаёт скульптор, то мы видим, как Лаокоон раскрывает рот, а раскрывать рот нельзя. Всё это очень внешние рассуждения: поэт должен делать так, скульптор – эдак! Нет, конечно же, Лессинг высказал чрезвычайно значительные соображения. Можно даже сказать: ко всем этим вещам следует относиться с должным почтением, но при всём этом всё-таки понимать, что в Лессинговой трактовке Лаокоона и в помине нет того, что явствует из всего положения, из всего образа Лаокоона, а для этого важно соответствующим образом прозревать те силы, которые скрепляют между собой все четыре члена человеческого существа, как я это изложил во введении к этим рассуждениям.

Эта способность прозрения совершенно утрачена нашим интелектуалистическим веком. Наш век уже окончательно разучился что бы то ни было понимать в человеке. Так, именно в век интелектуализма мы утратили способность оценки вещей. Это именно и ощущал так резко Гёте, и именно вторжение интелектуализма в искусство он и не мог выдержать. Молодой Гёте не выносил всего стиля Расина-Корнеля, потому что всё в их драмах построено на чисто интелектуалистической основе.

В противовес этому Гёте обращается к Шекспиру, в произведениях которого живут все противоречия природы. Поэтому-то Гёте и считает, что Шекспир является в некотором роде выразителем Мирового Духа. Такое глубокое ощущение Шекспира вызвано у Гёте именно вторжением интелектуализма в искусство. Я уже часто говорил, что Гамлета можно рассматривать как ученика Фауста.

Что именно Шекспировский Гамлет, а не Гамлет Саксо-Грамматикуса в те десятилетия, когда Фауст водил за нос и вкривь и вкось своих учеников, мог бы сидеть в Виттенберге у ног Фауста, – это было для Гёте очевидным. О деталях он, конечно, не высказывался, но человек, которому принадлежат

слова: «Я, слава Богу, и философией, и юриспруденцией, и медициной и, ради моего спасения, богословьем овладел», – он, вряд ли испытал бы удовольствие, увидев перед собой образ принца Датского, который произносил бы монолог «Быть или не быть», в коем упоминается страна, из которой никто ещё не возвращался, хотя совсем незадолго до этого он самолично разговаривал с самим старым Гамлетом, и у которого, стало быть, такая короткая память, что он, произнося этот монолог, успеваешь забыть, что он только что разговаривал со своим отцом, как раз возвратившимся из той самой неведомой страны.

Никакой интеллектуализм такого, конечно, не допустил бы никогда. Многих таких интеллектуалов я знал. Они возражали мне: «Ну, что говорить, ведь Гамлета писали несколько авторов, монолог писал один, встречу с отцом другой, а потом всё перепутали и смешали. Так часто делали и с Гомером».

Можно, конечно, легко «доказать», что Гамлета писало несколько авторов, потому что в нём на каждом шагу встречаются противоречия, ибо такие же противоречия имеются и в действительности. И Гёте как раз и понимал всё богатство действительности по сравнению с обнищанием интеллектуализма. Так именно это и надо понимать.

Если вам вздумается позабавиться по поводу всего, что вас возмущает в Гамлете и что доказывает, что Шекспира можно на каждом шагу поймать на противоречии, тогда вам следовало бы почитать профессора Рюмелина, прославленного гейдельбержца Рюмелина, который в своей статье о Шекспире подробнейшим образом разбирает все эти детали.

Но есть всё же большая разница между тем, как говорит Гёте, так глубоко понимавший искусство Шекспира и назвавший его выразителем Мирового Духа, и той наукой, которая преподаётся, хотя бы даже в Гейдельберге. И если вы сравните всё, что говорил Лессинг о Лаокооне, с великолепными записками Гёте на эту тему, то, конечно, вы ещё не обнаружите в заметках Гёте реального понимания вещей, как это даётся Антропософией (Гёте ведь о Ней не знал!), но вы всё же сможете констатировать значительное продвижение вперёд по сравнению с рассуждениями Лессинга.

Вы сможете найти у Гёте всюду указания на то, что я вам говорил сейчас. Значит, вы могли бы сказать: «Всё, что высказывал Гёте о группе Лаокоона, целиком вытекает из сегодняшних слов. Поэтому мы вправе сказать, что правильно продолженный гётеанизм, вплоть до мельчайших подробностей и деталей, неуклонно приводит к Антропософии».

Шестая лекция

Познание во вдохе и выдохе Мирового Слова и его выражение

Дорнах, 1 апреля, 1922 г.

Некоторые вещи можно изобразить, только если попытаться подойти к соответствующей реальности с помощью образов. По отношению к известным вещам нужно отказаться от абстрактного интеллектуалистического языка, на котором мы привыкли говорить. С помощью такого интеллектуалистического языка вообще было бы невозможно подойти к моей сегодняшней теме, пусть же это будет предпосылкой всего стиля моего сегодняшнего изложения.

Представим себе некое внутреннее пространство. Я постараюсь излагать эти вещи, как можно проще. Предположим, у нас имеется внутреннее пространство, в нём, в месте, указанном буквами *a-b*, проделано окошко (см. рисунок). Предположим, что через это окошко во внутреннее пространство проникает свет, который различнейшим образом в нём распространяется. Внутреннее же пространство заполнено всякого рода прозрачными стенками, своего рода прозрачным сводом. Итак, мы имеем внутреннее пространство, различным способом заполненное такими сводами, которые по-разному воспринимают свет, то пропуская его, то отражая так, что ваше внутреннее пространство оказывается заполненным разными способами поглощённым и отражённым светом.

А теперь представьте, что я пропушу через это внутреннее пространство струю пара, которая поднималась бы кверху (красная штриховка). Но этот пар был бы живой, он был бы живым, чувствующим существом. Он поднимался бы кверху, скажем, к вытяжному каналу, т.е. мог бы выходить из внутреннего пространства. Пар, таким образом, струится сквозь свет и поступает во внутреннее пространство с его мерцающим светом, преображённым сводами, то поглощающими, то отражающими мерцающий свет. Пар почувствовал бы, скажем, всё, что он воспринял в этом свете, и затем вышел наружу. Другими словами, это можно было бы выразить так: пар ощущал бы своими чувствами всё, что находилось в мерцающем свете во внутреннем пространстве, и

благодаря этому в нём бы возник внутренний образ. В его восприятии возник бы образ того, что находилось в мерцающем свете внутри.

Предположим, что пар, спустя некоторое время после того, как он покинул внутреннее пространство, смог бы передать всё, что испытал, находясь внутри (лиловая штриховка). Предположим, что мы обладали бы инструментом, с помощью которого пар, ну, скажем, производя какой-то музыкальный звук или тон, выразил бы то, что он испытал внутри, в мерцающем, переливающимся свете. Представьте себе эту картину.

А теперь я изображу вам эту картину по-другому. Вот видите, я вместо свода нарисовал внутренность человеческой головы, вместо окошка – глаз, которым воспринимаются зрительные впечатления, которым, стало быть, воспринимается свет. Свод, нарисованный мной, представляет мозговые извилины, систему нервов. Сюда поступает и здесь распространяется свет. Вместо пара, который я изображал на первом рисунке, представьте себе поступивший с вдохом воздух, который снова выходит наружу, прощупывая всё, что мерцает и переливается в мозгу, что потом превращается в мозгу в мысли. Воздух снова спускается по каналу спинного хребта вниз, а вместо инструмента у нас есть человеческая гортань, которая может выразить всё, что было пережито. Вот вам картина того, что, фактически происходит в человеческой голове.

А теперь опять изменим кое-что: скажем, закроем здесь окошко и представим себе, что под вашим внутренним сводом совершенно темно. Итак, мы закрываем окошко, здесь у нас – внутренний свод, и мы опять-таки впускаем под свод струящийся кверху пар (красная штриховка). Теперь под сводом воспринимается не свет, проникающий в окошко и различным образом поглощаемый и отражаемый, а воспринимаются формы, которые находятся внутри, под сводом. При этом струящийся кверху и чувствующий пар сможет внутри под сводом воспринимать формы, созданные когда-то кем-то, ну, скажем, неким зодчим. Так наш пар будет в состоянии воспринимать деяния этого зодчего. Затем пар, устремляясь наружу, сможет, опять-таки, выразить (красная штриховка) всё, что он воспринял как деяния зодчего.

Предположим, однако, что зодчий создавал свои творения

совершенно особым способом. Предположим, что этот зодчий был совершенно необычайным, всесторонне одарённым зодчим, и его создания были отражением всего мироздания. И тогда, если бы мы закрыли окошко, пар под сводом мог бы прощупать, смог бы осязать тайны всего Мироздания. Если окошко открыто, он воспринимает свет, поступающий снаружи, - если же окошко закрыть, пар воспринимает внутреннее отображение всего мироздания.

Итак, представьте себе: вот мы имеем отображение Вселенной (рисунок). В человеческой голове, в чудесных извилинах мозга мы действительно имеем отображение всей Вселенной. И если мы закроем доступ чувственным восприятиям и затем впустим струю воздуха, поднимающуюся вдоль спинного хребта в голову, мы создадим возможность исследовать, прощупать тайны этого внутреннего пространства мозга. При этом нельзя только допускать, чтобы это прощупывание воздуха происходило беспорядочным, хаотическим образом, это должно происходить в точно определенном порядке, иначе ничего не получится. Вы знаете, если мы, например, хотим установить наличие шёлковой пряжи в какой-нибудь материи, мы должны прощупывать её совершенно определенным образом. Нужно вести руку, прощупывая ткань, против волокна. И если мы это делаем правильно, если мы ведем руку против волокна, то мы можем обнаружить шёлк или нет.

Во времена, о которых я вам говорил на днях, когда люди хотели достигнуть высшего познания путём регулировки дыхания, в пору действительного расцвета учения йогов на Востоке, - то, что сегодня осталось от этого учения, есть лишь пережиток, нечто вторичное, - в те времена физически существовало сознание: когда ты производишь вдох, когда ты посылаешь в голову вдыхаемый воздух, то можешь постигнуть отображение тайн Вселенной в особом разветвлении нервов в твоей голове. Ты должен только особым образом отрегулировать твой процесс дыхания.

Я имею сейчас в виду не выродившиеся, декадентские пережитки, а то первоначальное, что воспринималось в основе дыхания. А это первоначальное было именно таким, как я только что описал. Человек говорил себе: когда я вдыхаю и при этом управляю вдыхаемым воздухом, посылая его под внутренний свод головы, служащий отпечатком всего

Мироздания, и, кроме того, вкладываю в эту воздушную струю ещё и звук, который можно уподобить звуку А и О, или между А и У, стало быть, если вдыхаемый воздух я пронизываю звуком А-У; а затем этой струе воздуха я придам некоторую форму, наподобие того, как придают форму нащупывающей что-то снаружи руке, – тогда этот звук может прощупать внутри головы мировые тайны. И тогда образы, отражения этих тайн поступают в сознание, если продолжение и завершение процесса дыхания протекает в полнейшем благоговении по отношению к воспринятому. Если таким образом удаётся выполнить весь процесс дыхания, как указывалось, т.е., воздух, вдохнув в себя, направить его вверх струёй, звучащей А-У, прощупать черепную коробку, затем, погрузившись в состояние полного благоговения, пережить жертвенную отдачу себя миру и всё, познанное при этом, излить в полную самоотдачу (жертву) и затем завершить процесс выдоха звуком М, тогда в отображении Мироздания в нервной системе человек постигает мировую тайну.

И это познание претворили в жизнь, осознавая его в звуке М выдыхаемого воздуха.

Из всего, что я вам сейчас описал, вы можете получить представление об основах, из которых исходила древняя школа йогов.

Йоги говорили: в моей голове заключена тайна всего Мироздания. И я могу её осязать, прощупать в то время, как я вдыхаю воздух. Во вдохе через меня самого раскрывается тайна Мироздания. И я схватываю эту тайну Мироздания. Но сохранить её в себе, – иначе она останется в бессознательном, – я могу только при условии абсолютной самоотдачи Мирозданию. И тогда процесс вдоха преобразуется в Мировое Слово, в СЛОВО, творящее Мир и пребывающее и живущее в нём. Когда человек познаёт это и в полной жертвенности и отрешённости по отношению к Мирозданию вдыхает воздух, тогда он постигает: вдох есть откровение Мирового СЛОВА, выдох – внутреннее уплотнение Мирового СЛОВА, исповедание Мирового СЛОВА.

Так можно представить познание Мирового СЛОВА человеком и Его выражение человеком путём исповедания: вдох есть откровение, выдох есть исповедание, а «АУМ» есть сведение в одно: откровения и исповедания, оживотворение тайны Вселенной в себе, преклонение и отдача себя этой мировой тайне.

Ныне у нас в нашу современную эпоху звук поднялся дальше. Звук изживается в реальных, конкретных, не

интеллектуалистических мыслях. Мы можем сказать: «Вдох становится мыслью, выдох же становится волевым выражением мысли». Это значит, что мы разлагаем то, что некогда было *вдохом-откровением* и *выдохом-исповеданием*, на *упражнение мысли* и *упражнение воли* и таким путём получаем точно так же в мысли, но в мысли, тренированной в медитации – откровение, а в упражнениях воли получаем преклонение и исповедание откровения. Для современного человечества дело обстоит так: всё, что ранее переживалось в одном только процессе дыхания и что при вдохе преобразовывалось в гласный звук, а при выдохе в согласный, теперь переживается более душевно во внутренне созерцаемой мысли, пронизанной волей в жертвенном благоговении к Мирозданию. Так что процесс остаётся тем же, только он становится более внутренним, более душевным. Но и здесь процесс заключается в том, что воспринимается внутреннее переживание Мироздания в его тайнах и преклонение перед этим Мирозданием, перед его Духовной Первоосновой.

Мы можем провести перед душой ещё и следующие мысли. Мы можем сказать: человек рождается из света, и его внутреннее, внутреннее его головы есть произведение света. Вся нервная система есть произведение света. Свет проникает в нас не только через глаза, но и через другие органы чувств. Глаза – это орган, передающий свет по преимуществу. Мы не можем сказать о слепых людях, что они совершенно отрезаны от света. Свет работает в них, в них отсутствует только сознательное восприятие света.

А звук, звук живёт во всем организме. Звук живёт в нас. Звук живёт не только в слухе, и ухо есть только орган восприятия. Переживая звук, мы переживаем его всем организмом. Когда мы слушаем какую-нибудь музыкальную пьесу или симфонию, мы переживаем их всем организмом. И в нас происходит следующий внутренний процесс: мы подчиняем весь наш процесс дыхания определённому ритму, определённым музыкальным модуляциям, обусловленным композицией сочинения. Эти образования, эти ритмы нашего наполненного воздухом внутреннего существа ударяются о мозговые формы (образования), и при их отражении от мозговых форм мы воспринимаем звук. В нас по-настоящему всегда происходит осязание-ощупывания света звуком.

Запомните твёрдо: в нас постоянно происходит процесс осязания, ощупывания света звуком. Мир звуков в нас, звучащий организм и есть собственно орган осязания света. Свет – всегда внешнее, звук – всегда внутреннее.

МЫСЛИ - вдох: ОТКРОВЕНИЕ	
ВОЛЯ - выдох: ИСПОВЕДАНИЕ	
Осязание света звуком	
внешнее	внутреннее
Осязание мировых мыслей человеческой волей	

Внутреннее осязает внешнее. Мы схватываем сами себя в соответствии с нашей сущностью правильным образом, только если мы воспринимаем себя как особое существо, извлечённое из Мировой Гармонии Сфер. И это существо осязает и ощупывает всё вокруг себя в свете, и в проявлении света звук познаёт существо Вселенной.

Только в нашу эпоху этот процесс выражается в том, что человеческая воля осязает, ощупывает мировую мысль (смотри схему). Нашей волей мы осязаем мировые мысли. Воля играет в данном случае роль звука. С другой стороны, мысль заменяет свет. Как я уже говорил, все эти вещи очень трудно передать интеллектуально-абстрактными формами.

Но всё, что я попытаюсь представить вам образно, поможет вам подойти к этим вещам, если вы хоть немного над ними задумаетесь, если вы уясните себе, что человек так поставлен в жизни (в мире), что его голова представляет отображение всего Космоса. Человек действительно в отношении своей головы - отображение Космоса.

Когда человеческий ребёнок начинает развиваться в материнском чреве, он сначала тоже представляет собой отражение Космоса. С этого начинается человек: он зарождается в чреве матери, как отображение Космоса. Сначала ведь весь человек не что иное, как мозг, отражение Космоса. Вы можете изучать Космос, исследуя первые стадии человеческого эмбриона. И лишь позднее к нему присоединяется нечто, уже не отражающее Космос, и это нечто можно описать следующим образом: если здесь Земля, а над нею человек, то при том, что от эмбриона отнимается какая-то часть, к нему добавляются силы, ритмически овевающие Землю, параллельно её поверхности.

Так образуется грудной организм, который в основном

создаётся из течений, которые кругом обтекают Землю. Отпечаток этих течений, если хотите, сохраняется в форме наших ребёр. Прежде всего, вступает в действие сам организм Земли. Тут течения поднимаются из Земли вверх, и это совершенно точно выражено в наших обеих ногах, – мы видим, как проходят эти течения. Я могу нарисовать человека, образованного течениями, исходящими из Земли, течениями, обтекающими Землю и связанными с его грудной организацией и, наконец, вверху, образующими голову – отражение всего Мироздания.

Всё, что происходит в голове, представляет всегда отображение Вселенной в течение всей жизни. В строении головы человек несёт отображение Мироздания. Нужно только научиться это воспринимать. Однако он не смог бы этого воспринимать, если бы он был для этого построен Землёй.

По правде говоря, Земля воспринимает Вселенную через человека, – грудной организм служит посредником. Космос воздействует на вдох, Земля – на выдох. Космос даёт нам чистый кислород, Земля же понижывает этот кислород углеродом и таким образом создаёт умерщвляющий воздух. И в то же время, как образуется этот мёртвый воздух, в человеке просыпается понимание.

Понимание всегда связано в человеке с отмиранием, омертвением. Мы умираем из-за понимания, а живём мы благодаря Космосу. Но если бы мы принадлежали только Космосу, наша жизнь протекала бы очень быстро. Космос насыщает нас жизнью, главным образом в эмбриональный период, затем нас постепенно берёт в работу окружение Земли, а впоследствии – всё, что притекает от Земли. Благодаря этому осуществляется уничтожение всего того, вплоть до всей полноты жизни, что даётся нам Космосом как жизнь. Космос оживляет нас, а Земля убивает как физический, так и эфирный организм. Но только в нашем эфирном организме по преимуществу принимают участие силы Космоса, а в телесном организме – силы Земли.

Продумайте всё это и скажите себе: некогда для развития высшего познания выполнялся отрегулированный процесс дыхания: это делалось ради познания человеком тайн

Мироздания; затем вы придёте к представлениям о том, как во времена изначальных устремлений человека к познанию он внутренне чувствовал свою связь со всей Вселенной. При этом человек стремился в процессе вдоха пережить Мировое СЛОВО и отдать себя, пожертвовать себя Мировому СЛОВУ в процессе выдоха. Вы можете представить себе, как посредством дыхания йоги человек стремился включиться своим сознанием в мировой процесс.

Бессознательно же он всегда включён в этот процесс. Из внешнего описания процесса дыхания йоги, приведённого мною сегодня, вы, конечно, не получите реального представления о том, к чему, собственно, тогда устремлялся человек. Однако такое реальное представление вы получите, подойдя к этому познанию с помощью современной антропософской науки. У людей нет никаких документов, которые помогли бы им составить представление об изначальных временах. Времена же, от которых остались документы, уже ничего не говорят обо всём том, что было в начале.

К истинным тайнам человеческого происхождения на Земле следует подходить без документов, или же вообще отказаться от всяких попыток что-либо понять в этом смысле, что-либо познать.

Человек, думающий с помощью внешних документов, сохранившихся от древних времён, прийти к познанию подобных вещей, ничего не добьётся. К такому познанию может прийти человек, который в состоянии заглянуть в куда более ранние времена, чем те эпохи, от которых остались какие бы то ни было документы.

К тайне восточной молитвы «АУМ», к этой познавательной формуле «АУМ», – ибо и познание, и молитва были объединены в этом акте, – можно прийти, только познав связь человека с Мирозданием в процессах вдоха и выдоха. Когда человек знает, что воздух, не производящий вообще никаких звуков, может быть преобразован в определённые звуки, когда в человеке имеются, настроенные на разные тона струны, когда человек знает, что воспринятый им вовнутрь воздух, посылаемый им со звуком «АУМ» в мозг, внутренне отображает тайну Вселенной, – если всё это человеку ведомо, тогда ему открывается и связь человека со Вселенной. Человек «осязает», каким он стал. Когда человек жил, до зачатия, в духовно-душевном мире, он как раз и жил в мире духов. Но, спускаясь к Земле, он проходит в эфире все образования и конфигурации Космоса и вбирает в себя эфир. В эти моменты он вбирает в себя все

тайны Мироздания и постепенно отпечатывает, запечатлевает их в мозгу.

Позднее человек также может придти к этим тайнам, только в древние времена он приходил к ним через вдыхаемый воздух, а ныне – через мысль – человек снова стремится пережить мировую тайну. Он преобразует свою *мыслительную силу*, которая есть не что иное, как *разжиженная сила дыхания*, когда она действительно пропускается через мозг.

Но современный человек этого не делает. Современный человек не проводит мыслительную силу через мозг, он теперь только слышит отовсюду слова, произносимые на его языке, внутри которых тоже живут мысли, и потом он пропускает через себя всё, что он внутренне выбалтывает, т.е. подсказанное ему его чисто национальным содержанием.

При этом он не приобретает никаких знаний, самое большее – он пишет книги, в которых он рассказывает, что имеется язык, который, однако, ни к каким знаниям не приводит. Он пишет критику языка, ибо не имеет никакого представления о том, на что наталкивается мыслительная сила, потому что его знанию доступно только то, что вписывается в слова. Современный человек есть, так сказать, лишь резонансная камера для слов. А если он при этом наделён остроумием, как Фриц Маутнэр, тогда он пишет книги о том, что слова не содержат в себе ничего от существа мира. Но тем самым он ни на шаг не приближается ни к познанию человека, ни к познанию мира, ни, в особенности, к познанию связи человека с миром. Нужно же, наконец, понять, что в слове человека заложена истина, что он действительно стал человеком благодаря божественному дыханию, благодаря воспринятому через вдох воздуха. Ибо благодаря этому воздуху он раскрывает в себе всё Мироздание, он обнаруживает себя микрокосмом.

Если вы хорошенько со всех сторон продумаете всё, что я сегодня вам изложил, то вы убедитесь в том, что вам придётся всё время сталкиваться с весьма существенными соотношениями и связями.

Только вы не должны думать, что с моей стороны было уловкой нарисовать вам сначала только картинку. Это отвечает необходимости, потому что мы не в состоянии характеризовать такие вещи нашими абстрактными словами и должны подходить к существу вещей с помощью образов.

Как мне кажется, в этой лекции я наметил для вас весьма важный раздел антропософской духовной науки, который

завтра я ещё постараюсь развить.

Седьмая лекция

Эзотерическое и экзотерическое христианство

Дорнах, 2 апреля 1922 г.

Развитие человечества запечатлено в памятниках, хранящихся от древних религий или от древних мировоззрений и т.п. Нужно, однако, всё снова и снова подчеркивать, что к этим памятникам, гласящим человеку сквозь все времена и целиком оправданных в их внешнем воздействии, следует всегда добавлять источники, называемые нами эзотерическими.

Когда говорилось о глубоком смысле человеческого познания и человеческого мировоззрения, тогда различали экзотерическое учение, которое позволяло познавать вещи более с внешней стороны, и учение эзотерическое, которое доступно было только человеку, соответствующим образом подготовившего к нему свою душу. Так и в отношении самого христианства и именно в отношении его духовной основы основ - Мистерии Голгофы следует различать экзотерическое воззрение и эзотерическое познание. Экзотерическое воззрение доступно всем в мире благодаря Евангелиям. Наряду же с этим экзотерическим воззрением всегда существовало эзотерическое христианство для людей, которые прилагали усилия к тому, чтобы в душе своей подготовиться к этому эзотерическому христианству.

Самым важным в этом эзотерическом христианстве является познание ВОСКРЕСШЕГО ХРИСТА, то есть ХРИСТА, испытавшего и преодолевшего смерть, по отношению к тем из своих учеников, которые были в состоянии ЕГО понимать. Об этом общении ХРИСТА с группой учеников рассказывается лишь намёками и мимоходом. Всё, что рассказывается о встречах ВОСКРЕСШЕГО ХРИСТА с учениками в Евангелиях, позволяет человеку догадываться, что благодаря ВОСКРЕСШЕМУ ХРИСТУ в земное развитие было включено что-то совершенно особенное, - однако, если человек не прибегает к эзотерическому познанию, его догадки остаются догадками.

Однако эти догадки существенно дополняются фактом обращения апостола Павла. Обращение апостола Павла представляется фактом чрезвычайной важности, ибо апостол Павел признаёт, что он смог поверить в ХРИСТА только с той минуты, когда ХРИСТОС явился ему на пути в Дамаск, то есть

когда он смог убедиться в том, что ХРИСТОС прошёл через смерть И ПРОДОЛЖАЕТ ЖИТЬ, СВЯЗАВ СЕБЯ с земным развитием. Убеждённость в БЫТИИ ЖИВОГО ХРИСТА осенила Павла благодаря событию на пути в Дамаск, и следует оценить, как об этом говорится устами самого апостола Павла.

Почему же апостол Павел до события на пути в Дамаск не мог убедиться в истинности СУЩЕСТВА ХРИСТА? Нужно ясно представить себе, что означал для апостола Павла, посвящённого в известном смысле в учения иудейства, тот факт, что СУЩЕСТВО, признаваемое за ХРИСТА Иисуса, было осуждено и казнено, по человеческим понятиям, позорной казнью – распятием на кресте. Апостол Павел не мог поначалу себе представить, чтобы древние пророчества исполнились в отношении Существа, Которое было осуждено человеческими законами и приговорено к позорной смерти на кресте. Это не умещалось в его понимании. Для апостола Павла вплоть до события на пути в Дамаск Иисус Христос не мог быть Мессией, и тому достоверным доказательством была Его позорная смерть на кресте. И только когда апостол Павел пережил явление ХРИСТА по пути в Дамаск, несмотря на то, что Иисус из Назарета, или Существо, в Нём воплощённое, и прошло через позорную смерть, крестную смерть, он уверовал и убедился из явленного ему на пути в Дамаск откровения в истинности Мистерии Голгофы. И тот факт, что Павел приводит это как убедившее его событие, имеет величайшее значение.

Все предания, сохранившиеся в первые века христианства, сегодня нам уже недоступны. Они ещё, может быть, имеются, в лучшем случае, в виде внешних исторических сведений или записей в отдельных тайных обществах, которые их уже не понимают. То же, что выходит за рамки тех скудных сведений о ХРИСТЕ после Мистерии Голгофы, должно быть заново обретено через антропософскую духовную науку.

При этом вот что мы должны найти: что же говорил ВОСКРЕСШИЙ ХРИСТОС? Что говорил ОН тем ученикам, которые ЕГО окружали, но о которых не говорится в Евангелиях? Потому что, судя по евангельскому рассказу об учениках, которые встретились с ХРИСТОМ по пути в Эммаус, или другим евангельским сведениям о группе учеников, – все эти люди по традиции представляются такими простыми и наивными душами, которым был бы недоступен эзотерический смысл событий. Поэтому нужно независимо от этой традиции ставить вопрос: что же говорил ХРИСТОС после ВОСКРЕСЕНИЯ своим действительно посвящённым ученикам?

Если мы хотим это понять, нам нужно исходить из того, каково было отношение людей при тогдашнем их душевном состоянии к самой Мистерии Голгофы и как могло измениться их душевное настроение и состояние благодаря Мистерии Голгофы.

Для современного человека уже чрезвычайно трудно понять важную истину древних времён, касающуюся развития человечества, а именно ту истину, что первые люди, появившиеся и жившие на Земле, не имели того познания, которое мы в наши дни называем этим (именем). Благодаря атавистическому ясновидению эти первые появившиеся на земле люди были в состоянии воспринять Божественную Мудрость. А это означало, не более, ни менее, как способность воспринимать учения Божественных Учителей, которые спускались на Землю из Царств высших Иерархий, само собой разумеется, оставаясь при этом духовными, не воплощавшимися в земные тела, Существами и поучавшими человеческие души духовным способом. Такое учительство, осуществляемое Божественными Существами, которые сходили из Духовных Миров на Землю, было в древние времена развития человечества общеизвестным явлением.

Люди, в большинстве своём те, которые прошли посвящение в мистериях, могли погружаться в состояние отрешённости, в котором их душа находилась в основном вне тела, так, что их не отвлекали чувственные восприятия, когда они не нуждались во внешнем обмене словами, но были в состоянии духовно воспринимать поучения Богов. Их восприятия происходили не в состоянии, которое мы в наши дни называем сном, они находились в живом духовном общении с божественно-духовными Существами, наделявшими людей своей Мудростью. Мудрость поначалу касалась, прежде всего, сообщений, преподаваемых Богами людям о пребывании человеческих душ в божественно-духовном мире до их воплощения в земные тела. Именно в том состоянии, которое я только что описал, Боги учили людей тому, что переживают души до их схождения для зачатия в земное тело. При этом у людей было такое чувство, что им напоминали о чём-то, что они давно знали. Когда Боги поучали людей, они воспринимали эти поучения как напоминание о том, что они пережили перед своим рождением или зачатием. Ещё у Платона можно найти слабые отзвуки о таких древних временах.

Когда мы говорим, что в наше время мы можем обернуться на такие времена, когда люди наставлялись в божественно-духовной Мудрости, пребывая на Земле в только что описанном состоянии, то это надо понимать не в каком-то там переносном смысле, а в самом прямом: да, людей поучали сами Боги. И эта преподаваемая ими Мудрость была совершенно особого рода. Дело в том, что, как бы это странно ни звучало, люди ничего не знали о смерти. Как я уже сказал, вам это может показаться странным, и всё же это было действительно так: древнейшие населявшие Землю люди ничего не знали о смерти, ибо младенец ничего не знает о смерти. Люди, которых обучали описанным выше способом и которые передавали воспринятое ими учение другим людям, обладавшим опять-таки атавистическим ясновидением, тотчас же осознавали, что их души спустились из божественно-духовных миров, что они воплотились в тела, и в этом они видели развитие, процесс душевно-духовной жизни. Рождение и смерть воспринимались ими как превращения, а не как конец или начало чего бы то ни было. Если это описать схематически, можно бы сказать: человек видел различные этапы развития души, а земная жизнь и была одним из таких этапов. Но точки А и Б не воспринимались как конец и начало, человек воспринимал их в постоянном, непрерывном потоке жизни. Человек, правда, видел, что люди умирают. Вы не должны на меня обижаться, если этих древнейших людей я сравню с животными, ибо, несмотря на то, что эти древнейшие люди внешне были похожи на животных, они обладали как раз более высоким духовно-душевным содержанием. Я об этом уже однажды здесь говорил. Так же, как в наше время какое-нибудь животное ничего не понимает о смерти, когда наблюдает смерть другого животного, так же мало понимали смерть и люди, в которых жило лишь представление о непрерывном потоке духовно-душевной жизни. Смерть же принадлежала к майе, к великой иллюзии. Никакого особого впечатления на человека она не производила. Человек знал только жизнь. Духовно-душевная жизнь человека никак не была связана со смертью. Человек воспринимал жизнь лишь изнутри. Когда люди наблюдали рождение, человеческая жизнь простиралась перед ними за пределами рождения, в духовное. Когда они наблюдали смерть, то духовно-душевная жизнь опять-таки распространялась за пределы смерти – в духовный мир. Ни рождение, ни смерть не имели никакого значения для жизни. Человек знал жизнь, он не знал смерти. Это состояние люди постепенно утрачивали. И если проследить процесс развития человечества, начиная с

древнейших времён и до Мистерии Голгофы, то приходишь к следующему заключению: люди всё больше и больше постигали смерть, которая оставляла в них всё более яркое впечатление, их душа постепенно связывалась со смертью, и для них уже вставал жизненный вопрос: что же будет с душой после смерти? – В древние же времена люди не воспринимали смерть как конец. Для них смерть представляла собой самое большее некое превращение. Они спрашивали: не дыхание ли покидает человека, когда он умирает? Не испаряется ли из него нечто, что продолжает струиться дальше и с чем вместе душа переходит в вечность? Или же они составляли себе какие-либо другие представления о непрерывно текущем потоке духовно-душевной жизни. О том, каким образом протекает этот поток, люди раздумывали, но о смерти, как о конце, они не раздумывали.

По мере того, как приближалась Мистерия Голгофы, люди, собственно, постепенно только и начали понимать всё значение смерти, понимать, что земная жизнь имеет конец. Конечно же, это не было философской формулировкой научного вопроса, это просто вставало в душе как восприятие. К этому восприятию люди должны были прийти в земной жизни, ибо в земную жизнь, в человеческое развитие должен был внедриться рассудок, интеллект. Интеллект же зависит от нашей способности умирать. Я это часто объяснял. Стало быть, человек должен был познать смерть. Древние времена, когда человек не знал смерти, были неинтеллектуальными. Люди получали представления через откровения духовного мира, они их не создавали. Интеллекта не существовало. Но он должен был вступить в развитие.

Если говорить в смысле духовно-душевно, то можно сказать, что интеллект мог вступить в развитие только благодаря тому, что человек стал смертным, что он непрерывно несёт в себе силы умирания. В смысле физическом это можно выразить так: смерть может наступить только благодаря тому, что человек не только во всём своём теле, но и внутри своего мозга подвергается отложению солей, то есть отложению минерально-твёрдых, мёртвых составных частей. Мозг проявляет непрерывную тенденцию к отложению солей, к незавершённым костным образованиям. Так что в мозгу непрерывно присутствует направленность к смерти.

Человечество должно было испытать эту прививку смерти. И всё, вытекающее из этой необходимости, роль, которую смерть действительно стала играть в человеческой жизни, – всё это и обусловило внешнее познание человеком смерти. Если бы

люди остались такими, как в древние времена, когда они ничего не знали о смерти, в них никогда не мог бы развиваться интеллект, ибо интеллект возможен только в мире, где царит смерть.

Так это должно выглядеть со стороны человека. Но на это можно взглянуть также и со стороны высших Иерархий. Тогда получается иная картина. Высшие Иерархии в существе своём содержат Силы, которые создали Сатурн, Солнце, Луну и под конец Землю. Если бы высшие Иерархии вплоть до Мистерии Голгофы делились бы своей Наукой, своей Мудростью между собой, Они могли бы сказать: «Мы можем из Сатурна, Солнца и Луны создать Землю. Но если Земля будет содержать только то, что Мы воплотили в Сатурне, Солнце и Луне, то на ней никогда не смогут развиваться существа, которым было бы ведомо умирание, которые, следовательно, могли бы развить в себе интеллект. Мы – высокие Иерархии – в состоянии создать из Луны Землю, на которой люди ничего не знали бы о смерти, но и не могли бы развить интеллекта. Нам – высшим Иерархиям – не дано создать Землю такой, чтобы она породила силы в себе, необходимые для развития человеческого интеллекта. Тут мы должны положиться на совсем другое существо, на существо, пришедшее иными путями, чем наши, к настоящей эпохе, – мы должны положиться на существо Аримана. Ариман – существо, не принадлежащее к нашей Иерархии. В поток эволюции Ариман вступает иными путями. И вот мы должны полагаться на Аримана. Если Мы допустим Аримана в развитие Земли, если мы предоставим ему часть в земном развитии, тогда он принесёт смерть и вместе с ней интеллект, – и Мы сможем внести в человеческую сущность смерть и интеллект. Ариману ведома смерть, потому что он сплавился с Землей, потому что он шёл путями, которые связали его с земным развитием. Он – познавший смерть, он – умудрённый смертью. Поэтому он и есть властитель, господин интеллекта.»

Боги должны были, – если я осмелюсь сказать, – связаться с Ариманом. Им пришлось сказать себе: «Эволюция не может продолжаться без Аримана. Речь идёт о том, чтобы допустить Аримана к участию в эволюции. Но если Аримана допустить в эволюцию и если он станем господином над смертью, а тем самым – и над интеллектом, тогда Земля от нас отпадёт, тогда Ариман, который только к тому и рвётся, захватит всю Землю, чтобы всю её интеллектуализировать.» И перед Богами стоял огромный вопрос: не потеряют ли они Землю, допустив к её развитию Аримана?

И тогда возникла единственная возможность, заключающаяся в том, чтобы Боги научились Сами тому, чему Они не могли научиться в своих Божественных Мирах, недоступных Ариману, чтобы Боги через Своего Посланца – ХРИСТА сами познали земную смерть. Бог должен был претерпеть на Земле смерть, но эта смерть Бога должна была произойти не как плод Божественной Мудрости, а в результате человеческого греха, который постиг бы человечество, если бы Ариман всё захватил в свои руки.

Бог должен был пройти через смерть и тем самым преодолеть её. Так что Мистерия Голгофы для Богов означала: обогащение Их познания через Мудрость смерти. Если бы БОГ не прошёл через смерть, Земля бы стала полностью интеллектуализированной. И тогда она не смогла бы снова вступить на тот путь эволюции, который был изначально предначертан ей Богами.

В древние времена люди не знали смерти. Но они познали её. И в них родилось чувство: принять смерть – значит получить интеллект, но при этом мы попадаем в совершенно иной поток развития, чем тот, в котором мы возникли.

И ХРИСТОС Учил своих посвящённых учеников, что ОН пришёл из мира, в котором не ведали смерти, ОН же познал на Земле смерть и победил её. Если понять эту связь земного мира с Миром Божественным, тогда узнаешь, как снова вернуть интеллект к духовности (как одухотворить интеллект). Так приблизительно можно выразить содержание того эзотерического учения, которое ХРИСТОС преподавал своим ученикам (посвящённым). ОН преподавал им именно учение о смерти, как она воспринимается с точки зрения Божественного Мира.

Если человек хочет постигнуть всю глубину этого эзотерического учения, он должен ясно осознать, при условии, что он понимает во всей эволюции человечества следующую истину: Боги победили Аримана, использовав его силы для Земли, и ограничили, притупили его власть, сами познав смерть в Существо ХРИСТА. Боги ввели Аримана в земное развитие, но, использовав его, Они принудили его, войдя в земное развитие, не доводить его собственное господства до конца.

Тот, кто знал Аримана со времени Мистерии Голгофы и кто его знал до неё, тому можно было увидеть, как Ариман дожидался того момента мировой истории, когда он мог бы вмешаться в развитие так, чтобы его действие проявлялось не только на подсознательное и бессознательное существо

человека, – как это было с атлантических времён, – вы знакомы с этим по моему «Тайноведению», – Ариман дожидался возможности вмешательства и воздействия на сознание человека. Если можно было бы воспользоваться человеческими выражениями для характеристики Божественной Воли, то можно было бы сказать: Ариман с нетерпением дожидался момента, когда он мог бы проявить свою власть и над человеческим сознанием. Но Ариман был поражён, потому что ему было неизвестно о существовании БОЖЕСТВЕННОГО ПЛАНА – послать на Землю СУЩЕСТВО ХРИСТА, КОТОРОЕ ПРОШЛО БЫ ЧЕРЕЗ смерть. Правда, благодаря этому вмешательство Аримана не предотвращалось, но власть его была ограничена.

С тех пор Ариман пользуется каждой возможностью, каждым поводом, чтобы привести человека к применению голого интеллекта. Ариман ещё и доньше не отказался от надежды привести человека к использованию голого интеллекта. А что бы это означало? Если бы Ариману удалось привести человека к убеждению, что он может жить только в теле, так, чтобы не было никаких иных убеждений на Земле, кроме тех, что человеческая духовно-душевная сущность неотделима от его тела, тогда человеческая душа была бы настолько охвачена идеей смерти, что Ариману легко удалось бы осуществить свои планы. Эта надежда никогда не покидает Аримана. И можно, например, сказать, что в душе Аримана, – если только вообще можно говорить о душе Аримана, но допустим такое сравнение, – царствовала бы особая радость, – я опять применяю человеческие выражения для вещей, которые требовали бы каких-то специальных слов и выражений, – итак, Ариман переживал бы величайшую радость в период между сороковыми годами XIX-го столетия и до его конца, ибо преобладание материализма позволяло ему надеяться на конечную победу его власти на Земле. Ведь дошло даже до того, что само богословие стало материалистическим.

Я уже упоминал о том, насколько богословие удалилось от христианства и как базельский богослов Овербек написал книгу, в которой пытался доказать, что современная теология уже ничего общего с христианством не имеет. И это тоже могло подогреть надежды Аримана.

Какое-либо сопротивление могут оказать Ариману только такие учения, которые основываются на духовной науке Антропософии. Если благодаря Антропософии человеку станет снова доступно понимание самостоятельности духовно-душевного существа человека от его телесной сущности, –

Ариману придётся расстаться со своими надеждами.

Эта борьба ХРИСТА с Ариманом, опять-таки, возможна, и предчувствием этого исполнен евангельский рассказ об искушении в пустыне.

Но целиком всё это понять люди смогут лишь тогда, когда они проникнутся познанием, что в древние времена человеческого развития большая роль принадлежала Люциферу, влияние же Аримана вступает в человеческое сознание лишь со времени Мистерии Голгофы.

Если мы взглянем в душу человека, мы сможем констатировать момент, когда человек познает, что в Христовом Начале живёт Сила, благодаря которой, соединяясь с нею, он может преодолеть в себе смерть. Этот момент – важнейшая точка в земном человеческом развитии. Если смотреть на это со стороны внешнего духовного мира, это означает, что Иерархиями, участвовавшими в сотворении Сатурна, Солнца и Луны, Ариман был привлечён к земному развитию, но притязания его на господство были ограничены, но силы его были поставлены на службу земному развитию. Ариман был в некотором роде вынужден войти в земное развитие. Если бы благодаря пришествию ХРИСТА у Аримана, так сказать, не было бы «подрезано жало», ему удалось бы внутренне пронизать Землю интеллектом, а именно – полностью её материализовать.

Мы именно должны видеть в Мистерии Голгофы не только внутреннее мистическое событие, но и внешнее событие, которое мы должны понимать не в смысле внешнего материального исторического события (познания), мы должны его понимать как введение Аримана в земное развитие и одновременно как некоторое преодоление Аримана. Значит, во время Мистерии Голгофы разыгралась «Борьба Богов». И факт этой Борьбы и содержался в том историческом учении, которое преподавал своим посвящённым ученикам ХРИСТОС после Своего ВОСКРЕСЕНИЯ.

Если бы мы захотели охарактеризовать тогдашнее эзотерическое христианство, мы должны были бы сказать, что люди древних времён земного развития знали, что они связаны с Божественными Мирами. Они знали об этих Мирах благодаря откровениям, которые я вам описал. Но из этих откровений они ничего не могли узнать о смерти, ибо в Божественных Мирах смерти не существовало, и для самого человека также не существовало смерти, а было лишь равномерное, непрерывное развитие духовно-душевного, которое человек и воспринимал благодаря Божественным откровениям.

Но, в конце концов, смерть к человеку приближалась. Он мог развить в себе известную силу, чтобы соблюсти верность ХРИСТУ и преодолеть смерть. В этом и заключалось внутреннее человеческого развития. Но эзотерическое содержание этого процесса, в котором ХРИСТОС посвящал своих учеников, заключалось именно в том, что всё, происходившее на Голгофе, было отражением сверхземных событий, отражением соотношения Божественных Миров, связанных с Сатурном, Солнцем и Луной и бывшей в ту пору Землей и Ариманом. ХРИСТОС поучал своих учеников, что на КРЕСТ НА ГОЛГОФЕ не должно взирать только как на выражение земного события, что КРЕСТ ГОЛГОФЫ имеет значение для всего Космоса, – вот что, в сущности, содержалось в эзотерическом учении ХРИСТА.

Может быть, можно было составить себе представление о содержании эзотерического христианства ещё и следующим образом: представим себе, что два эзотерических ученика, всё более и более постигающих эзотерическое христианство, вели бы между собой разговор по поводу одолевающих их сомнений. Один бы говорил другому: «Христос, наш Учитель, сошел из тех миров, которые известны с давних времен. Люди знали о Богах, но не о тех, которые могли бы говорить им о смерти. Если бы мы остались с теми Богами, мы никогда ничего не узнали бы о смерти. Боги сами должны были послать на Землю Существо, чтобы кто-то из Богов познал сущность смерти. И мне кажется, что Христос после Своего воскресения и учит нас тому, что надлежало сделать Богам, чтобы привести к правильному завершению земное развитие. Если мы будем придерживаться учения Христа, мы узнаем нечто, чего люди до сих пор не могли знать. Мы узнаем, что сделали Боги за кулисами мирового бытия, чтобы правильным образом продвинуть земное развитие, мы узнаем, что *они ввели* в земное развитие силы Аримана, но *обратили* эти силы не на гибель человеку, а на его пользу.»

Это эзотерическое учение, которое передавал своим посвящённым ученикам Христос, производило глубокое, потрясающее действие. И такой ученик, которого я вам охарактеризовал, мог бы продолжить свои слова и сказать: «Мы сегодня вообще уже ничего не знали бы о Богах, потому что мы опутаны смертью, – если бы Христос не умер на кресте и не воскрес и не рассказал бы нам после своего воскресения о том, как Боги познали смерть. Для нас, людей, наступило бы время, когда мы так погрузились бы в материю, что нам уже ничего не было бы известно о Богах. Боги разыскали путь,

который привёл Их к общению, к разговору с нами. И ЭТОТ ПУТЬ БЫЛ ПРОЛОЖЕН ЧЕРЕЗ МИСТЕРИЮ ГОЛГОФЫ.»

Уход людей от Божественного и возвращение их снова к Божественному – вот то самое существенное, что воспринимали ученики в эзотерической христианстве.

В первые времена развития христианства ученики были проникнуты этим потрясающим учением. И иной человек, о котором мы узнаём из истории лишь на основе внешних данных, нёс в себе то знание, которое он мог приобрести либо потому, что в первые времена после воскресения Христа этот ученик был сам приобщён к Его учению, либо он знал людей, которым было передано это учение от первых учеников. В дальнейшем все эти люди утратили свою живую подлинность, они настолько стали внешними, что первые провозвестники христианства придавали большее значение тому факту, если могли утверждать, что их учителем был ещё ученик ученика какого-либо апостола. Это было ещё непрерывным преданием, так что человек, поучавший христианской мудрости, ещё видел кого-нибудь, кто своими глазами видел апостола и, таким образом, был связан с человеком, которому было преподано учение САМИМ ВОСКРЕСШИМ ХРИСТОМ. Первые столетия христианство придавало ещё большое значение такому живому преданию, но до человечества более поздних времен это предание дошло уже в очень материализованном виде. Оно превратилось в некое внешнее историческое изложение. Существо же христианства восходило ко всему тому, что я вам выше описал.

Внедрение же интеллекта, которое начинается уже особенно сильно в IV столетии после Мистерии Голгофы и затем достигает значительного подъёма в XV-м веке, ко времени начала пятой послеатлантической культуры, – это всё усиливающее развитие интеллекта и привело к тому, что древняя Мудрость, которая могла ещё о чем-то напомнить, была утрачена, а новая Мудрость ещё не успела развиться. Люди на протяжении целой эпохи забыли о том, что такое эзотерическое христианство. Как я уже говорил, какие-то записи хранились в тайных школах, но члены их в наше время уже не понимают, к чему относятся эти записи. В действительности же эти записи относятся к тому учению, которое передал ВОСКРЕСШИЙ ХРИСТОС своим посвящённым ученикам.

Представим себе, что древнее еврейское учение не испытало бы никакого возрождения благодаря христианству, и всё должно было бы произойти в соответствии с глубочайшими

убеждениями апостола Павла до его видения на пути в Дамаск.

Апостол Павел мыслил так: у нас есть древнее учение. Вначале оно представляло собой божественно-духовное откровение, которое снисходило на людей в изначальные времена (как я рассказал вам сегодня). Затем эти откровения запечатлелись и сохранились в Писании. Среди иудеев было много учёных, которым из Писания было известно всё, что сохранилось от древней Божественной Мудрости. Эти-то учёные и книжники и вынесли приговор, предавший ХРИСТА Иисуса крестной смерти. И такой человек, как апостол Павел, когда он был ещё Савлом, взирал к Небесам, к Изначальной Божественной Премудрости. Из этой Премудрости книжники его времени и черпали те познания, в которые эта Божественная Премудрость была облечена для людей. Раз выдающиеся люди того времени были безусловно преданы книжной премудрости, то и Божественная Мудрость могла изрекать лишь справедливые приговоры.

Чтобы к крестной смерти был приговорён невинный, – было непредставимо, было невозможно. Но так именно и произошло при вынесении приговора ХРИСТУ Иисусу. И только римский наместник Понтий Пилат, который уже инстинктивно принадлежал к совершенно иному мировоззрению, мог произнести знаменательнейшие слова: «Что есть Истина?» Для Павла, бывшего ещё Савлом, было невозможно даже подумать, что Истина не соответствует справедливо вынесенному приговору.

К какому же убеждению должен был пробиться Павел? К тому убеждению, что среди людей может быть ошибочным нечто, что когда-то они получали от Богов как Истину, что люди извратили эту Истину, извратили так страшно, что Невиннейшее Существо должно было пройти через крестную смерть.

Для большей ясности начертим небольшую схему. Изначальная Мудрость нисходит в мудрость книжников, бывших современниками Мистерии Голгофы внутри иудейства (белые промежутки). Их учение было единственно истинным, – так должен был думать Савл. А надо было думать уже по-иному. Когда Павел был Савлом, он должен был сказать: «Если Это действительно ХРИСТОС, Мессия, – человек испытавший крестную смерть, тогда это учение (красная штриховка) должно быть неправым. Тогда и Истина оказалась бы искажённой, потому что только безумие могло привести

ХРИСТА НА ГОЛГОФУ, на крест; это значит, что Божественная Мудрость стала в человеке безумием.» Само собой разумеется, что Савл смог в этом убедиться только на основании фактов. Только САМ ХРИСТОС МОГ его убедить, ЯВИВШИСЬ ему, как это и случилось на пути Савла в Дамаск.

А что же это значило для Савла? Это значило для него, что древняя Божественная Мудрость подверглась искажению, что в неё проник Ариман. Так апостол Павел убедился, что в процесс человеческого развития вторгся враг и что этот враг и есть источник всяческого безумия, всяческих заблуждений на Земле.

Ариман, насаждая интеллект, одновременно порождает возможность заблуждения, а когда заблуждение достигает величайших размеров, оно приводит невинного к смертной казни. Но надо было прийти сначала к убеждению в возможности такого факта – как распятие невинного. Только благодаря этому и можно было постигнуть, насколько глубоко и широко проторил себе дорогу Ариман в человеческом развитии, и какое событие произошло в развитии человеческого Я вместе с Мистерией Голгофы.

Эзотерическое никогда не может быть только мистическим фактом. Это величайшее недоразумение: осмысливать чистую мистику как эзотерику. Эзотерическое есть всегда признание фактов, которые разыгрываются в духовном мире, которые происходят за завесой чувственных явлений.

Так, за завесой чувственного происходит ИСКУПЛЕНИЕ МИРОМ БОЖЕСТВЕННЫМ мира ариманического в факте КРЕСТНОЙ СМЕРТИ ХРИСТА ИИСУСА.

Тогда апостол Павел понял, что только в мире, где человеческая сущность поддалась ариманической власти, могло произойти такое заблуждение, которое повлекло за собою крестную смерть. И только поняв это, признал он и истинность эзотерического христианства. Апостол Павел был во всяком случае одним из людей, которые были в некотором смысле посвящёнными. Но только это посвящение постепенно заглушалось под влиянием интеллектуализма.

А сегодня мы снова должны вернуться к познанию эзотерического христианства. Сегодня нам снова необходимо узнать, что к христианству относится не только то эзотерическое христианство, на которое всего лишь намекают Евангелия. Об эзотерике в наше время мало кто говорит. Но человечество должно вернуться к тому, что может оно провидеть с помощью антропософской духовной науки, к тому, о чём учил своих учеников САМ ВОСКРЕСШИЙ ХРИСТОС,

благодаря тому, что ОН ПЕРЕЖИЛ на Земле то, чего нельзя пережить в Мире Божественном, ибо в Божественном Мире не знали о смерти до Мистерии Голгофы. Ни одно Божественное Существо не претерпевало смерти. ХРИСТОС ЕСТЬ ПЕРВЫЙ ИЗ РОЖДЁННЫХ В МИРЕ ИЕРАРХИЙ, ПРОШЕДШИЙ ЧЕРЕЗ СМЕРТЬ, ПЕРВЫЙ ИЗ БОЖЕСТВЕННЫХ СУЩНОСТЕЙ, связанных с сотворением Сатурна, Солнца и Луны.

ПРИНЯТИЕ СМЕРТИ В ЖИЗНЬ – вот в чём тайна Голгофы. До Голгофы люди знали жизнь без смерти, теперь они научились познавать смерть как неотделимую часть жизни, как переживание, укрепляющее жизнь.

Человечество должно быть более укреплённым, более сильным, раз оно должно пройти через смерть и всё-таки остаться в живых. Когда человечество не знало смерти, жизнь его была менее интенсивной. И в этом смысле смерть означает одновременно и интеллект. Люди нуждались в сравнительно менее интенсивном ощущении жизни, пока на них не свалились все муки, связанные с интеллектом.

Древнейшие люди, получавшие через внутреннее откровение познание о Божественных Мирах, внутренне не умирали. Они всегда оставались живыми. Они могли смеяться над смертью, потому что внутренне они всё же оставались живыми. Ещё греки рассказывали с том, как счастливы были древние люди, потому что до того, как они уже приближались к смерти, их охватывало внутреннее забытие, и они не замечали, что идут навстречу смерти. Но это уже были последние носители того мировоззрения, которому была неведома смерть. Новый человек живет с интеллектом, интеллект делает нас внутренне холодными, мёртвыми. Интеллект нас расслабляет. Когда мы развиваем в себе интеллект мы, собственно, и не живём. Надо проникнуться этим убеждением, что человек в собственном смысле не живёт, когда он мыслит, что он изливает свою жизнь в мёртвые рассудочные построения и что ему нужны сильные жизненные силы, чтобы всю эту мёртвую рассудочную деятельность воспринимать всё-таки как творческую жизнь, если обратиться к той области, которая силой чистого мышления порождает моральные импульсы, в которой человек учится понимать свободу из импульсов чистого мышления.

Я пытался показать всё это в моей «Философии свободы». Эта «Философия свободы» представляет, собственно, систему моральных воззрений, которые должны были бы послужить введением к преобразованию мёртвых мыслей в моральные импульсы. В этом смысле такая философия свободы во всяком

случае проникнута внутренним христианством.

Своей сегодняшней лекцией я хотел бы поставить перед вашими душами некоторое представление об эзотерическом христианстве. В наше время, когда возникает столько споров именно о существовании христианства, необходимо указать на это эзотерическое христианство с эзотерико-исторической точки зрения. Это именно и входило сегодня в мои намерения. Я надеюсь, что все эти вещи будут восприняты с должной серьёзностью, а не поверхностно.

Когда говоришь о таких вещах, всегда возникает чувство, как трудно воплотить такие вещи в ставшие абстрактными слова современного нашего языка. Поэтому я вчера попытался представить в образах внутренние процессы человеческой души, чтобы сегодня, исходя из отдельного человека, прийти к тому, что представляет собой история человечества в эзотерическом смысле, важнейшим фактом которой является Мистерия Голгофы.

Когда я вернусь из поездки, мы, надеюсь, сможем обсудить отношение человеческой души и мирового развития ещё в другой плоскости.

Восьмая лекция

Поучения воскресшего Христа о Мистерии Голгофы

Гаага, 13 апреля 1922 г.

Сегодня я опять хотел бы поговорить о Мистерии Голгофы – на тему, которую я не раз обсуждал в более узком антропософском кругу. Но всё, что можно высказать на эту тему, настолько широко относится к такой важной и обширной области, что приходится каждый раз освещать всё новые и новые стороны этой величайшей тайны земного развития человечества, чтобы с многих сторон хотя бы только приблизиться к Мистерии Голгофы.

Оценить всё значение Мистерии Голгофы можно, только проследив всю предшествующую ей историю развития человечества и всю историю, следовавшую за ней, **или** тот отрезок времени вплоть до конца земных дней, который ещё последует, то есть нужно схватить оба эти потока человеческого земного бытия.

Прежде всего мы должны понять, что если говорится о начале земного бытия, т.е. о том начале, когда уже можно было говорить о некоторого рода мышлении – ясновидческом, сновидчески-имагинативном, но всё же о мышлении, стало быть, если говорить о таких древних временах человеческого земного бытия, то нужно твёрдо помнить: у людей тогда были способности, которые позволяли им общаться с Существами высшего Мирового Порядка. Вам известно из моего «Тайноведения» и из других работ, что собою представляют эти Существа высших Иерархий. В наши дни для обычного человеческого сознания Существа высших Иерархий почти недоступны. Никакое общение с Ними невозможно. Но в древние времена человеческого развития было по-другому. Было бы, конечно, неправильным представлять себе, что встреча в древние времена с каким-нибудь таким Существом, принадлежащим к высшим Иерархиям, была бы хоть сколько-нибудь подобна встрече двух воплощённых в физические тела людей в наши дни. Тогда общение было совсем иное. Сообщения этих Существ на человеческом языке могли восприниматься только духовными органами. Сведения же, которые эти Существа сообщали людям, представляли величайшие тайны бытия. Эти тайны бытия пронизывали человека и вызвали в его сознании понимание, что над человеком, где-то наверху, примерно там, где мы ныне

воспринимаем облака и звёзды, земное бытие связано с Божественными Мирами.

Существа этих Божественных Миров в духовном своём облике спускались к земным людям и открывались им, и люди получали от Них при Их посредстве познания, которые можно было бы назвать Изначальной Мудростью. Содержанием этой Изначальной Мудрости, сообщавшейся людям, было многое, чего сами люди постигнуть в земном бытии не могли. В начале земного становления люди мало что могли придумать. И то, что в них зарождалось как воззрение, как познание, они получали от своих Божественных Учителей. Эти Божественные Учителя сообщали людям очень многое, но одного они людям не говорили, да и сами люди в этом мало нуждались. Они не имели нужды в познании явлений, представляющих для современного человека самые важные загадки. Божественные Учителя преподавали людям различнейшие познания и истины, но они ни слова никогда не говорили о том, что лежит в основе двух фактов, стоящих пограничными вехами в земном бытии человека. Они никогда не говорили о рождении и смерти. Сегодня, за недостатком времени, я, конечно, не ставлю себе задачи охватить всё, что сообщалось Божественными Учителями человеческому роду, да и многое из этого вы уже знаете. Но я хотел бы очень резко подчеркнуть, что в содержание этих учений не входило ничего о рождении и смерти и именно на том основании, что люди древнейших времён и много времени ещё и спустя не нуждались в познании рождения и смерти.

Но сознание земного человека в процессе развития изменилось. И хотя никогда нельзя приравнивать сознание современных животных, даже и высших их видов, к примитивному сознанию человека древних времён, мы всё же могли бы найти некоторые отправные точки в современной жизни животных, хотя современное сознание животных находится ниже уровня человеческого примитивного сознания древнейших времен, не говоря уже о том, что сознание первых примитивных людей находилось в некотором отношении выше уровня современного животного, хотя в те времена образ человека и приближался к животному. Если сегодня вы без предвзятости подойдёте к животному, вы сможете себе сказать: это животное совсем не интересуется ни рождением, ни смертью, ибо оно в среднем состоянии своего развития. Не говоря о рождении, хотя и в этом отношении поведение животного очевидно вполне, нам стоит только заметить, с какой беспечностью, с каким полным отсутствием

любопытности или интереса идёт животное навстречу своей смерти. Животное встречает смерть, то есть воспринимает это превращение своего бытия, а именно переход от индивидуального бытия к бытию групповому, к бытию групповой души, совершенно просто, не переживая это как глубокое событие, решающее событие, как это происходит с человеком.

Как уже было сказано, в известном отношении первый человек на Земле, несмотря на свою звероподобную внешность, стоял всё же выше животного, он обладал инстинктивным ясновидением и благодаря этому он мог общаться со своими Божественными Учителями. Но так же, как и нынешних животных, его совершенно не интересовало явление смерти. Можно сказать, что он не обращал особого внимания на смерть, он не уделял ей особого внимания. Почему же? – Потому что в своём инстинктивном ясновидении он совершенно ясно чувствовал, что у него оставалось, с чем он приходил в физический мир, рождаясь, спускаясь из духовного мира. Ему это было известно из собственного существа, он знал, что воплотилось в его физическом теле, и так как это ему было известно, так как он в точности знал, что в нём живет ВЕЧНАЯ СУЩНОСТЬ, то он и не интересовался тем превращением, которое совершалось со смертью. Для него смерть была всё равно что сбрасывание кожи для змеи, когда она линяет и заменяет сброшенную кожу новой. Смерть была явлением само собою разумеющимся и совсем не была тем потрясающим событием, каким стали впоследствии и смерть и рождение, разрывающими, перерезающими нить человеческого бытия. В людях тогда ещё жило сильное чувство собственного душевного существа.

В наши дни это чувство душевного людьми утрачено. Сегодня человек почти не замечает переход от сна к сновидению. Сон с его образными сновидениями в наши дни относят ко сну, он наполовину сон, тогда как содержание сновидческих образов первые люди воспринимали как бодрственное состояние, хотя и не вполне сформировавшееся. И человек знал: всё, что он воспринимал в этих сновидческих образах, было реальностью. Так он чувствовал своё духовное содержание. И он не мог с той силой интереса ставить вопросы о рождении и смерти, которая в наши дни подобает этим событиям.

Итак, в древние времена описанное состояние было особенно сильно, но постепенно оно всё более и более ослабевало. Я бы сказал, что люди постепенно всё больше

замечали, какой резкий переход, перелом происходит в их жизни также и душевной из-за смерти. А задумавшись над смертью, они обращали взоры и к явлению рождения, к появлению на свет. И земная жизнь, в зависимости от этих явлений, приобретала характер всё большей значительности для человека, ибо наряду с преобладанием в сознании явлений рождения и смерти всё больше бледнела внутренняя душевная жизнь, потому что эта душевная жизнь за то время, что человек пребывал на Земле, ощущалась вырванной, извлечённой из душевно-духовного бытия. Это восприятие всё более и более усиливалось по мере приближения Мистерии Голгофы.

У греков это чувство оторванности от духовно-душевного было уже настолько сильным, что жизнь вне тела они вообще воспринимали как нечто призрачное и трагически относились к смерти, – тогда как в учениях, полученных древними людьми от их Божественных Учителей, ничто не говорилось ни о смерти, ни о рождении.

И до Мистерии Голгофы людям угрожала опасность встать в земном бытии перед переживанием, быть свидетелями явлений и переживаний, связанных со смертью и рождением, которых они не понимали и которые были им полностью неизвестны.

Представим себе, как обстояло дело. Ко времени Мистерии Голгофы на Землю могли сойти те древние Божественные Учителя человечества и эти Учителя могли бы некоторым, особо подготовленным ученикам или наставникам мистерий преподать во всем объёме древнюю Божественную Мудрость, но в этом учении не содержалось бы ничего о рождении и смерти. Загадка смерти не была бы даже поставлена перед человеком в этих откровениях Божественной Мудрости, даже в школах мистерий, и вот во внешней земной жизни человеку приходилось бы наблюдать явления – рождение и смерть, – представлявшие для него величайшее значение и интерес, о которых Боги ему ничего не сказали бы. Почему? К этому вопросу мы должны подойти, отбросив некоторые предубеждения, освободившись от иных предубеждений, ставших в наши дни традиционной религией, при этом мы должны со всей ясностью представить себе следующее: те Существа высших Иерархий, которые были Учителями первых людей, никогда не переживали в своих мирах ни рождения, ни смерти. Ибо рождение и смерть, в том виде, как они предстают нам на Земле, могут быть пережиты именно только на Земле и именно только человеком.

Смерть животного, смерть растения – совсем не то, что смерть человека. И в тех Божественных Мирах, в которых пребывали первые Учителя человечества, нет ни рождения, ни смерти, – там есть метаморфозы, превращения из одного бытия в другое.

Так что внутреннего понимания, – именно этими словами мы должны воспользоваться, – умирания, смерти и рождения, появления на свет у этих Божественных Учителей не имелось. А к этим Божественным Учителям принадлежат все сонмы Духовных Существ, бывших связанными с Существом Яхве, с Существом Бодхисаттв, со всеми древними основателями человеческих мировоззрений.

Представьте себе только, как именно в Ветхом Завете человек всё ближе и ближе, – это вытекает со всей очевидностью из Писания, – во всей её трагичности подступает к тайне смерти, и как всё, что ещё содержится в Ветхом Завете от древних учений, не даёт человеку никакого удовлетворительного, никакого внутреннего раскрытия этой тайны.

Так что если бы ко времени Мистерии Голгофы ничего бы не произошло из всех тех событий, которые совершались в области Земли и во всех связанных с Землёй духовных мирах, – человек в своём земном бытии оказался бы в страшном положении: он не пережил бы на Земле переходов от одного бытия к другому, знаменующих рождение и смерть, которые теперь представлялись ему совершенно иначе, чем только метаморфозы, которые резко рассекали всю человеческую жизнь, и он ничего не мог бы узнать о значении этих непонятных явлений – смерти и рождения.

Для того чтобы к человечеству могли проникнуть учения о смерти и рождении, в земное бытие должно было постепенно входить Существо, Которое мы именуем Христом и Которое принадлежит к тем Мирам, из которых выходили древние Великие Учителя, но который по решению этих Божественных Миров избрал Себе иную судьбу, отличную от судеб других, связавших себя с Землёй, Божественных Иерархий. Он в известном смысле последовал Совету Высших Миров и согласился воплотиться в земное тело и Собственной Божественной Душой испытать земное рождение и смерть.

Вы видите, всё, связанное с Мистерией Голгофы, касается не только внутренней человеческой или внутренней земной судьбы, это касается одновременно и судеб Богов. Только благодаря всему происшедшему на Голгофе Боги впервые поняли, познали земную тайну рождения и смерти, которая

раньше была им неведома. Так что значительность Мистерии Голгофы особенно в том, что Божественное Существо приняло решение пережить человеческую судьбу, чтобы вместе с человеком пройти через его земные переживания, его земную жизнь.

О Мистерии Голгофы человеку стало кое-что известно. Есть традиция, есть весь Новый Завет – Евангелия, и современное человечество приближается к Мистерии Голгофы благодаря тому, что оно располагает Новым Заветом и, возможно, в наши дни – комментарием к нему. Однако современные комментарии, современные пояснения Нового Завета не в состоянии дать нечто, что поможет истинному прозрению значения Мистерии Голгофы. Нужно, конечно, чтобы современный человек прошёл через это внешнее восприятие, но оно всё же останется только внешним. В наши дни уже совсем не представляют себе, как совершенно по-иному в первые века христианства человек оглядывался на Мистирию Голгофы, как люди, посвящённые в Мистирию Голгофы, совсем по-другому её воспринимали, чем в последующие времена, потому что во времена Мистерии Голгофы, – притом, что всё совершалось так, как я вам излагаю, – у отдельных людей ещё имелись остатки древнего ясновидения, ясновидения инстинктивного, только остатки, но эти остатки имелись, и благодаря им вплоть до IV века после Рождества Христова люди совсем иначе воспринимали Мистирию Голгофы, чем впоследствии.

Недаром люди, выступавшие в те времена в качестве учителей христианства, – хотя и с оговорками, это можно констатировать на основании исторических преданий первых так называемых «Отцов церкви» и христианских наставников, – большую ценность, чем каким бы то ни было Писаниям, придавали тому, что весть о пребывании на земле Христа Иисуса они восприняли от учителей, которые сами были учениками апостольских учеников ещё в первые годы после Мистерии Голгофы, либо же были учениками учеников апостольских учеников и т.д. Так передавалось устное предание вплоть до IV века после Рождества ХРИСТОВА.

Как я уже говорил, только при очень внимательном изучении можно установить, какое значение человек придавал тому, что, скажем, у него был учителем некто, кто был учеником ученика такого-то и т.д., а в конце такой цепочки назывался тот или иной апостол, который ещё собственными глазами видел Господа.

Из этих преданий уже очень многое утрачено. Больше же

всего утрачено из настоящих эзотерических истин и учений, которые в те времена были ещё живы благодаря остаткам древнего ясновидения, сохранявшегося в первые четыре века после Рождества Христова. Для внешней традиции потеряно почти всё, что тогда знали относительно воскресшего Христа, относительно Христа, прошедшего через Мистерию Голгофы и в духовном теле, подобно древним Учителям первых людей, поучавшего после своего воскресения некоторых своих избранных учеников. Самое большее, что осталось, это евангельские, и то зашифрованные, намеки на встречи Христа Иисуса с учениками и на Его поучения им. И, наконец, у нас есть свидетельство апостола Павла о полученном им от Христа знамении, вследствие которого Савл и обратился в Павла.

В те древние времена ясно осознавали, что Иисус Христос должен был сообщить людям совершенно особые тайны. От людей зависело, что они впоследствии не сумели сразу воспользоваться сообщениями. Люди должны были ещё выработать в себе те душевные силы, которые им потребовались для человеческой свободы и человеческого интеллекта. Особенно ярко это выступает с XV-го столетия, но подготавливалось это, уже с IV-го века после Рождества Христова.

И вот перед вами встает вопрос: что же было содержанием учения, которое мог преподать воскресший Христос? Являлся Он им точно таким же способом, каким Божественные Учителя являлись первым людям. Но теперь Он мог им рассказать на языке Богов всё, что Он пережил и чего не пережили другие Боги. Он мог им рассказать, исходя из своей божественной точки зрения, о тайне рождения и смерти, Он мог сообщить, что в будущем действительно для земного человека наступит такое дневное бодрствующее сознание, которое не в состоянии будет непосредственно воспринимать в жизни человека его вечную душевную сущность так, что даже и во сне это бессмертное душевное существо не будет доступно душевному восприятию, но Он мог предупредить их о возможности воспринять разумом Мистерию Голгофы. Он мог бы объяснить им то, что я хотел бы облечь в следующие слова. Эти слова невыразительны и слабы, ибо наш язык уже не в состоянии это выразить, но я всё же попытаюсь воспользоваться этими невыразительными и слабыми словами.

Человеческое тело стало настолько плотным, силы смерти в нём стали настолько сильны, что человек, правда, ещё в состоянии развивать свой интеллект и свободу, но сделать он это может в жизни, завершающейся чёткой гранью смерти, в

жизни, чётко прерываемой смертью, во время которой в человеке гаснет в бодрственном состоянии видение вечно-духовного. Однако ваши души в состоянии, – так говорил своим посвящённым ученикам Христос, – воспринять некую Истину: эта Истина, эта Мудрость, благодаря Мистерии Голгофы, преобразила Мою Собственную Сущность, и вы сами можете исполниться этой Мудростью, если вы только будете *в состоянии подняться* к убеждению, что Христос снизошел из внеземных сфер к земным людям, если только вы достигнете понимания, что на Земле существует нечто, что не может быть воспринято земными чувствами, если вы воспримете Мистерию Голгофы как *Божественное Событие, разыгравшееся в земной жизни*, если вы сможете принять, что Мистерию Голгофы пережил Бог, – вы сможете постичь земной мудростью всё, что происходит на Земле. И эта Мудрость никак не послужит вам для понимания по-человечески смерти, она пригодится вам только в том же смысле, что и древним людям, не очень-то интересовавшимся загадкой смерти. Но так как вы должны заинтересоваться, то вы и должны пронизать своё воззрение Силой, превосходящей все земные способности познания, Силой настолько могущественной, что она может свестись к следующим словам: ***Мистерия Голгофы явилась Событием, опрокинувшем все прочие земные законы природы.*** Если вы в состоянии строить свои убеждения лишь на фактах земных природных законов, вы действительно столкнетесь со смертью, но вы никогда не сможете постичь смерть в её значении для человеческой жизни. Если же вы подниметесь в пониманию того, что ***Земля обрела смысл только благодаря тому, что в середине земного развития на Земле совершилось Божественное Событие – Мистерия Голгофы, которое не может быть постигнуто средствами обычного земного разума,*** – тогда вы готовите в себе некую особую Силу Разумения, – а эта Сила Разумения есть та же, что и Сила Веры – Пистис-София, – вы готовите себе Силы Веры-Мудрости. Ибо нужна большая душевная сила, чтобы сказать: я верю и знаю через Веру о том, чего я никогда не мог бы достигнуть, во что и не смог бы никогда уверовать благодаря лишь земным средствам познания. Эта Сила могущественнее той, которая позволила бы мне приписать себе познание того, что может быть исследовано земными средствами. Человек слаб, – и закрепить в своей мудрости он смог бы только то, что может быть доступно только земному познанию, овладей он хотя бы и всеми земными науками. Человек же,

утверждающий, что в земном живёт сверхземное, должен выработать в себе куда большую внутреннюю активность. **Такому** развитию внутренней активности, **такому** подъёму познания и помогает понимание Мистерии Голгофы.

И это учение о том, что **Бог пережил человеческую судьбу и через это связал Себя с судьбой человечества**, тогда как раньше Боги в своих собственных сферах никогда не связывали себя с человеческими судьбами.

Всё снова и снова в новых аспектах возвещалось это первым ученикам воскресшим Христом. Это учение несло великую Силу. Представьте себе только эту Силу, представьте, как она могла воздействовать, исходя из современных условий. И человеку, могущему понять всё то, что его мышление может извлечь из земных условий, точно так же, как и из традиционных религиозных представлений, предъявляются меньшие требования, чем к тому, в котором предполагают способность подняться в своих воззрениях к пониманию того, той Мудрости о жизни и смерти, которой вплоть до Мистерии Голгофы не владели известные Божественные Иерархии и только после свершения Голгофы усвоили эту Мудрость во спасение человечества.

Нужна известная Сила, чтобы, так сказать, постигать Дела Божественной Премудрости. Для того же, чтобы проповедовать на основании какого-нибудь катехизиса: БОГ ВЕЗДЕСУЩ, ВСЕМОГУЩ, ВСЕОБЪЕМЛЮЩ, – никакой особой силы не требуется. Стоит ко всякому прилагательному прибавлять словечко «все», и вы получите определение Божественного, хотя и в высшей степени туманное. Ныне люди не решаются, с позволения сказать, постигать Дела Божественной Мудрости, а вместе с тем люди должны постичь *эту* Божественную Мудрость. Мудрость же эта самими Богами приобретена лишь благодаря тому, что **один из сопричастных им Богов прошёл через человеческое рождение и человеческую смерть**. И в том, что эта тайна была поведана первым ученикам, и заключается величайшее значение.

Следующее, такое же важное и примыкающее к первому, сообщение, которое получали ученики, заключалось в том факте, что в человеке некогда жила сила для уразумения собственной бессмертной души. Эти воззрения, эти постижения **вечной** человеческой души никогда не могут быть постигнуты посредством головного познания, то есть посредством того интеллектуального рассудочного познания, которое в качестве своего орудия пользуется мозгом; это прозрение нельзя в действительности получить, если человеку,

как древним людям, не придёт на помощь природа путём такого познания, которое достигается благодаря особой тренировке человеческой ритмической системы.

Йог мог добиться многого, когда в его распоряжении ещё имелось древнее инстинктивное ясновидение, когда последние инстинктивные ясновидящие ещё практиковали йогу. Современный восточный человек, индус, о котором себе составляют столь фантастические представления современные люди Запада, делая свои упражнения, далеко не достигает того, что является действительным созерцанием вечной сущности человека, человеческой души. Он живёт по большей части иллюзиями благодаря тому, что нахватался каких-нибудь самых элементарных представлений о земной жизни, в основном осмыслив свои якобы сверхчувственные переживания с помощью священных книг.

Истинное познание, основательное познание, фундаментальное познание божественности человеческой души может быть достигнуто лишь двумя путями: либо так, как его достигали первые люди, или же современным, более духовным способом – через интуитивное познание, через то познание, которое строится на имагинативном, инспиративном исследовании и, таким образом, поднимается к интуитивному познанию.

Почему же?

В человеческую нервную систему, в систему органов восприятия в течение земной жизни человека как бы влилась мыслительная часть души, – она содержится в этих системах, в этом организме не сама по себе, она построила это пластическое образование и уже не находится в нём сама по себе. То же самое и в ритмической системе: /в ней/ душа содержится лишь наполовину. Тут можно в лучшем случае найти исходные точки, на основании которых можно делать дальнейшие заключения. И лишь в системе обмена веществ, – в этом самом материальном существе земного человека, – таится, собственно, бессмертная часть человеческой души. То, что здесь на Земле считается самым материальным, что живёт в системе обмена веществ, есть вовеки действительно самое материальное в человеке, но именно поэтому духовное с ним не слито. В другом материальном человеческом организме – в мозгу, в ритмической системе, – духовное поглощено, абсорбировано, его в отдельности нет.

В грубоматериальном духовное содержится само по себе. Только человеку нужно научиться видеть, воспринимать, смотреть сквозь это грубоматериальное. Этой способностью

обладали древние люди, но в наши дни к ней не следует стремиться, хотя в болезненных случаях она и наблюдается. Очень мало кто знает, например, что загадка заратустрианского стиля Ницше заключается в том, что он принимал некоторые вещества, некоторые яды, и эти яды вызывали в нём некоторые ритмы, некий своеобразный стиль Заратустры. В самом Ницше мыслила совершенно определённая материальность. И это было болезненным отклонением, хотя в некотором отношении это и создавало незаурядные произведения искусства.

Чтобы понимать такие вещи, не следует создавать никаких иллюзий, точно так же, как и в отношении противоположных случаев не нужно делать никаких иллюзий об интуиции. Нужно со всей ясностью понять значение того, что Ницше принимал известные яды, – в чём ему, конечно, не следует подражать, – и эти яды приводили к эфиризации человеческого организма, к некоторого рода эфирному состоянию. И благодаря этому вызывали тот стиль, который мы воспринимаем в ницшеанском «Заратустре».

Благодаря интуиции человек приобретает способность воспринимать духовно-душевное как таковое, отделённым от материального. Там, где действует интуиция, как она описана в «Как достигнуть познания высших миров» или в «Тайноведении», материальное уже не действует. Мы имеем здесь два противоположных полюса.

Однако в тех мистериях, в которых проповедовал Христос воскресший, люди ещё знали: когда-то человек обладал высшим знанием материи, высшим знанием обмена веществ. И они стремились не возродить древнее познание, которым обладали древние люди, и не прибегать к болезненным извращениям, подобно курильщикам гашиша, пытающимся через воздействие материальных веществ добиться высших познаний, нет, люди стремились сохранить древнее познание совсем иным путём: они облекали эти познания в форму культа, в определённые мантрические формулы, они заключали эти знания, прежде всего, в структуру обрядов откровения, жертвоприношения, преобразования и причастия, они облекали в эти обрядовые формы Мистерию Голгофы, и во время свершения этих обрядов людям в виде вина и хлеба предлагалась евхаристия.

Не яд, а евхаристию принимали люди, и в это таинство было облечено всё, что содержалось в мантрических формулах литургии, что исходило из четырёхчленной литургии Евангелия /Провозвестия/, Жертвы, Преобразования и

Пресуществления. Ибо после Пресуществления, после завершения четвёртой части литургии, должно было совершаться собственно причастие верующих; при этом стремились сохранить хотя бы **исходную точку: убеждение в том, что когда-нибудь будет достигнуто то познание, которое приводило бы человека к тому же сознанию, что и инстинктивное познание обмена веществ.** Что и говорить, об этом познании веществ людям трудно составить себе какое бы то ни было представление, ибо они даже и не подозревают, насколько, например, какая-нибудь птица, – конечно, не в интеллектуальной, не в абстрактной рассудочной форме, – знает больше, чем человек; насколько больше, чем человек, знает, например, даже верблюд – животное, живущее целиком в обмене веществ. Мы имеем об этом лишь самое туманное, «сновидческое» представление. Ныне мы наблюдаем дегенерацию всего того, что имелось в древнем человеке в его обмене веществ!

Но литургическое таинство задумано именно как напоминание о первых учениях христианства о том, что **человеку надлежит снова достигнуть познания о вечной сущности своей души.** К тому же надо сказать, что когда Христос, переживший крестную смерть, поучал своих учеников, посвящённых учеников, – они не могли самостоятельно прийти к такому знанию, Он наставлял их, – и в течение III-IV столетий после Рождества Христова это знание было ещё в некотором роде живо в людях. Потом оно заостенело в римско-католической церкви, которая, правда, хотя и сохранила литургию, но уже утратила её смысл.

Литургия, задуманная как продолжение Тайной Вечери, как она нам дана в Библии, не имеет, конечно, никакого смысла, он не вкладывается в неё никакой интерпретацией. Создание литургии с её поразительным культом, с её подражанием четырём мистериальным капитулам, исходит именно из того факта, что воскресший Христос был также учителем тех, которые были в состоянии воспринять Его учение в высшем эзотерическом смысле.

Для последующих столетий сохранились лишь детские уроки Закона Божьего о Мистерии Голгофы. Сначала была выработана способность, благодаря которой Мистерия Голгофы была укрыта и облачена в таинство. Людям предстояло сначала полностью укрепиться во всём том, что связано со смертью. В этом состояла задача средневековой культуры. Традиции сохранились. В некоторых современных тайных обществах ещё собираются люди, и в их книгах содержатся формулы, и те, кто

их понимает, кто догадывается, о чём идёт речь, восстанавливает в памяти учение воскресшего Христа, преподанное Его посвящённым ученикам. Однако люди, собирающиеся в наши дни во всяких обществах свободных каменщиков и т.п., не понимают содержания этих формул, они даже и не подозревают, какой в них заключён смысл.

А из этих формул можно было бы вычитать многое. Ибо, хотя и в мёртвых буквах, всё же сохранилось много живого знания, только никто этого не подозревает.

Однако после того, как человечество в течение некоторого периода своего развития прошло самую тёмную часть /стадию/ его, – в некотором роде противоположную времени Мистерии Голгофы, – ныне настало время, когда человек стремится к более глубокому познанию Мистерии Голгофы. А это познание может быть получено лишь через Антропософию. Это может осуществиться только благодаря появлению познания, идущего чисто духовными путями, и тогда человек снова придёт к полноценному человеческому пониманию Мистерии Голгофы. Тогда человек снова научится понимать, что человечество получило важнейшее учение не от Христа, жившего в физическом теле в период до Мистерии Голгофы, а **от воскресшего Христа после Мистерии Голгофы**. Новое понимание получают также слова такого посвящённого, как апостол Павел: «Если Христос не воскрес, то тщетна вся вера ваша».

После всего, происшедшего с ним на пути в Дамаск, апостол Павел понял, что вся суть в том, чтобы постичь воскресшего Христа и суметь пронизать человека силою воскресшего Христа так, чтобы человек мог сказать: не я, но Христос во мне.

В противоположность этому, более чем симптоматично, что в XIX веке появилось богословие, не желающее ничего знать именно о воскресшем Христе. Тот факт, что официальный преподаватель богословия в Базеле, в Швейцарии, друг Ницше, Овербек выпустил книгу о христианстве современного богословия, в которой он пытается доказать, что современное богословие не христианское, – необычайно характерно для нашего времени. Этот специалист по христианству полагает, что в наше время, может быть, и есть что-либо христианское, но во всяком случае богословие, преподаваемое христианскими богословами, не христианское. Таково убеждение христианского богослова Овербека, и это своё убеждение он в своей книге чрезвычайно остроумно доказывает. Человечество в своём непонимании Мистерии Голгофы зашло так далеко, что

сегодня об этой Мистерии Голгофы меньше всего могут сказать те, кто официально поставлен церковью для проповеди этой мистерии.

Отсюда и вытекает жажда, человеческая жажда хоть что-нибудь узнать о том, что каждый человек может пережить в душе – пережить потребность в Христе.

Как это явствует из последних докладов, Антропософия в наши дни должна многое дать человечеству. Огромное значение имеет обновление религиозного богослужения. Я имею в виду, конечно, не «учреждением новой религии», совсем нет, никакого более высокого Благовестия, чем Благовестие о принятии Богом на Себя человеческой судьбы, рождения и смерти, быть не может. После христианства, – и это ясно всякому, кто знаком с основами христианства, – никакой новой религии основано быть не может. Мы неправильно бы поняли христианство, если бы допускали возможность основания новой религии. Однако, по мере того, как человечество всё дальше и дальше продвигается в сверхчувственном познании, будет всё глубже постигаться Мистерия Голгофы, а вместе с тем и Сущность Христа. И это понимание Антропософия хотела бы дополнить тем, что может сделать в настоящее время, пожалуй, только она. Ибо вряд ли где-нибудь в другом месте может быть сказано об отношении между первыми Божественными Учителями древних времён, которые поучали человечество всему, только не рождению и смерти, потому что Сами Они не прошли ни через рождение, ни через смерть, – и Тем Учителем, Который ещё Сам Своим посвященным ученикам представал в том же образе, что и первые Учителя человечества, но Чьи поучения и свидетельства, по сути, заключались в том, что **Бог пережил человеческую судьбу рождения и смерти**. Это свидетельство Бога людям должно вселить в них силу так подходить к смерти, которая их должна интересовать, чтобы они могли себе сказать: **Да, смерть есть, но души моей это не касается**. Ради того, чтобы люди могли сказать себе такие слова, – и свершилась Мистерия Голгофы.

Апостол Павел знал: не свершись Мистерия Голгофы, не воскрес бы и Христос, и душа человеческая была бы безотрывно связана с судьбой тела, то есть с распадением элементов тела на элементы Земли. Если бы Христос не воскрес, если бы Он не связал Себя с силами Земли, человеческая душа между рождением и смертью так сильно спаялась бы с телом, что со всеми молекулами тела, которые вместе с человеческим телом путём ли сгорания или тления

соединяются с Землёй, – соединилась бы и человеческая душа. И, в конце концов, дело свелось бы к тому, что в конце земного становления человеческие души совершили бы путь, совершаемый земной материей. Но так как Христос прошёл через Мистерию Голгофы, Он освободил человеческие души от этой судьбы. Земля пойдёт своим путём в Мироздании. Но как душа может выделиться из каждого отдельного человеческого тела, так и вся масса человеческих душ отрешится от Земли и обратится к новому мировому бытию. В этом глубоком, проникновенном отношении Христос и связан с земным бытием. Понять же это возможно, только приблизившись к этой Тайне указанным выше путём.

Может быть, у иных людей встаёт вопрос: как же обстоит дело с теми, кто не может верить в Христа? На это я хотел бы в успокоение под конец сказать: Христос умер ради **всех**, даже и ради тех, которые ныне не могут себя связать с Ним. Мистерия Голгофы – событие объективное, не зависящее от человеческого познания. Однако это человеческое познание укрепляет внутренние силы человеческой души. И нужно приложить все средства человеческого познания, человеческого чувства, человеческой воли к тому, чтобы в течение последующего развития Земли присутствие Христа в земном развитии стало субъективным фактом благодаря непосредственному знанию.

Девятая лекция

Познание и посвящение

Лондон, 14 апреля 1922 г.

Антропософия в том виде, как она представляется мною, зиждется для нашей современности на тех же основах, что и всякая наука инициации любой другой эпохи. Но человечество в процессе своего развития проделало многообразнейшие метаморфозы в отношении душевной структуры. Каждая эпоха в цикле культурного развития человечества, выдвигает какую-либо особую, главенствующую сторону души и в зависимости от неё строится так или иначе и наука посвящения, стремящаяся к постижению вечного в человеческом существе и вечного в мире. Для нашего времени нужна иная наука посвящения, чем, к примеру, для средних веков, для греческой античности или для ещё более отдалённых культурных эпох человечества. Такой наукой посвящения, долженствующей удовлетворить потребности и жажду современной человеческой души, и хочет быть Антропософия. Она должна в духе нашего времени исходить из того, что человек с помощью современных естественнонаучных познаний не может сам познать из собственной вечной души, **из** вечной сущности Вселенной. Она также должна исходить из того, что когда человек от внешней науки обращается к самому себе и пытается мистически погрузиться в собственную душу, то и на этом пути он не может прийти ни к каким удовлетворительным результатам. Ибо внешняя наука не поднимается до вечности, а погружение внутрь себя приводит, правда, человека к мистическому верованию, но не к познанию, в котором нуждается современный человек.

Всё, что я только что наметил в нескольких словах, можно подробно доказать. Но при этом я предполагаю, что сегодня здесь присутствуют лишь те уважаемые слушатели, которые на собственном жизненном опыте убедились в том, что внешнее естествознание не дало им никакого удовлетворительного познания об их собственной вечной сущности, ни о вечном бытии Вселенной, когда они хотели получить реальные факты, а не только поэтические иллюзии. Поэтому я предпочту подробно поговорить о том, в каком отношении стоит подразумеваемая здесь Антропософия к естествознанию, с одной стороны, и к мистике, в которой её часто ищут – с другой. Я хочу сказать, что из духа и душевного склада

цивилизованного человека эта Антропософия стремится к тому, что я назвал бы **точным ясновидением**. И потому именно, что Антропософия к этому стремится, она и встречает сегодня так много противников. И потому она с таким трудом находит понимание, несмотря на то, что, по сути дела, все душевные силы современности пронизаны потребностью в этой Антропософии. –

Почему же она не находит понимания? Не понимают её люди потому, что из суждений, из восприятий и т.п., живущих в нашем современном сознании, они ещё не пробилась к тем неосознанным требованиям, которые всё же живут в наши дни в каждой мыслящей душе человека. Эти неопределённые стремления, эта неосознанная жажда требуют, чтобы в наши дни была сделана попытка более глубокого проникновения, более высокого познания вечного при посредстве совершенно особых упражнений, путём совсем особых методов развития человеческой души и её познавательных способностей, но так, чтобы эти упражнения, это развитие соответствовало тому, что в наши дни привыкли считать методологией точного познания, точного исследования. Антропософия хотела бы выступить перед современниками, приняв за образец точное естествознание и естественнонаучную добросовестность. А вместе с тем она хотела бы стать познанием для любой самой простой, самой наивной человеческой души, чтобы ни для кого не осталось недоступным то вечное, то непреходящее, что живёт в каждом человеке.

После этого подготовительного вступления я хотел бы сразу же перейти непосредственно к описанию того пути познания, который избрала Антропософия, современная наука посвящения.

Эта наука основывается, прежде всего, на том, что человек должен уяснить себе соотношение трёх основных сил, составляющих душевную жизнь человека, – мысли, чувства и воли. В нашей повседневной жизни, сосредотачиваясь на наших душевных состояниях, мы обычно говорим о мышлении, чувствах и воле. Когда мы говорим о мышлении, о представлениях, нам ясно, что мы отражаем в самих себе именно то, что делает вас бодрствующим человеком. Эта жизнь представлений молчит во время сна, она молчит с момента засыпания и до пробуждения. Тогда человеческое сознание находится ещё в смутном состоянии. Мир представляется нам в некотором роде освещённым светом лишь постольку, поскольку этот ясный свет мы в состоянии воспринять в наше обычное сознание, когда это сознание пронизано

бодрственными представлениями.

Далее мы говорим о наших чувствах. Хотя внутренне они для нас, может быть, по-человечески и самое важное для нас, они, тем не менее, нам менее ясны, чем представления. Они всплывают из неведомых глубин нашей душевной жизни, до некоторой степени освещаясь нашими представлениями, нашими мыслями, но они не пронизаны той ясностью, что и сами представления.

А насколько же неясно – и об этом мы поговорим позднее – насколько темно всё, что связано с человеческой волей, волевыми импульсами, порывами! Я сказал бы, что они прорываются из неведомых глубин, пронизывают нас и побуждают к человеческим поступкам. И лишь в редчайших случаях мы в состоянии сказать точно, что, собственно, в нас творится, когда нас охватывает какой-нибудь волевой импульс.

Эти три основные силы человеческой душевной жизни можно различать уже по их различной ясности и по некоторым иным признакам. Однако внутри всей человеческой душевной жизни они образуют единство. Мы можем сказать: жизнь представлений есть один полюс душевной жизни, – но вместе с тем мы знаем, что, связывая одно представление с другим, мы прибегаем к воле. Воля наша играет роль в жизни наших представлений. Другой же полюс – притом, что чувство занимает промежуточное положение между обоими полюсами – это наша волевая сущность, наши волевые порывы. Мы не были бы людьми, если бы наши важнейшие жизненные поступки мы совершали неведомо для нас самих, если бы наша воля не возбуждалась бы представлениями. Так мы можем сказать: с другой стороны, и воля пронизана жизнью представлений.

Образование, развитие жизни представлений, с одной стороны, и жизни воли – с другой, служат полем деятельности того человека, который хочет в духе Антропософии придти к современной науке посвящения, к тому, что я назвал точным ясновидением. С одной стороны, мы должны делать мыслительные упражнения, с другой – упражнения волевые, если мы хотим, чтобы перед нами раскрылись врата сверхчувственного мира, в который мы хотим проникнуть, – если мы, со своей стороны, как люди, хотим познать нашу вечную сущность и вечное мира. Мыслительные упражнения осуществляются именно благодаря тому, что мы осознаём, как волевое начало внедряется в мышление. Волевые упражнения заключаются в осознании внедрения мысли в волю. В повседневной жизни мы не замечаем этого волевого начала.

Чтобы придти к современному посвящению, мы должны как раз подслушивать тихое, незаметное вмешательство воли в жизнь представлений. Мы должны постепенно добиваться этого благодаря упражнениям, описанным в моей книге «Как достигнуть познания высших миров». На это именно я и хочу здесь указать: мы должны научиться то, что обычно считается важнейшим, а именно мыслительное содержание, отстранять и научиться сознательно применять в мышлении волю. Это делается следующим образом. Но, как я уже сказал, здесь я могу коснуться лишь основного принципа, всё же дальнейшее мои уважаемые слушатели найдут в «Как достигнуть познания высших миров» и в «Тайноведении», а также и в других книгах.

Человек должен остановиться на каком-либо представлении, легко обозримом, полностью ясным, подобным, я бы сказал, математическому треугольнику. Это представление ставится в центр мыслительного комплекса. Совершенно неважно, каково содержание такого представления, важно, что таким образом мы всю свою душевную жизнь сосредотачиваем, концентрируем на этом одном комплексе представлений в мыслительной медитации. Мы должны освободиться от каких-бы то ни было воздействий всего остального мира так, чтобы для нашего сознания не существовало ничего, помимо этого представления, помимо этого комплекса представлений. Чтобы это удалось, требуется сильное душевное напряжение. Но как укрепляется, усиливается отдельный мускул, если мы постоянно всё снова и снова заставляем его работать, так укрепляется и наша душевная сила, если мы постоянно её тренируем. Одному человеку для этого нужны месяцы, другому – годы. Когда мы всю эту душевную силу всё снова и снова со всей энергией сосредотачиваем на каком-либо мысленном комплексе, на каком-либо представлении, наша душевная сила через некоторое время укрепляется. Через некоторое время мы можем испытать, поначалу внутренне, потрясающее переживание. И это переживание будет состоять в том, что человек почувствует себя внутренне окрепшим, проникнутым энергией к совершенно новому мышлению, к такому мышлению, которым он раньше не обладал. Достигнутое таким способом легче всего описать в следующих словах.

Когда мы противостояем повседневному миру, получаемые нами чувственные впечатления очень яркие и живы. Мы энергично переживаем эти чувственные впечатления, мы усиленно живём в мире красок, в мире звуков, в мире ощущений тепла и холода и прочих чувственных впечатлений.

Мысли же наши в повседневном сознании, напротив, очень бледны. Стоит только каждому человеку припомнить, насколько бледнее жизнь его мыслей по сравнению с чувственными впечатлениями. И вот, наконец, человек приходит к тому, что его жизнь мысли становится настолько же яркой и живой, как и жизнь его чувственных впечатлений.

Это составляет важный этап на пути человеческого познания, ибо тут жизнь мысли протекает не линейно, как обычно в повседневном сознании, но выступает во всей образности, со всей внутренней интенсивностью и внутренней насыщенностью, подобно внешним чувственным впечатлениям. Теперь человек подходит к тому, что по сравнению с обычным, абстрактным, предметным мышлением можно назвать мышлением **имагинативным**, – не потому, что при этом можно предаваться воображению или игре фантазии, а потому, что при этом человек может видеть миры, о которых ему известно, что они так же мимолётно живут в душе, как сновидения. Но это не сновидения, эти образы исполнены внутренней реальности.

После того, как человек в течение некоторого времени научился жить в имагинативном мышлении, внутренне отдаваться всем своим человеческим существом этому имагинативному мышлению, он погружается в реальность, углубляется в реальность, до сей поры ему неведомую. Потому что теперь с помощью имагинативного мышления человек достигает первой ступени сверхчувственного мира. Человек постепенно постигает, что благодаря имагинативному мышлению в нём обнаруживается второй, другой человек, человек такой же реальный, как и всякий другой внешний физический пространственный человек. И как этот внешний физический пространственный человек представляет собой организм с взаимосвязанными между собой отдельными членами, в котором голова зависит от рук, а руки опять-таки зависят от головы, где всё члены человеческого пространственного организма взаимосвязаны, взаимозависимы, – так обнаруживают в себе второго человека, которого я бы назвал временным организмом. И он предстаёт нашему душевному взору как величественная панорама.

Если мы достаточно продвинуты в имагинативном познании, мы уже не обращаемся нашей памятью к отдельным реминисценциям прошлого, но созерцаем всю нашу протекающую земную жизнь, начиная с самых первых детских лет. Мы оглядываемся назад, созерцая всё вместе, как бы в отдельной, но единой картине, о которой нам известно, что эта картина не

пространственная... Если бы мы захотели запечатлеть эту картину, мы должны были бы изобразить её как молнию, как нечто, что может быть зафиксировано лишь на одно мгновение. Это и есть то, что я назвал силообразующим, эфирным телом. Однако так просто мы его зарисовать не можем, мы должны осознать, что рисуем лишь поперечное сечение временного организма.

И вот мы видим, как в детстве обладали сверхчувственными силами /способностями/, врождёнными нам, которые работали в нашем мозгу подобно скульптору и которые, исходя из мозга, нашли выход в дыхательный организм, в систему кровообращения, с тем, чтобы всё дальше и дальше проникать в пространственный организм вплоть до овладения им. Ребёнок постепенно всё больше и больше овладевает своим пространственным организмом с помощью того, что мы здесь научились понимать посредством имагинативного познания как временный организм. Это эфирное тело заполняет нас по мере развития его сил. В обычном сознании ни его воздействие, ни само эфирное тело мы не осознаём, мы учимся понимать, что из нас сложился человек с определённым характером, что более или менее, – я коснусь лишь отдельных подробностей, – один человек проявляет способности, склонности к живописи, другой – к математике именно потому, что в вас работает нечто сверхчувственное. Таким образом, мы учимся распознавать первые признаки сверхчувственного. Путём систематической тренировки мыслительной способности можно с полной чёткостью выработать в себе точное ясновидение, и это первая ступень сверхчувственного познания, человек при этом подходит к восприятию первого сверхчувственного существа, которое доступно человеку, к своему сверхчувственному телу, которое он носит здесь, в земном теле, в этом физическом пространственном теле.

До сих пор я пытался представить вам, как человек достигает первого сверхчувственного познания посредством имагинации. И это сверхчувственное заключено сначала в физическом, мы ещё не выходим при этом из нашего физического тела. Но уже в этом земном теле оказывается некая сверхчувственная часть, которую я здесь, хотя бы в основных принципиальных чертах, описал. Мы учимся познавать её посредством имагинативного познания.

А теперь пойдём дальше. Мы установили, что в известном смысле можно подойти к высшей человеческой природе, к тому, что находится по ту сторону рождения и по ту сторону смерти: к вечной человеческой природе.

В обычной жизни внедрение воли в мыслительную способность, в силу мышления, связано с наступлением этого имагинативного познания. Продвинуться дальше по пути в сверхчувственный мир можно, делая упражнения в известном смысле в обратном направлении. Мы знаем из повседневной жизни, что для того, чтобы сосредоточиться на каком-либо представлении или предмете, мы должны выработать в себе нужное понимание, но при этом мы должны овладеть способностью и отключать свою душу от того, на чём мы её поначалу сконцентрировали. В этом и заключается переход к следующему упражнению. Если человек упражнял свою внутреннюю душевную силу на систематической концентрации, что привело его к имагинативному познанию, то после этого он должен применить ещё большую душевную силу, чтобы не задержаться на данном комплексе представлений. Если человек хочет продвинуться дальше на пути познания, он должен применять эту ещё большую силу. Эта большая сила нужна, когда человек развил в себе такую жизненность мысли, что он должен с полным сознанием, совершенно произвольно выключать эту мысль из сознательной жизни, как бы освободить от неё своё сознание. Затем, продвигаясь всё дальше и дальше, человек приобретает способность удалять из своего сознания все включенные им в сознание, укрепленные путём медитации и концентрации представления и, наконец, научиться жить в полном бодрственном состоянии, но с пустым сознанием.

Уясните себе только, что это значит – жить с пустым сознанием. Мы знаем, что когда в повседневной жизни мы не получаем никаких чувственных впечатлений, когда в нас не просыпается из глубин души никакие воспоминания, то мы засыпаем, мы переходим в бессознательное состояние. От этого человек и предохраняется путём укрепления жизни представлений и развития способности произвольно гасить эту укрепленную жизнь представлений. Человек не засыпает и продолжает одновременно в бодрственном состоянии жить с пустым сознанием, готовый к восприятию всего, что перед ним встаёт. Прежде всего, никаких чувственных восприятий в нём не возникает. Они погашены укрепленным мышлением. Точно так же и воспоминания не плывут перед этим укрепленным мышлением.

Я уже сказал, что при имагинативном мышлении мы приходим к тому, что всё наше прошлое встаёт перед нами не как воспоминание, а в виде панорамы. Одним взглядом мы можем обозреть её как единое целое. Но теперь в наше

сознание входит нечто совершенно новое, о чём человек не подозревал в своём окружении. Теперь перед пустым сознанием встаёт сверхчувственное окружение человека, в котором он живёт среди красок, звуков и т.д. Теперь как бы вспыхивают из всего окружающего духовные существа. Теперь мы видим не облако, плывущее по небу, когда мы смотрим на него обычными глазами, теперь во всех таких чувственных впечатлениях мы воспринимаем сверхчувственное. Перед нами совсем не потусторонний мир, но мир, находящийся перед нами, как и наш чувственный мир, который, однако, и есть достигнутый путём имагинации поистине сверхчувственный мир. И теперь, погружаясь сознанием в этот сверхчувственный мир, человек познаёт новое мышление, новые впечатления, новые представления. Теперь он учится познавать мышление, представления, независимые от обычного мышления, от нервной системы.

Мы знаем: раньше мы должны были пользоваться нашей нервной системой, – теперь же в нас живут мысли, которые введены в наше сознание благодаря нашей душевной силе. Если мы на это способны, мы во всяком случае делаем и некоторые другие открытия, благодаря которым нам становится ясно, как из старого мышления мы развили мышление новое с новыми переживаниями. Теперь становится ясным, что это новое мышление, независимое от мозга, несравнимо с мышлением старым, связанным с мозгом, ибо это новое мышление не обладает ни воспоминанием, ни памятью. Как бы странно и парадоксально это ни звучало, однако поистине сначала никакого воспоминания об этом новом переживании в нас не остаётся. Это иногда удивляет учеников, проходящих школу посвящения, потому что они достигают некоторого ясновидения, и им кажется, что они могут сохранить в памяти, в воспоминании всё ими достигнутое благодаря этой новой способности и, подобно другим мыслям, произвольно восстанавливать это в воспоминании, а когда они убеждаются, что не в состоянии этого сделать, они огорчаются. Ученик знает: он только что среди этого находился, а теперь он не может вызвать об этом воспоминания в рамках собственного физического организма.

Это-то как раз в характере для переживания не простой мысли, но реальности. Когда я переживаю что-либо чувственное, я могу вспомнить мысли, которые связаны с этим моим чувственным переживанием. Я могу сохранить в памяти мысли о розе. Но если я хочу, чтобы роза встала передо мной во всей её красочности, я должен снова вернуться к розе. Если

путём напряжения моих способностей, развитых благодаря инициации, я снова захочу из моего обычного сознания достигнуть нового видения, чтобы передо мной снова встало то духовное переживание, я должен проделать все те шаги, которые я проделал до того, как передо мной со всей яркостью чувственного восприятия встало духовное переживание розы.

Говорящий о духовном мире и передающий не только на словах о своём переживании этого мира, но сообщающий познание его на собственном опыте, знает, что даже когда он говорит о самых элементарных вещах, он каждый раз путём точного ясновидения должен воссоздавать в душе нечто новое. Человек, работавший в области обычной науки, может излагать свои наблюдения, извлекая их из памяти. Духовному же исследователю приходится заново проделывать весь тот путь, который однажды привёл его к данному переживанию. И тогда весь процесс должен быть воспроизведён заново как первоначальное переживание. Таким образом, условия духовного переживания совсем иные, чем для обычного сознания повседневной жизни.

Для того, чтобы уметь ориентироваться в духовных мирах, для того, чтобы действительно мочь воспринимать в духовно-сверхчувственном мире, мы должны обладать ещё одним особым свойством характера. Нам требуется то, что я назвал бы присутствием духа. Это – то свойство, которое в обычной жизни необходимо, чтобы в определённых обстоятельствах уметь без колебаний принимать определённое решение. Для развития этого свойства нужно много упражняться, чтобы мочь вести наблюдения в сверхчувственном мире. Ибо без этого свойства, без этого присутствия духа мы не успевали бы охватывать переживаемое, мы осознавали бы духовное переживание с опозданием, когда оно уже прекратилось бы. Необычайная быстрота, скорость соображения – вот чем мы должны располагать в те минуты, когда мы достигаем мышления, свободного от мозга.

И вот после того, как описанным образом мы благодаря пустому сознанию приходим к восприятию сверхчувственных существ в нашем окружении в состоянии полного бодрствования, – в нас оказывается сила, которую мы должны в дальнейшем всё более развивать. При условии дальнейшего развития этой силы, человек получает возможность погасить силообразующее, эфирное тело. Человек гасит не только отдельные представления, он может погасить целиком всё эфирное тело. Тогда наступает пустое сознание в высшем смысле, а перед этим пустым сознанием выступает наша

душевно-духовная жизнь, какой она была в душевно-духовном мире прежде, чем наша душа снизошла из сверхчувственных миров в земное бытие. Мы учимся познавать нашу жизнь до рождения путём инспиративного сознания, которое я назвал бы инспирацией.

Как через вдыхание в наши лёгкие поступает наружный воздух, так через инспирацию, духовный мир проникает в ставшее пустым сознание. И тогда мы вдыхаем – в духовном смысле – духовные миры, какими мы их знали до нашего воплощения из духовных высот в физическое земное бытие. Мы учимся познавать одну сторону нашей сущности, другая сторона которой – духовное бессмертие, о которой мы будем говорить в третьей части нашей лекции. Бессмертие отрицает смерть.

О нерожденности не говорят, но мы должны сказать о ней, потому что она и есть другая сторона человеческой души. Как человек, я не рожден, так же как и бессмертен.

Антропософия в качестве современной науки инициации, науки посвящения идёт иными путями, чем философия, которая выводит заключения, стремясь узнать что-либо дальнейшее на основании того, что уже известно, а Антропософия скорее стремится подготовить душу, подняв её в познании на более высокую точку зрения. Когда душа достигает более высокого развития, чем в обычной жизни, она достигает – через созерцание – познания своего собственного вечного существа. В этом и заключается поначалу одна сторона инспиративного познания, относящегося к нашей собственной человеческой сущности.

Другую сторону я хотел бы представить следующим образом. Благодаря инспиративному познанию мы учимся познавать также и внешний мир.

Я могу сделать лишь набросок этого процесса. Когда мы видим перед собой внешний чувственный мир, например, Солнце, оно представляется нам, согласно обычной науке, в виде обособленного в пространстве тела. Но оно представляет собой лишь член всего Солнечного Существа, как физическое тело есть лишь член всей совокупности человеческого существа. В отношении человека мы говорили, что его душевно-духовное содержание внутри тела. В отношении же Солнца мы должны говорить, что сверхчувственное, духовное Существо Солнца находится вне Солнца и наполняет своей Солнечной Сущностью всё мировое пространство. Всё, что ни есть вокруг: в минералах, растениях, животных, что, как Солнечная Сущность, содержится в нас самих, как людях, – всё

это мы видим физически сосредоточенным, когда взираем чувственным глазом вверх к Солнцу. Теперь же путём инспиративного познания человек учится постигать Солнечное в растениях, в животных, в человеке. Человек познаёт это Солнечное в каждом отдельном человеке, в лёгких, в сердце, печени, мозге и т.д. Но мы познаём не только эту Солнечную Сущность, но и духовную сущность всех прочих внешних явлений.

Как Солнце не ограничено только резкими контурами, так же обстоит дело и с Луной. Внешняя физическая Луна есть лишь физическое средоточие Луны, тогда как духовная Лунная Сущность пронизывает всё пространство. Ныне такие вещи считают суевериями, а вместе с тем это – факты столь же точной науки, нужно лишь научиться их прозревать.

Растения, животные и люди, поскольку они наделены физической организацией, предстают перед нами как часть внешнего физического Космоса, но благодаря инспирации мы учимся познавать их внутреннее существо. Так же мы познаём и отдельную руку, лёгкое, печень и т.д. В них продолжает жить Солнечное или Лунное Существо; Солнечное Существо живёт во всём прорастающем, во всём растущем и созревающем, Лунное же Существо – во всём, что нам представляется как упадок, дегенерация.

Мы не могли бы жить без Солнечных и Лунных Сил. Всякий раз, когда мы стоим перед познанием поступательного Солнечного развития или перед упадком Лунного – мы учимся познавать во внешнем мире Солнечную и Лунную Сущность. Но мы учимся постигать во внешнем мире и болезнь. Мы узнаём, как в больном органе преобладает Солнечная или Лунная Сущность, мы учимся понимать, как человек, благодаря силам Космоса, может потерять здоровье. И мы учимся также познанию того, как в растениях, в животных и минералах живёт Солнечное или Лунное Существо, как, подобно внешним природным силам, можно найти противодействующие силы, которые указали бы вам на средства к исцелению определённых внутренних заболеваний.

В этой области Антропософия вступает в область внешней практической жизни в качестве внешней медицины. Эта медицина может быть разработана путём наших прозрений в Дух Космоса, позволяющих нам, таким образом, из Космоса познавать человека в его болезненном и здоровом состоянии. Вот всего лишь несколько слов о том, что уже сегодня существует, как Антропософская медицина, как Антропософская наука врачевания. Не может быть никакой

медицины, никакой психологии, никакой терапии, которые были бы чем-то иным, как лишь результатом проб и ошибок, если мы не захотим пробиться вперёд к духовному познанию Мироздания.

Я показал, что мы приходим к истинному самопознанию путём инспирации и что это инспиративное познание может быть нам полезным также и в практической жизни. Я показал это на одной области, но то же самое возможно и для всякой другой.

Так что мы можем сказать: наука инициации, наука посвящения, с одной стороны, даёт основу для удовлетворения глубочайших потребностей человеческой души и, вместе с тем, даёт возможность в более глубоком смысле, чем это позволяет внешняя материалистическая наука, с более глубокими познаниями работать в мире.

Таково наше утверждение, касающееся второй части человеческого познания – инспирации, вводящей человека в Дух Космоса.

Всё, что приводит к дальнейшему познанию человека, связано с его прохождением через врата смерти.

Благодаря только что описанной инспирации учимся мы впервые познавать собственно истинную душевную сущность человека, ту сущность, которая продолжает пребывать в человеке, когда он находится вне тела, то есть до того, как он из душевно-духовных миров спустился в физическое земное тело. Однако когда мы доходим только до инспиративного познания этого духовно-душевного человека, это наше познание остаётся односторонним. При этом познаётся лишь то из духовно-душевного человека, что было до рождения.

Если же человек хочет познать духовно-душевное, простирающееся за порог смерти, ему следует продолжать развитие сверхчувственного познания посредством новых упражнений, и эти упражнения заключаются в том, что человек с иной стороны *вводит мысль в волю*, подобно тому, как прежде, в упражнениях на концентрацию, он вводил *волю в мысль*.

Я опять-таки очень коротко и просто скажу, как может достигнуть человек постепенного введения мыслительной силы в волю, подобно тому, как я описал аналогичный процесс при упражнении в концентрации.

Будем исходить из простого примера. Каждый человек может это выполнять каждый день. Надо спокойно сесть и подумать о пережитом в течение дня, но при этом не воссоздавать в памяти всех событий, начиная с утра, как они

следовали одно за другим, чисто внешне чередуясь во времени, а воспроизвести в памяти события дня, начав с вечера и постепенно переходя в обратном порядке к более ранним, вплоть до утра, по возможности расчлняя весь день на самые малые отрезки. В самом начале вполне возможно брать из всего дня какой-нибудь один эпизод, впоследствии же вся картина будет восстанавливаться сама собой.

При этом главное заключается вот в чём: мы привыкли пассивно подчинять наше мышление внешней последовательности событий, мы всегда думаем о последующем, вслед за ранее бывшем. Благодаря этому мы и не в состоянии посредством мышления развить сильную волю. Более сильную волю можно развить, идя мысленно в противоположном направлении, отрывая мысль от последовательности внешнего естественного процесса, путём такого прослеживания событий, именно от конца к началу. Мы тем самым тренируем нашу волю, воспринимая события от конца к началу.

Таким же точно образом можно мысленно воспроизвести с конца к началу какую-нибудь мелодию, можно представить себе какую-нибудь драму, начиная с пятого акта до первого, с конца к началу. Всё дело в том, чтобы мы сильным усилием воли оторвались от внешней последовательности событий. Благодаря этому, мы укрепляем нашу волю и развиваем в себе силу, помогающую внедрить мышление в волю, подобно тому, как в концентрации и медитации мы вводили волю в мысль.

Более подробно я это уже указал в книгах, упомянутых выше. Но кое-что для лучшего понимания я всё же хочу ещё добавить. Когда проводят столь усиленное самовоспитание воли, когда не только отдаются лишь тому, что предлагается внешней жизнью, воспитанием и средой, но когда приступают к самовоспитанию путём зрелого познания, когда человек берет себя в руки до такой высокой степени, – он от многого отвыкает и взамен этого привыкает к иным вещам вследствие проводимых в течение многих лет упражнений.

Когда человек говорит себе: только силой своего мышления, своей воли, содержащейся в жизни моих представлений, я пытаюсь развить в себе свойство, которого во мне нет, и выработать из него некое постоянное качество, для чего потребуется, может быть, семь лет, – или когда человек от десятилетия к десятилетию с каждым днём это повторяет, – тогда его воля укрепляется.

Есть ещё и некоторые другие упражнения воли, благодаря которым мы в равной мере учимся с другой стороны проникать

в сверхчувственный мир. Как же обстоит дело с этими волевыми импульсами в нашем сознании?

Мы можем себе это представить следующим образом. Когда я поднимаю руку или глаза, во мне проявляется волевой импульс. Затем этот импульс погружается в подосновы моего существа. Это уже не поддаётся восприятию моего обычного дневного сознания, точно так же, как обычно это недоступно нашему сознанию во сне. Даже когда мы грезим, отдаваясь нашим чувствам, мы и тут в отношении наших волевых импульсов спим, мы можем, следовательно, сказать: мы в некотором смысле душевно непрозрачны. Подобно тому, как какой-либо предмет предстанет нам непрозрачным для физического света, так наше тело непрозрачно для нас, когда мы хотим обнаружить нашу волю. Мы не можем проникнуть взглядом в нашу волю, тогда как нашим глазом – физическим органом восприятия – мы видим, потому что глаз прозрачен. Если бы у нас была катаракта, мы перестали бы видеть.

Я никак не хочу утверждать, что мы в отношении нашего физического организма для нормальной жизни нездоровы, никакой ложной аскезы Антропософия не предлагает, но, если бы нам удалось, – конечно, не физически, а душевно, – сделать наше тело прозрачным, то мы могли бы действительно наблюдать, как из мыслей струятся в физический организм волевые импульсы. Мы бы достигли прозрения наших волевых импульсов, если бы он, наш физический организм, был прозрачен.

Так мы видим себя волевыми людьми и одновременно смотрим в духовный мир воли, которому мы принадлежим, мы смотрим в тот внешний мир, который мы делаем прозрачным благодаря нашей волевой тренировке. И тогда для человека, достигшего ступени познания, на которой физическое тело становится душевно прозрачным, ибо в нём просматривается воля, – для восприятия такого человека, прежде всего, исчезает физическое тело. И если он, укреплённый указанным способом, стремится видеть всё дальше и дальше, то ему удаётся увидеть перед собой в образе мгновение смерти то мгновение, когда мы отдаём Земле наше физическое тело и своим духовно-душевным существом переступаем порог смерти. Эту картину перехода врат смерти мы видим перед собой, когда нам удаётся сделать прозрачным наше физическое тело, чтобы уметь прозревать духовное. Тогда мы понимаем, что теперь отсутствует в этом физическом теле, и что мы не только смотрим в духовный мир, но и действительно в него вживаемся, проникая в этот духовный мир. Это и есть

ступень интуитивного познания, истинного интуитивного познания. И на этой ступени мы можем постичь бессмертие. Мы понимаем, достигая этой ступени через имагинацию и инспирацию, что мы, как духовные существа, принадлежим Вселенной, что мы видим духовное Вселенной бессмертной духовной душой в нас самих.

Для этого наука инициации, хотя она и соответствует вполне современному сознанию, она возрастает – как раз в противоположность тому, как она в древние времена возростала в глубоко грезящем атавистическом сознании, – до полного высшего сознания: от преходящего – к вечности. Так она и может быть понята и подана современному душевному уровню.

Однако всё изложенное антропософской наукой может принять не только человек, проделывающим всякие упражнения, чтобы убедиться, так сказать, на собственном опыте в существовании этого мира и сущностного бытия в вечности, – нет, для исследования, конечно, нужны непременно имагинация, инспирация и интуиция, но духовный исследователь изыскал то, что его интересовало, что он стремился исследовать, и он облёк свои познания в обычную логику, в обычный язык и представил свои исследования современникам, людям нового времени. И результаты его исследований могут быть поняты любым человеком, обладающим просто здравым умом.

Как нет надобности быть художником, чтобы понимать произведение искусства, ибо для этого требуется лишь способность здравого восприятия, так с помощью обычного человеческого разума можно понять все результаты духовного исследования, при условии, что они правильно изложены и непредвзято восприняты.

Не надо только нам самим нагромождать ошибку на ошибку и всякие недоразумения, как это повсюду часто делается. Тогда люди и путают всё, что сегодня было описано как имагинация, инспирация и интуиция, с жизнью и галлюцинациями, порождаемыми патологическими состояниями. Я бы сказал: может случиться и так, что, стремясь к описанной здесь имагинации, человек столкнется лишь с фантастикой, иллюзиями, наваждениями, галлюцинациями или впадёт в медиумическое состояние. Но все эти состояния полностью противоположны тому, что здесь описывалось, как медитация, концентрация и т.д. Галлюцинирующий человек полностью подпадает патологическому состоянию.

Человек же, поднимающийся к высшему познанию мира через имагинацию, инспирацию и интуицию, не потеряется в галлюцинации, потому что он прочно стоит на ногах и продолжает дальнейшее развитие с помощью здравого человеческого разума. Ибо человек, обладающий здравым рассудком, никогда не теряет способности самоконтроля и критики в жизни, поэтому он и не может расплываться и теряться в беспредметной фантастике и бессмысленных галлюцинациях. Всё это совершенно противоположно тому исполненному силе и крепости душевному состоянию, наступающему при имагинации, инспирации и интуиции так, что восприятия человека при этом аналогичны убеждению о сверхчувственном мире, вытекающему из современного сознания, его новые воззрения служат как бы продолжением современного сознания.

Так с помощью антропософской науки инициации человек приобретает познания, не расходящиеся с современной жизнью.

Итак, мы должны пройти через современное сознание, ибо мы должны приобщиться полностью ко всем достижениям внешней науки современного мира. Мы нуждаемся в приобретении познания сверхчувственного мира для того, чтобы служить истинной культуре современности и в особенности будущей. Уже сейчас многие люди громко заявляют о своём стремлении получить сверхчувственные познания, – и они могли бы получить эти познания и в отношении религии через Антропософию. Антропософия хотела бы откликнуться на этот призыв. Завтра я остановлюсь на этой области и поговорю о пути антропософской науки посвящения и понимания Мистерии Голгофы, о пути правильного постижения христианства. Сегодня я ещё хотел бы кратко указать, в чём заключается задача антропософской науки посвящения.

Когда перед нами стоит человек, и мы смотрим на него нашими физическими органами зрения, то мы получаем впечатления о его внешнем облике. Это не даёт нам ещё полного представления о человеке. Только если мы вникнем сердцем и душой в его душевно-духовное, перед нами предстанет весь человек. И как отдельный человек недоступен нашему физическому восприятию в его цельности, так недоступно нам и всё человечество и мир, если мы воспринимаем их лишь посредством внешнего познания. Мы нуждаемся в сознании, которое не может быть создано внешним познанием; для познания духовно-душевной сущности

Вселенной нужна наука инициации. Это должно стать нашим убеждением. И только убедившись в этом, мы сможем действительно удовлетворить глубочайшие потребности человеческой души. Осуществить же это Антропософия сможет, лишь став дополнением к столь далеко продвинувшемуся естествознанию. Антропософия целиком признает эти достижения, но они, однако же, должны быть дополнены познанием внутреннего душевного и духовного существа Космоса и человека.

К этому и стремиться изложенная здесь Антропософия. Она действительно желала бы к достижениям внешней науки присоединить духовное внутреннее познание; к чувственному – сверхчувственное.

Как для полного представления о человеке нужно иметь в виду его внутреннее, его душу, так Антропософия хотела бы стать Душой, Духом, – внутренним Существом современного познания.

Десятая лекция

Познание Христа через Антропософию

Лондон, 15 апреля 1922 г.

Вчера я позволил себе говорить о пути, ведущем из физически-чувственного мира в сверхчувственный, о пути, характеризуемом современной Антропософией как путь некоего точного ясновидения. Я говорил о точном ясновидении потому, что наше время действительно требует такого точного ясновидения.

Во все времена ясновидение, как основа науки посвящения, имелось, но в прежние времена это ясновидение, как основа науки посвящения, означало способность, которой человек был наделён элементарным способом, или во всяком случае эта способность была в нём воспитана. А люди, овладевавшие духовной наукой, были ведомы авторитетом лиц, предшествовавших им в обладании этой наукой посвящения.

В нашу же эпоху развития человечества мы уже не имели бы права опираться на такой авторитет, ибо это противоречило бы требованиям, которые ставит в наши дни человек в соответствии со своим душевным складом. Мы имеем уже в течение 3-4-5 столетий точную науку. Но, конечно, это не наука посвящения. Но эта наука, исходя из полной сознательности человеческой личности, осуществляет контроль, который также должен проводиться и каждым духовным исследователем, желающим добиться точного ясновидения в антропософском смысле.

И когда мы даём воздействовать на себя воззрениям о Космосе, воззрениям о человеческой сущности, достигнутым с помощью такого ясновидения, то они влияют на нас не так, как влияли бы какие-либо теоретические воззрения, не как сумма идей, излагаемых по поводу духовных и сверхчувственных миров, нет, эта современная нам наука посвящения воздействует одновременно как сила, духовно-живая сила, которая может пронизать и одухотворить человека со всеми его способностями.

Нам удалось это уже до некоторой степени показать, воплотив в художественные образы то, что обычно выступает лишь в форме идей о духовном мире: Гётеанум в Дорнахе – это Высшая Школа Духовного Познания, которая была основана благодаря самоотверженности нескольких друзей антропософского дела; строительство нового Гётеанума ещё не

закончено, но уже настолько передвинулось, что в здании могут проводиться и уже в течение продолжительного времени проводятся работы, хотя строительство и не доведено ещё до конца.

Если бы какая-нибудь другая организация вознамерилась бы возвести такое здание, было бы естественно, чтобы такая организация обратилась бы к архитектору, который выполнил бы сооружение в античном стиле или же в стиле Ренессанса или же в готическом или же в каком-либо ином, как строятся ныне все дома. В швейцарском же Гётеануме такого быть не могло. Это противоречило бы антропософскому мировоззрению, которое хочет быть не идеологией, а жизнью и пронизать собой все области человеческой деятельности. Едва ли нужно говорить, что наше здание несовершенно. Тут я сам свой строжайший критик. Но как бы ни был несовершенен ныне Гётеанум как строение, как произведение искусства, как целое, – необходимо было всё-таки его воздвигнуть в новом архитектурном, в новом строительном стиле, ибо в нём Антропософия несла человечеству свой прообраз. Так в Дорнахском Гётеануме мы видим архитектурные формы, почерпнутые из той же жизни, из того же источника, откуда взято и представление и идеи о сверхчувственном, как они возвещаются в слове.

Так всё, что мы находим в Дорнахе в смысле скульптурном, живописном, создано новым стилем, из которого и должна в современной жизни родиться Антропософия. Всякий, посещающий эту Свободную Высшую Школу Духовной Науки, убедится, что, с одной стороны, в ней излагается в словах антропософское мировоззрение, и что, с другой, – архитектурные формы и живописные произведения на художественном языке выражают то же, что и слово. Только то, что может воздействовать со сцены, должно стать иной формой откровения, чем выраженное в слове.

Антропософия должна выражаться не только в словах, но должна вырастать из глубоких человеческих корней; теоретическая Антропософия представляет лишь одно из ответвлений этих корней, подобно другим – художественным, педагогическим и т.д. Так антропософская жизнь становится фактором различных областей человеческого бытия.

Вы увидите теперь в Штутгарте так называемую Вальдорфскую школу, в которой взрослые не преподают детям учение, которое обычно излагается как Антропософия, ибо это учение, но не мировоззрение. В этой школе детям-католикам читается Закон Божий католическими ксендзами,

протестантам – пасторами, в соответствии с религиозными воззрениями родителей. Те же, которые не претендуют ни на какое особое религиозное воспитание, – а таких в Германии очень много, – получают для своих детей особо разработанный религиозный перевод Антропософии.

Всё же достижения Вальдорфской школы выступают, когда Антропософия переходит в жизнь, в действительно практическое искусство воспитания, в педагогику, в дидактику, вообще во все области, касающиеся воспитания и преподавания. То, что делает учитель, как он воспитывает детей, как он их учит – это и есть живая сущность его личности, это зажигается Антропософией.

Я выделяю эту вторую область, чтобы показать, как Антропософия хочет воздействовать на различнейшие области человеческого бытия. Особенно же жизненно она может воздействовать и уже воздействовала на религиозные потребности человечества, и об этом воздействии Антропософии на религиозные требования, поскольку человечество будет подходить к восприятию Мистерии Голгофы, я и хотел бы поговорить в сегодняшней лекции. При этом я увяжу сегодняшние сообщения со вчерашними, касающимися антропософских путей в сверхчувственные миры.

Я показал, что благодаря известным душевным упражнениям человек может придти к тому, что он достигнет сначала имагинативного познания. И это имагинативное познание приведёт человеческую душу к тому, что она – только через силу мысли, служащую обычно лишь проводником теневых, абстрактных мыслей, – приведёт его к образам, которые так же живо и интенсивно живут в душе, как и образы чувственных восприятий.

Как мы обычно живём в красках, отдаваясь нашим зрительным впечатлениям и восприятиям, так точно мы переживаем наши мысли в имагинациях. Если мы в состоянии пережить внутренне наши мысли, если они встают в нас не только в абстрактных контурах, а как полные содержания образы, тогда мы владеем имагинативным познанием.

Вчера я указал, что человек может с помощью имагинации воспринимать свой временной организм, своё эфирное тело. Однако мы должны осознать, что когда мы поднимемся к этому имагинативному познанию, мы имеем нечто имагинативное в нас самих. Тем и отличается исследователь-антропософ от галлюцинирующего человека или медиума, что он приходит к точному ясновидению, что он способен распознать, понять, что в медитациях перед ним встают

образы, живущие в нём самом. Даже и воспринимая наше эфирное тело, как оно посредством пластических образующих сил с самого нашего рождения работает над нашим земным организмом, мы всё же познаём при этом нечто субъективное.

Затем я указал, как человек может отвлечься от самого себя, притушить живущие в нём образы и тогда он может достичь пустого сознания. Но тогда уже человек имеет дело не с субъективными образами. Это пустое сознание обладает силой воспринимать эти образы извне. Очень важно, чтобы мы, как антропософские исследователи, осознали, что мы должны изгнать из души эту древнюю имагинацию, чтобы затем наступало пустое сознание, которое само по себе обладаем такой бодрственной силой, что оно в состоянии воспринимать чисто духовные образы из внешнего мира. Так на первых же порах перед нами встаёт картина нашей собственной духовно-душевной жизни до нашего схождения из духовных миров перед воплощением в наше физическое тело. Затем мы сможем воспринимать объективные образы, относящиеся к нашему духовно-душевному окружению. Такие объективные образы соединяются с инспиративным познанием. Антропософский исследователь получает тогда откровения духовного мира, пронизывающие его пустое сознание теперь уже в виде объективных образов, как раньше он воспринимал образы субъективным путём точных упражнений своего мышления.

Что же мы знаем о себе самих, когда таким образом пустое наше сознание наполняется имагинативными образами благодаря инспиративному познанию? Мы узнаём всё, что нам было известно до нашего схождения из духовного мира в физический. Но мы познаём и ещё нечто другое. Мы узнаём, что мы внесли из духовного мира в наше физическое бытие – для нашего сознания это всего лишь сила мышления. Но при этом мы делаем весьма значительное открытие.

Философы много размышляют о том, откуда возникло наше мышление, антропософу же известно, что мышление никогда не могло быть порождено физическим телом, что оно есть сила, перенесённая им из духовного мира, в котором он жил, прежде чем спустился на Землю. Там это мышление было совсем иным, чем оно стало для повседневного земного сознания. Здесь наши мысли абстрактны, здесь они способны мыслить лишь мёртвое. В этом вопросе человек, серьёзно понимающий современную науку посвящения, вынужден поставить человечество перед некоторым фактом. Я попытаюсь пояснить это с помощью сравнения.

На стороне, ограничивающей земное бытие человека,

противоположной к рождению, находится смерть. И по смерти мы оставляем на земле труп. Земной труп – вот что остаётся после смерти от нашего физического тела, но этот труп, в зависимости от способа погребения – посредством ли кремации или погребения, или предания земле – переходит в свою стихию – в землю. После того, как тело постигает смерть, оно перестаёт подчиняться тем законам, которые управляли им в процессе человеческого душевного бытия с минуты рождения. Теперь труп подлежит земным законам, он уже не несёт в себе ничего душевного, ничего духовного, в смысле человеческом – ничего человеческого, он подчиняется тем законам природы, которым во внешнем мире подчиняются минералы, пребывая в царстве природы.

Такова судьба человеческого физического тела по наступлении нашей смерти. И такая же смерть – и это нужно понять – наступает и тогда, когда наша душа спускается из духовной и душевной жизни, чтобы, родившись, воплотиться в физическое тело. Душа проникает в это физическое тело человека совершенно так же, как физическое тело человека после смерти проникает в земную стихию. И первое, принадлежащее духовному миру, что мы замечаем в себе, – это наши мысли, наша мыслительная сила, и эта наша мыслительная сила и есть наш труп душевно-духовного.

Это душевно-духовное обладало собственным бытием в душевно-духовном мире до рождения человека, после чего от этого душевно-духовного в нём, как труп, остаётся лишь мыслительная сила. Мы несём с собой в нашем физическом теле, – как земля несёт после нашей смерти наш труп, – мысли – душевный труп душевного бытия.

Именно благодаря этому так недостаточно современное познание, ибо человек, несущий в себе лишь труп своей души, схватывает в известном смысле лишь безжизненную природу и он предаётся иллюзии, если предполагает, что может в современных экспериментах постичь что-либо иное, кроме безжизненной природы.

Ну, конечно же, наука пойдёт вперёд и будет в состоянии воссоздать не только одно безжизненное, но и некую органическую телесность. Но даже и полученная лабораторным путём, она не будет доступна лично осознанному, неразвитому мышлению. С помощью этого мышления – душевного трупа, духовно мёртвого может быть постигнуто только мёртвое.

Эта истина, которую нужно принять со всей непредвзятостью, ибо нужно уяснить себе, что однажды в

развитии человечества существовала эпоха, когда люди приняли в себя это мёртвое, абстрактное мышление. Однако только благодаря этому абстрактному мышлению, лишенному всякой внутренней жизни, не властному над внутренней жизнью человека, он и может придти к свободе. Поэтому-то с тех пор, как существует смерть, и возможно развитие свободы.

Из дальнейшего мы увидим, как именно через мышление достигаем мы имагинации, инспирации и интуиции, как я это заметил вчера.

Весь этот процесс инициации есть поистине **ВОСКРЕСЕНИЕ** мёртвого мышления. Когда мы путём упражнений достигаем имагинации, тогда мышление снова оживает в нас, и мы можем сказать: до сих пор мыслительная сила не давала нам представления о том, кем мы были, прежде чем спустились из духовного в земное; теперь, когда наше мышление снова оживило, мы взираем нашим имагинативным и инспиративным мышлением на наше бытие в духовном мире до нашего рождения и познаем теперь, что до того, как мы через зачатие вступили в физически-телесное бытие, мы жили в духовном. Там наше бытие исполнено жизни. Если мы мыслим его в нашем единовременном сознании в физическом теле, оно мёртво. Благодаря имагинации оно снова оживает. Мы вселяем жизнь в нерождённую душу. В этом и заключается то, чего мы достигаем через имагинацию и инспирацию, – это истинная высшая мыслительная способность, это восприятие духовных существ, духовных событий – это и есть не что иное, как оживление того, что мёртво для обычного сознания.

Но вот для современного человека в процессе этого оживления обычного мышления наступает нечто, чего не бывало ни с древним греком, ни с древним египтянином или древним персом, чего не происходило при прохождении науки посвящения со всеми теми людьми, которые постигали эту науку до Мистерии Голгофы. Это оживление мысли в процессе посвящения протекало до того, как Христос снизошёл на Землю из духовных высот, совсем по-другому, чем для современного человечества **после Его пришествия**. В наши дни история считается только с внешними фактами. То же, как изменился душевный состав человека в ходе истории, ныне не принимается во внимание. А это может быть установлено только благодаря науке посвящения, только благодаря ясновидению.

После того, как человек достиг имагинации и инспирации, он должен сказать себе: «в меня вступило что-то, что меня беспокоит.» Я привожу это как необычное явление, ибо, когда

в наши дни человек поднимается к имагинации и инспирации, происходит потрясающий факт – человек испытывает беспокойство... Это происходит оттого, что когда в наши дни человек становится ясновидящим, ему приходится признать, что благодаря такому своему развитию в нём очень сильно развился эгоизм, его Я стало слишком активным, слишком сильным. Ни один человек, поистине знакомый с этими вещами, ничего иного не скажет, если он не захочет болтать о своих иллюзиях, ибо такой человек знает, что это сильное беспокойство в его душе порождается чрезмерным усилением его Я. У людей, принадлежавшим эпохам, предшествующим Мистерии Голгофы, возникало противоположное переживание. Им приходилось говорить так: «Благодаря науке посвящения я стал слабее, моё Я стало слабее. Я в известном смысле утратил сознание, я в меньшей степени погружён в себя, я меньше принадлежу себе, как человек, но Я во мне укрепляется, когда я не прохожу науки посвящения».

Это естественный, здоровый эгоизм, долженствующий быть в обычной жизни и который до некоторой степени притуплялся вследствие инициации у людей, живших до Мистерии Голгофы. Человек чувствовал себя как бы излитым в мир, высота и сила его сознания были как бы подавлены. Современный человек приобретает благодаря посвящению более укреплённое сознание. Его Я становится сознательнее, сильнее.

Человеком, чувствующим в своё время при посвящении, что его Я нуждается в чём-то, чтобы ему не грозила опасность слишком сильного укрепления его Я, был апостол Павел. Апостолу Павлу было известно об этой опасности после того самого события, о котором рассказывается в Новом Завете, как о событии на пути в Дамаск. Мне нет нужды об этом рассказывать, это известно. Но благодаря своему откровению, благодаря познанию Мистерии Голгофы, апостол Павел понял, что ему стало доступно восприятие духовного мира. А чтобы он смог, не подвергаясь опасности гипертрофированного эгоизма, вынести созерцание духовных миров, он должен был ослабить своё Я. Таким образом, апостол Павел возвестил миру универсальную формулу, которая возвещает, выражает настроение всякого вновь посвящаемого, и эта формула гласит: «Не я, но Христос во мне». Так поступают в согласии с Духом и Силой Христа, когда человек признаёт, что он воспринимает в себя Христа, в своё чрезмерно усиливающееся Я, он проникается Силой Христа, соединившейся благодаря Мистерии Голгофы с Землёй. И тогда Я снова находит должное положение в человеке. Эти слова апостола Павла имеют

универсальное значение: «Не я, но Христос во мне», – они служат вехой, по ним ориентируется человек, переживающий Силу Христа через современное посвящение.

То, что я описал в отношении современного абстрактного мышления, а именно, что по сравнению со своей сущностью в своём бытии до нашего рождения это мышление стало живущим в нашем теле трупом, но всё это применимо, как я уже сказал, только к современному человеку. Во всяком случае под таким нужно разуметь человека, который постепенно при современном душевном составе готовится к посвящению со времени Мистерии Голгофы. Мышление очень медленно стало принимать современный характер, собственно, лишь через несколько веков после Мистерии Голгофы, примерно в III-IV столетии по Р.Х. До этого у всех древних народов мышление было живым, оно несло с собой в земную жизнь ещё внутреннюю жизненность. Оно было наделено той внутренней жизненностью, которую ещё обладало в духовно-душевном бытии. Кто с полной осмысленностью и разумением изучает развитие человека, в смысле его душевного строения, тому легко в этом убедиться. Возьмём все древние мировоззрения, те, что исходили из науки инициации, а также и те, что не вытекали из науки инициации, – всё, что было живо тогда, в смысле мировоззрения, позволяло человеку во всём – в царстве минералов, в реках, в источниках, облаках, в громах и молниях, растениях и животных – видеть нечто духовное.

Совершенно тривиально считать, что одухотворение природы есть результат поэтического вымысла, обычно называемого анимизмом. Этого анимизма никогда не существовало, но зато в человеческой душе существовало мышление, которое позволяло человеку, глядя на растения, одновременно воспринимать духовное. Как сегодняшний человек из обычного сознания воспринимает зелёный цвет листьев или красный цветок, так в древности человек видел и духовное в облаках, горах, реках и долинах. Всё, что теперь мы видим бездуховным, он видел одухотворенным.

Почему же он видел всё внутренне одухотворенным? Потому, что в нём самом жила живая сила, которая проникла в него. Его мышление так простиралось духовно вовне, как сегодня мы протягиваем руки, когда хотим до чего-нибудь дотронуться. Я сказал бы, что так охватывают живыми мыслительными органами, ставшими духовными органами осязания, духовно-душевные вещи. Однако всё больше угасала та живая сила мысли, бывшая столь активной в древние времена человеческого прошлого, о чём могла

свидетельствовать уже только наука посвящения. Эта живая сущность мышления всё больше и больше приглушалась, и, начиная с IV века по Р.Х., наше мышление стало внутренне мёртвым, так что, созерцая мир, мы нашим омертвевшим мышлением можем только воспринимать лишь мёртвое в живом, растительном, животном бытии и даже во внешнем человеческом бытии. Так человек древних времён, наблюдая самого себя, понимал, что в нём живёт нечто, что было живым мышлением, что было лишь продолжением его собственной сущности в духовном мире до его рождения, так что человек мог сознательно сказать: «Я живу в той же живой стихии, в которой находился до вступления в земную жизнь». Он чувствовал в себе то, что вместе с ним родилось и вошло в его физическое тело.

Но всё это стало совсем другим после III-IV века по Р.Х. Когда человек теперь наблюдает себя, он чувствует в себе лишь мёртвое мышление. Это постепенное умирание мышления есть одно из важнейших и значительнейших событий мировой истории.

Теперь представим себе, что в земном бытии ничего бы не случилось, кроме этого постепенного умирания мышления в человеческой душе. Представим себе на самое короткое мгновение, что земное развитие так бы и продолжалось, как началось, что оно переступило бы и III и IV столетия по Р.Х., как оно шло до того, как на Земле свершилась Мистерия Голгофы. Что случилось бы с человеческой душой, если бы на Голгофе не был бы воздвигнут крест?

Люди стали бы чувствовать себя мёртвыми в земном теле и, глядя на смерть физического тела, они были бы вынуждены сказать: одновременно с рождением на Земле моё душевное начинает умирать и оно причастно к смерти физического тела. Не свершись Мистерия Голгофы, для земного человека вместе со смертью его физического тела наступила бы и смерть души, сначала менее интенсивно, а затем это пошло бы распространяться по всей Земле. Мы ещё глубже поймём трагичность такого положения, если представим себе, что человек был бы вынужден сказать себе: «Мы, люди, так связаны с Землёй, что мы умираем вместе с телом. То живое, что в вас жило вплоть до III-IV вв., теперь уже нам не принадлежит. Теперь мы можем наше душевное сделать причастным только судьбе нашего тела – оно умрёт вместе с ним». В лучшем случае, люди могли бы сказать: «Жизнь на Земле ещё некоторое время протянется, потому что смерть охватила ещё не всех, но, в конце концов, наступит всеобщее

омертвление».

Всего этого, однако, не случилось. Свершилась Мистерия Голгофы, и развитие не продолжается в старом стиле. Человек, прошедший школу посвящения, способен воспринимать Мистерию Голгофы ещё с иной стороны, чем это в состоянии сделать обычный человек благодаря Евангелиям, но при этом я никак не хочу отвергать и подход к Мистерии Голгофы через Евангелия. Именно таковы и должны быть первые шаги в восприятии христианства. Но то, что получает простая душа через Евангелия, разрастается и развивается, когда человек подходит к науке посвящения. Для людей, не придерживающихся одной только веры, но поднимающихся от инспирации уже к интуиции, встаёт духовный мир, в котором посвящённому именно Мистерия Голгофы представляется как великое утешение для всего мирового бытия. Если посвящённый правильно применяет имагинацию и инспирацию, он чувствует значительное усиление своего Я, правда, не настолько, чтобы служить основой развития человеческой свободы. Но это усилившееся Я может вторгнуться в ход развития, которое должно спасти человека от последствий омертвления мышления. Только с точки зрения науки посвящения мы можем понять всю трагичность омертвления мышления.

Но за этими нашими представлениями и переживаниями встаёт истина о Мистерии Голгофы. Я сказал бы, что в то время, как, с одной стороны, в человеческой душе встаёт твёрдая опора, свидетельствующая: «Твоё Я стало достаточно сильным, ты окреп как духовное существо», с другой стороны, при этом в должный исторический момент в качестве исторического события, но воспринимаемого сверхчувственно, выявляется сначала схождение Божественного Существа Христа в тело Иисуса из Назарета, а затем и Его смерть на Голгофе. Если человек проходит правильно путь посвящения, то он испытывает, с одной стороны, усиление Я, а с другой стороны – перед ним встаёт истина Мистерии Голгофы. Интуитивное откровение, интуитивное созерцание стоит за Евангелиями, за всем их содержанием, которое можно почувствовать и при обычном чтении, – из интуитивных откровений и возникли Евангелия. Посвящённый же уже не зависит от того, что ему говорят Евангелия. Благодаря той же силе, которую он получил, описанное выше познание собственного бытия после смерти благодаря инспирации и интуиции он постигает как объективную истину и имагинацию внешнего мира, так, что мог бы и сам написать Евангелие, если

бы оно уже не было бы написано. Он даже понимает, получает правильное понимание самих евангелистов, создателей Евангелий. Он говорит себе: «В первые III-IV столетия по Р.Х. сохранилось ещё столько живого от древних времён, что некоторые люди, даже и не прошедшие школы посвящения, могли понимать значение и правильно интерпретировать Мистерию Голгофы. – Если бы древние посвящённые в первые III-IV века по Р.Х. не интерпретировали Мистерии Голгофы в согласии с тогдашним гнозисом, который не идентичен, а только подобен нынешней Антропософии, то не было бы и Евангелий, ибо они написаны именно из духа этой древней науки посвящения.

Когда человек духовно видит события, которые описали первые евангелисты в Евангелиях, он учится постигать и Мистерию Голгофы, учится понимать истинное значение слов апостола Павла: «Если бы Христос не воскрес, тщетна была бы и вера наша и души наши были бы мертвы». Да, теперь уже начинают понимать, что случилось бы, если бы не свершилась Мистерия Голгофы, – что случилось бы, если бы Бог не сошёл на Землю, чтобы принять человеческое тело и в этом человеческом теле претерпеть смерть, чтобы затем соединиться с силами Земли. Ибо с той поры Он соединился с земными силами, и Христова Сила со времени Мистерии Голгофы живёт с Землёй, живёт в земном развитии человечества, в котором ранее её не было. Говоря о воскресшем Христе, апостол Павел имел в виду, что Христу надлежало претерпеть смерть и победить смерть этим, тем, что Он духовно-живым воскрес из мёртвых и с тех пор продолжает жить вместе с человечеством и ради этого человечества, которое, не будь Христа, осталось бы с мёртвым мышлением. Так посвящённый может вспомнить, что Бог Христос сошёл на Землю и живёт на Земле.

В древние времена мышление само сходило на Землю своей живой сущностью. Начиная с III-IV столетия, земная душа может сама пробудить, оживить своё мышление при созерцании Мистерии Голгофы. Благодаря смерти и воскресению Христа эта душа в своём мышлении настолько прониклась силою жизни, что людям уже не придётся умирать вслед за телом, как они должны были бы умирать, если бы не свершилась Мистерия Голгофы. А посвящённый, благодаря тому, что из своего усиливающегося Я он может взирать на образы Мистерии Голгофы, в состоянии вычитать из духовного мира развитие человеческой души. Он знает из познания этой особой главы науки посвящения, что Христос своим

воскресением вернул человеческой душе жизнь.

Так современная наука посвящения, развиваемая в духе Антропософии, приводит к внутреннему живому постижению Мистерии Голгофы. Она не уводит от Христа, а приводит ко Христу. Наука современного посвящения указывает духовный путь познания, нахождения Христа.

А теперь позвольте мне в небольшом беглом обзоре нарисовать развитие человечества под влиянием Мистерии Голгофы, как это явствует из современной науки посвящения.

Оглядываясь на очень далёкие времена человеческого развития, мы находим, что обычное сознание является таким, как я только что охарактеризовал. Человек наделён живым мышлением; вокруг себя во всех существах природы он видит наряду с физической и духовную сущность. Но сознание его, когда он воспринимает духовное, скорее сновидческое. Я бы сказал, однако, что в этом сновидческом сознании, в этом инстинктивном ясновидении благодаря живому мышлению есть ещё изначальная связь с духовным миром. Подобно нынешним учёным, в те древние времена из массы людей выделялись личности, прошедшие древнюю школу посвящения. При этом всякое познание, всякую науку древних времен можно называть наукой посвящения, потому что тогда ясновидение было более доступно обычному человеку. Люди ещё не выработали в себе всего того, что я описал, но им были доступны имагинация, инспирация и интуиция. В интуиции же любого рода человек переживал не только образы духовного мира, но и самих духовных существ. Он в некотором роде переливался существом своего Я в духовное. Это переживали благодаря науке посвящения в древние времена, притом, что человек воспринимал именно тех существ, которые спускались к нему из духовных миров. Это не были физические существа, их нельзя было увидеть физическими глазами, они не произносили слов, которые можно было бы уловить физическим ухом. Это были существа, с которыми возможно было общение лишь посредством духовного видения. Но настолько тесным было соприкосновение посвящённых древности с духовными существами, которые опускались к ним в духовных телах, не в физических, что эти духовные существа поучали людей о духовно-душевно-бытии, чего они не могли бы достичь с помощью физического мышления.

В этом и заключается суть древнего познания. Если мы хотим это выразить простыми словами, то должны сказать: «Первые великие Учителя человечества были духовными существами, которые вступали в духовное общение с первыми

посвящёнными и преподавали им тайны происхождения человека, тайны живой души, спускавшейся «нерожденной» из сверхчувственно-духовных миров. Человек познавал мистерию рождения непосредственно через духовные откровения древних времен. Человек учился прозревать в древнем ясновидческом познании то, что предчувствовал уже и благодаря своему инстинктивному ясновидению: он познавал, что он «не рождён». Он учился видеть благодаря науке посвящения прошлую судьбу своей духовной души до её схождения в физический мир. В древние времена людей посвящали в мистерии рождения, и хотя в школах мистерий эти познания облекались в известные обряды, в культовые священнодействия, которые в некотором роде должны были пророчески возвещать о том, что должно было свершиться через Мистерию Голгофы, – это всё же было не то, что впоследствии познавал человек через и после Мистерии Голгофы. До Мистерии Голгофы человек совсем иначе относился к смерти, чем позднее. Он знал, что он не рождён, что он наделён живой душой, что в нём она была до того, как он сошёл в физический мир. Он понимал, что эта живая душа не погибает со смертью. Он ещё не говорил себе: «Со смертью погибнет и моя душа». Он знал, что его душа живая.

Но по мере того, как приближалось время всё большего и большего омертвления мышления, в которое из духовного мира в виде трупа спускалось абстрактное мышление, по мере того, как человеку становилось ясно, – и это приобретало для него всё большее значение, – что внешний человек умирает, люди находили утешение в совершавшемся культе, возвещавшем Мистерию Голгофы. Они тогда говорили себе: «Боги, а стало быть, и божественные человеческие души, не могут умереть, они должны воскреснуть.» Это было возвещённое культом утешение, но это не было знанием. Знание переступило пределы смерти лишь после Мистерии Голгофы.

Раньше же люди обращали взор к древним духовным Учителям, которые сходили к ним из духовных миров. Как бы парадоксально это ни звучало для современного человека, но на основании данных духовной науки посвящения должно быть сказано, что эти духовные Учителя, жившие в сверхчувственных мирах, спускались лишь тогда, когда люди открывали им свои души. Эти духовные существа жили в духовном мире, в божественном мире и спускались к людям лишь в качестве Учителей, но они не были причастны к человеческим судьбам, и Мистерия Голгофы была им не ведома.

В этом сама по себе заключена значительная мистерия, что люди в совсем древние времена воспринимали учение из высших миров о тайне рождения, но не о тайне смерти. От душ, которые проходили через рождение, люди узнавали о мистерии рождения. И когда первые христианские посвящённые смогли воспринять Мистирию Голгофы, они познали то, чего им не могла дать никакая мистериальная древняя Мудрость: они узнали, что в тех мирах, откуда им возвещалась древняя Мудрость, духовные Учителя не обладали никаким познанием в отношении смерти потому, что ни одно из этих существ не испытало человеческой судьбы и само не претерпело смерти. Эти божественные духовные Учителя человечества владели тайной рождения, но не смерти.

Отпав от божественного промысла, человеческое мышление так омертвело, что люди жили в страхе перед тем, что вместе со смертью их тел одновременно умрут и их души. И в Царстве Богов было решено послать на Землю Бога с тем, чтобы Он как человек претерпел смерть и приобщил к Божественной Мудрости познание смерти. Это именно и раскрывается через интуитивное познание Мистерии Голгофы – именно то, что эта Мистерия была событием не только в человеческом развитии, но и в жизни Богов.

Боги, поучавшие людей раннее только тайнам рождения, понимали, что Земля постепенно лишается тех сил, которые они, Боги, сами в неё вложили, и что людским душам грозит смерть. Поэтому Боги послали на Землю Христа, чтобы Он познал человеческую смерть и Своей Божественной Силой поправил эту смерть. В этом и заключается божественное свершение: Боги ради своих собственных судеб ввели в эволюцию Космоса Мистирию Голгофы как божественное событие. Ради самих себя Боги допустили свершение Мистерии Голгофы. Если раньше все события совершались в божественно-духовных мирах, то теперь Бог сошёл на Землю и на Земле свершилось сверхземное событие, принявшее земной образ. То, что произошло на Голгофе, было, таким образом, духовным событием, перенесённым на Землю. Именно об этом значительном факте христианства люди узнают благодаря современной науке посвящения.

И теперь, когда человек взирает на Мистирию Голгофы и видит, какое участие принимает Божественное в развитии Земли, когда он понимает, **что** тогда свершилось для Земли, для земной судьбы, тогда ему открываются вещи, касающиеся Богов. Пока он в своей деятельности связан с земной жизнью, он учится вырабатывать в себе те познания и свойства, которые

касаются Земли и человека. А до тех пор человек обладает лишь малыми силами, которых не хватает для преодоления усилившегося Я. Когда же человек выходит из области чисто земного и человеческого к познанию и постижению Мистерии Голгофы, тогда он и соприкасается со сверхземным, что не может быть понято земным рассудком, для чего требуется разумение, превосходящее всё земное.

Таким образом, только благодаря указаниям науки посвящения мы можем взглянуть на свершившееся в пределах земного бытия событие Голгофы как на фактор, введённый в развитие Земли: одновременно и как космическое, и как земное начало. Благодаря этому человек может в самом себе найти силу познания, которое действительно может его привести к утверждению: «Да, благодаря земным человеческий силам я беру от Земли всё, что она дает моему человеческому Я. Если же я взираю на Мистерию Голгофы, я воспринимаю нечто, что возносит меня над этой Землёй, что зажигает во мне жизнь, которая иначе бы не зажглась. Склоняясь перед Мистерией Голгофы, я воспринимаю сверхчувственное. Я постигаю, что человечество должно по-новому овладеть внутренней жизнью и познанием по сравнению с древностью, когда люди владели ещё живым мышлением, и я постигаю, что теперь такое мышление, такое познание человек может получить только благодаря Мистерии Голгофы, через которую он постигает своё мёртвое мышление, которое он сознательно вводит в сверхчувственное бытие. Он может теперь сказать: «Не я, но Христос во мне делает меня действительно живым после Мистерии Голгофы».

К такому утверждению человека и может привести современная наука посвящения, современная Антропософия. Если мы сами получили это побуждение современной науки посвящения, то увидим, как из него народится не антирелигиозная, а углублённая религиозная жизнь человека, притом, что мы будем сознательно познавать то, что унаследовано от древних времён. И благодаря духовнонаучному познанию Мистерии Голгофы человек освободится от всех сомнений, которые ныне так сильны в религиозной жизни, в преподавании внешней науки. Благодаря последней мы во всяком случае стали свободными людьми. Она, с одной стороны, достигла величайших внешних успехов, но, с другой стороны, поселяет в сердце человека понятные сомнения в отношении религиозного осмысления и познания его сверхчувственной сущности. Антропософия ставит себе задачей избавить человечество, человеческую душу от

горчайших сомнений, насаждаемых в эту душу внешней наукой, ибо Антропософия из духа самой этой внешней науки стремится преодолеть то, чего сама наука преодолеть не в состоянии.

Антропософская наука сможет поистине вновь возродить в человеческой душе религиозную жизнь. Она не только не содействует умерщвлению религиозного сознания, но она вводит в человеческое развитие силы и познание, благодаря которым в человеке рождается религиозное осмысление всего, и человек по-новому понимает христианство через познание Мистерии Голгофы, которая, по существу, лишь теперь, благодаря Антропософии, может быть правильно понята и принята человеком.

Благодаря тому, что в человеке не только оживает старая религиозная жизнь, но и зарождается новое религиозное понимание, – благодаря познанию на пути Антропософии, – можно сказать, что Антропософия ни в коем случае не стремится стать некой сектой. Она не стремится к этому, как и любая другая наука. Антропософия не только не хочет учреждать новых сект, она хочет быть слугой уже существующих религий и в этом смысле – обновительницей христианства. Тем самым она хочет стать не только хранительницей древней религиозной мудрости, не только считает своим призванием продолжать и развивать древнюю религиозную жизнь, – она хочет содействовать не только оживлению, но и воскрешению религиозной жизни, ибо эта религиозная жизнь оказалась чрезмерно подавленной современной цивилизацией. Поэтому Антропософия хочет быть вестником любви и не только оживить древнюю религиозную жизнь, но и побудить к воскрешению внутреннего религиозного познания человечества.

Одиннадцатая лекция

Троичное Солнце и воскресший Христос

Лондон, 24 апреля 1922 г.

В наше время в высшей степени необходимо, чтобы некоторое число людей знали, в какой стадии развития находится современное человечество и каковы пути, которые могли бы спасти нашу цивилизацию от гибели.

Потому что, – я хочу сегодня говорить с вами на антропософском языке, – те духовные силы, которые мы называем ариманическими и которые заключают в себе все материалистические помыслы и дела людей, – эти ариманические силы стремятся приковать людей к земле через голый интеллектуализм. Эти ариманические существа в наше время очень сильны и стремятся любыми средствами пробить себе доступ в человеческие души, чтобы ввести их в соблазн чисто интеллектуалистических мировоззрений. Поэтому-то известное число людей должно знать, каким должно быть развитие земного человечества, с тем, чтобы земное человечество достигло своей человеческой цели.

Для этого нужно, однако, оглянуться несколько назад, на прошлое развитие человечества. Мы могли бы обратиться к более древним временам, однако сегодня нам нужно только вернуться к трём-четырёх тысячелетиям, предшествующим Мистерии Голгофы, и затем с известной точки зрения проследить развитие человечества вплоть до наших дней.

В те давние времена, о которых я хочу, прежде всего, поговорить, на Востоке, в Азии выросла культура, которую я в своей книге «Тайноведение» назвал древнеперсидской. Учителем человечества во время этой древнеперсидской культуры был Заратустра, Зороастр. Это не тот Заратустра, о котором повествует история и который жил несколько позднее. Это гораздо более древний Учитель человечества. Но в те древние времена часто было обычаем, что ученики какого-либо высоко посвящённого Учителя ещё долго носили его имя. Так человек, носящий имя Заратустры в истории – последний ученик великого Заратустры.

Заратустра был совершенно особенным путём посвящён в тайны бытия и мог в качестве высокого и выдающегося посвящённого поучать тогдашнее человечество. Благодаря своему посвящению Заратустра знал, что в том месте пространства, на которое мы смотрим, когда видим Солнце,

живёт Великий Всеобщий Мировой Дух. Заратустра вообще воспринимал сначала не физическое Солнце, нет, в том месте, где мы сегодня с помощью нашего обычного сознания видим физическое Солнце, он видел Великого Всеобщего Духа, Мирового Духа. И этот Великий Всеобщий Мировой Дух оказывал на Заратустру совершенно особое духовное влияние, и благодаря этому Заратустра знал, что вместе со светом и блеском и солнечными лучами изливаются на Землю также лучи духовной благодати, которые возжигают в душе, в духе человека его высшую сущность, к которой человек должен подняться.

В те древние времена посвящённых называли не внешними именами, но теми, которые им подобало в зависимости от их познаний. Так и этого великого посвящённого его ученики называли Заратустрой, Зороастром, то есть сияющей Звездой. Под этим именем понималось Излучающее Божество, посылающее на Землю Лучи Премудрости. По сравнению с позднейшими посвящёнными Заратустра получил более высокое посвящение. Ибо в Том, Что видел Заратустра как Духовное Мировое Солнце, заключались все те силы, которые заставляют на Земле затвердевать камни, которые заставляют растения прорасти из ростков, которые расселяют по Земле различные породы зверей, благодаря которым растёт и созревает человек! Заратустра – излучающая Звезда, – знал, что всё, что ни совершается на Земле, происходит благодаря силам Солнца, которое он воспринимал как духовное существо.

Затем позднее пришло время, когда уже невозможно было столь глубоко проникать в тайны Мироздания. Наступила эпоха, которую я назвал в своём «Тайноведении» халдейско-египетской культурой. И в эту эпоху люди взирали к Солнцу, но видели они уже не Излучающее, а лишь Святящее, лишь Блещущее Существо. И Бог, земным представителем которого был Бог Озирис, – и был собственно, тем блещущим и вращающимся вокруг Земли Солнцем. И вследствие того, что человек уже не мог, как посвящённый древних времён, с полной ясностью, с полной внутренней ясностью видеть излучающегося Мирового Бога, но воспринимал скорее то, что исходило из изначальных, астральных сил Солнца, – некоторые тайны оказались для человека утраченными.

Заратустра ещё видел в Солнце Существо, он был в состоянии в те времена воспринимать Солнце как Существо. Египтяне, халдейские посвящённые уже видели в Солнце только силы, исходящие на Землю в виде сил света, сил движения. Они воспринимали нечто уже более низкого

порядка, чем Солнечную Сущность, – они видели уже деяния, духовные деяния, а не Существ, и того, кто представлял собой те силы Солнца, которые несёт в себе человек, эти древние египетские посвященные именовали Озирисом.

Когда же мы перейдём в греческой эпохе, т.е., к VIII-VII-VI и так далее столетиям до Мистерии Голгофы, то мы увидим, что тогда уже не воспринимались солнечные тайны, тогда воспринимали лишь воздействие Солнца в окружении Земли. Да, тогда видели воздействие Солнца в эфире, заполняющем пространство вокруг Земли. И то, что простирается как эфир вокруг Земли, чем проникнут и человек, это греческие посвящённые, не народ, а лишь посвящённые называли Зевсом.

Итак, существовала в культурном развитии человечества ступень, когда посвящённые видели в Солнце божественно-духовное Существо, затем последовала ступень, позволявшая посвящённым видеть в Солнце силы, действовавшие с Солнца, и, наконец, третья ступень, когда посвящённые воспринимали воздействия Солнечного Существа.

Видите ли, учение об этих трёх Ипостасях Солнца – Заратустры, Озириса и Пифагора, Анаксагора, – эти три Солнечных Ипостаси в более позднее время были ведомы одному человеку, который так близко подошёл к посвящению, как это только было возможно в те времена. Эти Ипостаси не путём откровения, но как учение, как традиции, передававшиеся через мистериальные школы – знал Юлиан Апостат. И это учение о троичности Солнечных Ипостасей настолько поразило Юлиана Апостата, что по сравнению с ним всё, что несло с собой христианство, казалось ему менее значительным. Он ещё до какой-то степени познал то несказанное великолепие, которое было открыто Заратустре, он что-то ещё знал о той действенности огня, света, всех тех космически-химических сил, космических жизненных сил, – обо всём, что когда-то воспринималось в древних мистериях и о чём ему было известно только из традиции. Он почитал это учение столь величественным, столь могущественным, что не мог принять христианства. Но он поставил себе другую задачу: он хотел, чтобы древние мистерии, в которые он до некоторой степени был посвящён, сделать достоянием всего человечества. Поэтому-то против него и был отточен тот кинжал, который стал причиной его насильственной смерти. И этот удар кинжала был нанесён рукой одной из тех личностей, которые в те древ⁰⁰_{1F}ние времена считали непозволительным сообщать всему че⁰⁰_{1F}ловечеству высокие мистерии. Этот кинжал был направлен одним из тех людей, которые считали, что в эту

эпоху должны были говорить о Солнце так, как было принято говорить среди простых, непосвящённых людей.

Юлиан Апостат говорил, что существует три солнечных аспекта: один – аспект земного эфира, другой, стоящий за ним – аспект небесного света и химических сил тепла, огня и жизни и, наконец, – аспект совершенно духовного Существа. Поэтому он и был устранён. –

Действительно, нужно признать, что в те дни человеческое развитие находилось на стадии, когда человек ещё не достиг зрелости, необходимой для восприятия столь значительных истин. Но наряду с этим мы можем понять и нечто другое, нечто в высшей степени значительное. В греческую внешнюю экзотерическую культуру перешло много из того, что содержалось в этом троичном учении Заратустры, Анаксагора о Духовном Солнце, об элементарном Солнце, о Земле, о солнечном земном эфире. Потому-то у нас и есть столь высокое греческое искусство, столь высокая греческая философия, что были такие философы, как Платон, Аристотель, что в эти личности воплотилось многое из той древней Мудрости.

Но тогда уже наступило время, когда истины инициации недостаточно строго охранялись от профанации. И случилось так, что многое из мистериальной мудрости перешло к выдающимся римлянам, то есть к римским цезарям, к могущественным вождям римского народа.

Август был единственным, кто сумел оценить всё, переданное ему как мудрость посвящения. Поэтому в римской культуре и невозможно было, как в греческом искусстве, греческой мудрости, признать некое эзотерическое содержание, которое при правильном понимании восходило к древнейшим учениям посвящения. Так случилось, что земная полуварварская римская цивилизация всецело переняла лишь внешний блеск греческой культуры, сами же римляне были не в состоянии передать потомству то, что жило в греческой культуре, в её истинной сущности. Поэтому Рим и не смог уже связать ту древнюю культуру с зарождающимся христианством, исходящим из понимания Мистерии Голгофы.

Когда высказываются слова, подобные тем, что я только что привёл, их не следует понимать ни как осуждение, ни как критику, ибо всё, что случилось, было необходимо для развития человека. Но вместе с тем нужно отдавать себе полный отчёт в том, что, собственно, древние истины посвящения не могли быть переданы Западу римлянами, бывшими не в состоянии оценить науку посвящения, и что мы, люди обычного сознания нашего времени, отделены от святых истин древности именно

Римом, пониманию которого были совершенно недоступны эти истины, вследствие чего случилось, что некая личность, бывшая порождением римской культуры, возглавила гонения на последних греческих философов, которые все и бежали на Восток.

Всё это я вам рассказываю по той причине, что это нам понадобится для различных моих дальнейших рассмотрений – понадобится хотя бы мимолётно вернуться к тому древнему времени, когда древние духовные Учителя могли взирать на звёздное небо и воспринимали на небе троичное Солнце. От этого знания к потомству не перешло ничего, кроме символа, которым напечатлена трёхъярусная папская митра (тиара). Внешность осталась, а содержание её утрачено, и только новая наука посвящения может позволить снова обозреть те древние времена. Это новое посвящение, о котором должна говорить Антропософия, может нам позволить снова взглянуть в те древние эпохи человеческого развития, когда посвящённые воспринимали в самом Солнце всё, что они хотели знать о тайнах человеческого развития на Земле.

И когда ученики древних посвящённых взирали на Мироздание и говорили о том, что живёт вне Земли в воздействиях Солнца и в самом Солнце, в великом заратустрианском Духовном Существо Солнца, – то эти древние посвящённые подразумевали, по сути, именно Того, Кого впоследствии называли Христом. Так что поистине можно сказать, что древние посвящённые видели в Космосе, за пределами Земли, и именно в Космосе, явленном Солнцем, Самого Христа.

И основная мощь Мистерии Голгофы заключается не в учении о Христе. Этими познаниями обладали и древние посвящённые, с той лишь разницей, что они знали Христа, живущего не на Земле, но в земных силах Солнца. И совершенно неправильно думать, что древние посвящённые не говорили о Сущности Христа. Это также относится к одной из тех истин, которые утрачены человечеством, – что до Мистерии Голгофы всегда говорилось о Христе, но благодаря такому видению они учились воспринимать Духовные Существа, подобно Заратустре, видевшему Христа в качестве высокого Солнечного Духа.

Благодаря этому видению ученики приобретали способность видеть и других существ различных Иерархий; мы должны ясно представить себе, что духовный язык, к которому прибегало духовное существо, спустившееся из духовных высот и поучавшее посвящённых, был именно тем языком, на

котором в древности можно было поучать людей.

В древние времена у людей были Божественные Учителя, таким Божественным Учителем был также и Христос, поучавший людей после своего воскресения. Но Он мог сообщать людям истины, которых не сообщали посвящённым древние Учителя. Древние Божественные Учителя много могли сообщить людям о тайнах рождения, но они ничего не сообщали им о тайнах смерти, ибо в Божественном Мире ещё никто не претерпевал смерти. В том мире, из которого к посвящённым опускались Божественные Учителя, не было существ, переживших смерть. Смерть могли пережить только люди на Земле, Боги же взирали вниз на людей, но смерть им была знакома, по существу, лишь внешне.

Христос познал смерть на Земле, при этом Он не являлся как временное откровение в образе человека, как это имело место с древними Учителями, - нет, Христос познал смерть благодаря тому, что Он как Бог жил, подобно человеческой душе, на Земле в физическом теле. Он действительно познал смерть! Он претерпел смерть! И Он познал и ещё нечто большее! Если бы Христос прошёл только весь путь от крещения Иоаннова на Иордане вплоть до распятия и смерти на кресте, Он ещё не мог бы говорить своим посвящённым ученикам о тех тайнах, в которые посвящал Он их после своего воскресения. Потому что, видите ли, для тех Божественных Учителей, которые могли сходить на Землю, и для Учителей древних посвящений не существовало никаких тайн на всём белом свете, кроме тайн, содержащихся в недрах Земли. Они знали, что внутри Земли царят духовные существа иного порядка, чем те, что спускались к людям до Мистерии Голгофы. Их знали, например, греки и называли их титанами в своей мифологии. Но первым из Верхних Богов, которому открылось внутреннее царство Земли, потому что Он был погружён в него, был Христос. Очень важно, что Христос открыл для познания Верхних Богов область, которая ранее была им неведома.

И эту тайну, что Боги так совершают развитие, эту-то тайну и поведал Христос своим посвящённым ученикам после своего воскресения. И **эту тайну** познал и апостол Павел на пути в Дамаск. Апостол Павел был глубоко потрясён именно тем познанием, что отныне с силами Земли связана Сила, бывшая раньше только на Солнце.

В чём же было дело? Почему апостол Павел, будучи Савлом, преследовал приверженцев Христа? - В том-то и было дело, что апостол Павел, будучи Савлом, был посвящен в

халдейские мистерии, из которых ему было известно, что Христос живёт только во внешнем Космосе, и он был убеждён, что люди, утверждавшие, что Он живёт на Земле, совершает ошибку. И когда апостол Павел пережил просветление на пути в Дамаск, он прежде всего узнал, что ошибался-то он, ибо он верил в то, что было истинным прежде, раньше. То же, что было истинным раньше, изменилось: Тот, Кто жил только на Солнце, сошёл на Землю и с тех пор продолжает жить в силах Земли.

Так Мистерия Голгофы для тех, кто оповещал о ней людей, была не только земным событием, но и событием космическим, мировым событием, о котором в первые времена по Р.Х. истинно посвящённые поучали следующим образом.

*Эти первые христианские посвящённые были посвящены в такие глубокие тайны, что они знали: **Христос, представляющий Существо, прошедшее в начале нашего летоисчисления через Мистерию Голгофы, спустился на Солнце, где Его лицезрел Заратустра, с ещё больших высот. Потом Его Сила перешла в Солнечные Лучи, в которых Его воспринимали египетские посвящённые. Ещё позднее Его Сила жила в окружении Земли, и здесь Он был доступен восприятию греческих посвящённых. Теперь же Его нужно воспринимать в том облике, каким Он являлся и жил среди людей, воплощённым в земное тело, чтобы представить себе истинный образ Воскресшего, Того, Кто познал тайну Земли и Кто может постепенно включить эту тайну в человеческое развитие.***

Это эзотерическое учение – христианство – в необычайно проникновенных словах было в первое столетие по Р.Х. заключено и хранилось в сокровенных школах, всё более распространяясь с Востока, но в полнейшей тайне. Такое эзотерическое христианское учение действительно существовало. И первые отцы церкви ещё знали кое-что об этом, но, с другой стороны, они же и были свидетелями наступления Рима. Это мощное столкновение первых христианских импульсов с антидуховным Римом было куда более сокрушительным, чем это зафиксировано нынешней историей. И Рим набросил своего рода внешний покров на глубочайшие тайны христианства.

В наши дни люди с обычным сознанием, по существу, не представляют себе соотношение древнейшего человечества и мировых сил. Когда древний человек III-IV-V-го тысячелетий,

принимал в пищу то или иное вещество, он тогда знал и то, как это вещество продолжает действовать в его теле и какие космические силы проникают в него и проявляются в нём.

Как, например, учил своих учеников Заратустра? Он говорил им: «Вы употребляете в пищу плоды полей. Плоды эти освещаются Солнцем, а в Солнце живёт высокое Духовное Существо. Извне, из Космоса Сила высокого Солнечного Существа в лучах проникает в плоды полей. Вы едите плоды полей, едите то, что растворяет в вас материю. Солнце проявляется в вас. Вкушайте в особо торжественные дни пищу, изготовленную из плодов полей. Исполнитесь Духовными Силами Солнца. Медитируйте о том, что Солнце содержится в этой вашей пище, медитируйте об этом, пока кусочек хлеба не станет излучаться, и, съедая его, сознавайте: из далекого Мироздания в вас проник Солнечный Дух и поселился в вас.»

От всего этого осталась только одна внешность. Люди едят хлеб во время причастия. И люди, стремящиеся распространить и закрепить эти чисто внешние обряды в том смысле, как это внёс Рим в христианство, – они же яростнее всех борются с пониманием Космической Мудрости христианства. Это те же люди, до которых меньше всего доходят учения апостола Павла, ибо апостол Павел просто увидел ту излучающую Силу, исходящую из облаков Силу Солнца, сверхтелесное Существо Христа, сошедшее благодаря Мистерии Голгофы в Землю, Космическое Божество, соединённое с силами Земли.

В первые три-четыре века по Р.Х. многое было известно из этих великих тайн. Потом внешнее познание мира усилилось так, что даже из свидетельств, проникнувших в более поздние времена, уже нельзя было себе представить, насколько высокодуховным было понимание Мистерии Голгофы в первые века христианского летоисчисления. Ныне же наступило время, когда человечеству во что бы то ни стало необходимо снова вспомнить и вернуться к тому духовному пониманию христианства, которое отличало первые христианские века.

Со времени тех послехристианских веков человек проделал развитие, наделившее его высокой земной мудростью. И благодаря этому он стал свободным существом. Даже сами древние посвящённые ещё не были свободными, ибо их глубочайшими волевыми действиями руководили Божества.

Свободным можно стать только благодаря этой особой высокой Мудрости. И в ближайшие времена во всё большей степени человечество благодаря этой Мудрости в то же время будет подпадать всё сильнее власти антибожественных,

антихристианских сил. Я называл эти силы ариманическими.

Мы обладаем высокоразвитой наукой, но она не пронизана христианством. Мы рассуждаем о природе, и при этом никто не считает нужным пронизать естествознание христианством. Естествознание должно стать христианским, иначе будет утрачено всё, в чём человек нуждается из Космоса.

В древние времена люди были ещё восприимчивее, в них ещё жило это понимание через обычную пищу, которую употреблял человек. Но постепенно людям становилась всё более и более чуждой космическая жизнь. В эпоху ранней египетско-халдейской культуры древние посвящённые ещё могли говорить о силах Богов, о силах, проникающих в растения, в камни. Поэтому-то в это время возникла наука врачевания, медицина. Наиболее действенное в этой науке восходит и поныне к тем древним временам, – только этого не знают. Но мы и в этой области должны вернуться к тем источникам; мы должны создать медицину, которой доступны более глубокие силы человеческого существа. Эту задачу надлежит разрешить новой науке посвящения – Антропософии, которая стремится удовлетворить современные требования человека.

В 1899 г. завершён темный период человеческой истории, как его называли пророки.

Вы окружены духовным миром, который может вам открыться. Это доступно нам, и наша задача – лишь внять этому откровению. На это Антропософия и хотела бы указать, человечеству. Дело Антропософии – не только дело человеческое, но и дело всего мира.

Когда сообщаешь отдельные подробности, конкретные данные науки посвящения, нужно быть готовым к тому, что те или иные высказывания подвергнутся насмешкам. Однако именно исходя из того, что я сегодня сказал во вступлении о том, в чём мы, люди, нуждаемся, из всего, что известно некоторым людям на основании науки посвящения, должно одновременно также следовать, как необходимое, чтобы мы не парили в облаках, в каких-то общих представлениях, но чтобы мы эти наши представления и познания действительно оживляли, действительно внедряя их в нашу человеческую жизнь. А это случится лишь тогда, когда мы и о жизни будем говорить в духе истинных жизненных сил. По этому поводу я хотел бы рассказать следующее.

В период одного из последних крестовых доходов в одном итальянском монастыре жил молодой монах. Он был необычайно одарён. Ему были доступны познания,

сообщавшиеся не через писания, а по традиции, восходившей к древним христианским временам и передававшейся из уст в уста и хранившейся в некоторых монастырях. Эти предания сообщались старейшим монахом более молодому в какой-нибудь тихий одинокий час, и именно такими образом узнал многое и наш монах.

Впоследствии он присоединился к одному из позднейших крестовых походов и то ли в Палестине, то ли на ближнем Востоке заболел и в лечебнице узнал одного монаха, посвящённого в древние тайны христианства. В нём пробудилась жажда найти и познать более глубокие мистерии христианства. И вот там-то на Востоке этот молодой монах умер. И вот он снова родился уже в наше время и воплотился в человека, в котором жили силы того раннего воплощения, весьма своеобразно проявившиеся.

Как я уже сказал, над такими сообщениями люди могут смеяться, а вместе с тем в наше время в высшей степени необходимо говорить о таких конкретных вещах. Когда-нибудь люди придут к пониманию, что о подобных вещах, полученных в результате духовного исследования, можно говорить как об исторических фактах, подобно данным внешней науки. Этот человек известен под именем кардинала Ньюмена. Проследите его жизнь, начиная с юных лет, его познания, всё, что он высказывал, и вы увидите, какая в нём жила сильная личность, исполненная совсем иным духом христианства, чем христианство, исповедовавшееся в его окружении, и вы поймёте, почему эта личность хотела освободиться от интеллектуалистического толкования христианства, почему ей грезилось совершенно иное сознание, которым были наделены первые ученики воскресшего Христа на Земле. А когда затем вы проследите дальнейшую жизнь этой личности, когда вы узнаете слова, произнесённые кардиналом Ньюменом при своем посвящении в сан кардинала, а именно: «Нет спасения для религии, если не будет нового откровения», – когда вы всё это узнаете, вам будут понятны его искания, его жажда, коренящаяся в его прежней земной жизни. Человек чувствовал прорывающиеся силы, о которых я говорил во второй части лекции, он предчувствовал возможность появления новой науки посвящения путём особых упражнений и благодаря этому возможность нового откровения. Однако в отношении своих христианских воззрений он не пошёл дальше известного традиционализма. Мне нет необходимости вам рассказывать, чем он кончил, вы можете сами прочитать в вашей стране о кардинале Ньюмене. Он стремился выйти из тьмы к свету и

кружил на одном месте в тумане. Углублённое изучение его существа показывает, что он не был в этом повинен, что он оказался жертвой своего времени, жертвой сил, которые я назвал ариманическими. Эти силы подступили к нему с необычайно силой и завладели его мышлением, которое утратило способность свободно развиваться к духовному познанию. Тот, кто хочет в наши дни свободно развиваться в познании, должен порвать связь своих мыслительных сил с мозгом.

Ариман достигает своих огромных успехов, сокращая вторую половину человеческой жизни между смертью и новым рождением. Нам ведь известно, что между смертью и новым рождением проходит известный срок. И это время, изображённое в моих мистериальных Драмах, состоит из двух половин. Всё, что совершается после того, что я назвал Великой Мировой Полночью, есть вторая часть. И эту вторую часть, начиная с середины и вплоть до рождения, Ариман стремится сократить. Благодаря этому он цепкой хваткой, с необычайной энергией завладевает человеческим мозгом и его мыслительной силой. Он в некотором роде врубается в мозг. Ариман стремится всё крепче и крепче привязать людей к земле, приковать их к ней. Именно таким образом ариманические силы всё сильнее воздействуют на человека и всё больше и больше стремятся связать мыслительную силу человека – в смысле духовном – с земной жизнью. Люди теперь рождаются на одно-два столетия раньше, чем следовало бы.

И это должно быть преодолено огромными усилиями.

Именно в то время, когда у церковного кормила стоял кардинал Ньюмен, ему не удалось, несмотря на его огромную энергию, в достаточной степени освободить свою мыслительную силу, – иначе он не только говорил бы о том, что должно наступить, иначе он нашёл бы пути к новому откровению. Когда мы хотим указать на то, что должно людей привести к новой жизни, когда мы говорим о духовности, о спиритуальности, мы должны иметь в виду такие личности, как кардинал Ньюмен. Потому что именно благодаря такой спиритуальности людям снова станет понятна Мистерия Голгофы в том смысле, как я об этом рассказывал, – люди смогут подойти к ней всем своим существом и проникнуться ею до глубочайшего осознания. Я хотел здесь привести, в качестве примера кардинала Ньюмена, ибо на таких трагических судьбах людей и можно познать то, что нужно человечеству. В вашей стране можно многому научиться в этом смысле. Поэтому-то именно в этой стране должно быть осознано, как

внутренняя необходимость, снова подвести человечество к познанию той духовной жизни, того духовного познания, из которого ариманические силы вырвали кардинала Ньюмена, – для того, чтобы наша культура была спасена от гибели. Нужно также сказать, что из таких примеров, из познания таких конкретных обстоятельств и вытекает, как идеал, необходимость сделать как можно больше для развития духовной жизни человечества. Это единственная возможность.

Нам следует очень ясно осознать, что ариманические силы очень сильны. Свидетельства, которые хочет привести Антропософия, встречают весьма сильных врагов, инспирированных ариманическими силами. И их воздействия всё больше и больше усиливаются!

Я хотел вам об этом сказать именно сегодня, чтобы вы не удивлялись тому, что то, что хочет вступить в мир как Антропософское движение, должно будет преодолевать всё более страшные силы, враждебные силы. Наша борьба и должна быть до известной степени результатом понимания намерений Антропософского движения и нашей настороженности по отношению к страшным, предательским нападениям врагов Антропософии, стремящихся её подавить.

Однако, как бы сильны не были эти нападки, не менее сильной будет и сила самого человека, порождённая положительным началом собственной его энергии. Антропософское движение должно быть поставлено перед миром со всей честностью и ясностью, независимо от того, что многие усомнятся в том, что в действительности насаждает Антропософия. Конечно, я желал бы, чтобы нашлось много людей, которые нашли бы в себе силу, несмотря на искажения и замутнения, которые будут выдвинуты против Антропософского движения, – отстаивать эту позитивную спиритуальность в мире, именно путём неуклонного внедрения духовного в жизнь. А это в то же время означает, что Антропософия – это необходимость человеческого развития.

И если мы, согласно относительно внутреннего характера существа Антропософии и её значения для нашего времени, если мы в этом взаимопонимании сблизимся, – значит, наши встречи, которых нам пришлось дожидаться долгое время, принесли те плоды, которые я, по крайней мере, воспринимаю в своей душе как прекраснейшие плоды.

Будем же душевно вместе в духе этих плодов наших встреч и в мыслях о нашем взаимопонимании, даже и когда мы разойдёмся каждый в свою сторону.

Двенадцатая лекция

Антропософия - стимул христианского просветления мира

Лондон, 11 июня 1922 г.

Сегодняшней лекции я хотел бы предпослать несколько вступительных слов.

Часть наших старейших членов болезненно воспринимают многие перемены, многие преобразования, пережитые внутри нашего Антропософского движения за последние годы. Я хотел бы лишь вкратце указать, в чём выразились эти перемены с точки зрения наших старейших членов.

В течение многих лет мы встречались в таких же кружках, что и сейчас, с той лишь разницей, что нас было гораздо меньше. И в этих кружках мы могли разговаривать именно так, как это возможно, при условии, что членам их близки основные принципы антропософского мышления, антропософского мироощущения. Под этой близостью, под этим знакомством я не подразумеваю никаких определённых представлений или догматов, – нет, эта близость основывалась и основывается на том, что люди, собиравшиеся в рамках Антропософского движения в более или менее малочисленных кружках, были движимы духовной жаждой, сердечным стремлением получить доступ в духовный мир. В этом и заключается сущность эзотерических бесед, что условием таких собраний служит указанное стремление слушателей. Даже когда в прежние годы установились так называемые открытые лекции, они организовывались с таким расчётом, чтобы хотя бы в известном отношении соблюдался эзотерический характер собрания. Конечно же, на открытой лекции приходилось прибегать к мыслительным и языковым формам нашего времени, в том виде, как они присущи нашей эпохе, однако наши старейшие члены всё же чувствовали, что и на расширенных собраниях дело шло о продолжении обсуждений, начатых в эзотерических кругах.

Сегодня же все эти старейшие члены Антропософского движения, приходя на наши расширенные собрания, чувствуют, хотя бы и не совсем основательно, что теперь говорится на другом языке, чем раньше. То, что раньше высказывалось, я бы сказал, эзотерически-элементарно, теперь облекается в формы современной научной мысли. И мне прекрасно известно, что среди старейших наших членов

многие говорят: «Да, раньше мы подходили к познаниям, к импульсам духовного мира куда быстрее, мы проникали куда быстрее и внутренне правдивее в этот духовный мир, и нас, по сути дела, мало интересует, как духовные достижения, принадлежащие нашей внутренней жизни, могут быть выражены и оправданы мыслительными формулировками.» Многие из них говорят: «Всё это, по сути дела, нас мало интересует.» И тот факт, что Антропософия не остановилась на старых формах, они воспринимают как некую утрату.

Но всё это, однако, не зависело от Антропософского движения. Нужно сказать, что это Антропософское движение – во всяком случае в том, что касается меня, – никогда не стремилось выражать то, что оно считало нужным высказать в такой форме, чтобы каждый воспринимал то, что ему уже и без того известно. Антропософия никогда не искала таким путём популярности. Она не ставила себе такой задачи. Всё, высказываемое Антропософией, с необходимостью вытекало из самого внутреннего характера её сути. И я всегда испытывал удовлетворение, когда люди говорили, что Антропософию ни в коем случае нельзя упрекнуть в том, что она пытается заранее принимать в расчёт предвзятые представления, что она стремится вызывать ложные восторги благодаря различным предрассудкам, на которых она спекулирует. Ибо, по существу, совершенно иное положение имеется в тех кругах, которые действительно стремятся, так или иначе, завоевать популярность.

К тому, что произошло, в действительности никто не стремился. Ибо, несмотря на то, что я часто вынужден был отвечать людям, приходившим ко мне и предлагавшим популяризировать мои теории, что они каждому и без того известны, и что никому не приходится затрачивать много усилий, чтобы понять всё, что мною излагается, и что во всяком случае с моего ведома и по моему желанию никто никогда не стремился создать движение, как это часто бывает, когда люди говорят общеизвестные вещи и тем самым привлекают к себе сторонников, и несмотря на всё это, Антропософское движение за последнее время своего развития распространилось значительно быстрее, чем это можно было бы предполагать от подобного движения. Литература раскупалась мгновенно, и такие трудные книги, как антропософские, почти невозможно найти, так они быстро расходились. Но следствием этого было то, что люди, получая нашу литературу, судили о ней со своей точки зрения. Учёные сравнивали выходящие в свет труды со всем, что они

привыкли рассматривать как строго научные работы. Поэтому и нет ничего удивительного, что возникла необходимость как-то выяснить отношения с наукой. Точно так же, как нет ничего удивительного и в том, что многочисленные наши друзья, получившие высшее образование, ставили своей особой задачей доказать, что в наши дни Антропософия действительно может занять место и оправдать себя перед всем миром во всех областях и на всех ступенях научности. Итак, значит, нынешнее положение было ответом на требования действительности. И если сегодня вы слышите обвинения, облечённые в научную форму, по сравнению с прежними докладами, – то в этом не вина, а судьба Антропософского движения. Этого потребовала сама жизнь. Мы должны были выступать с Антропософией, так сказать, перед большой публикой, а это могло произойти лишь путём выяснения вопросов с ведущими лицами в той или иной области. Дело не сводится к тому, чтобы приблизить Антропософию к науке, – дело в том, чтобы науку пронизать Антропософией. И вот, с другой стороны, мы к величайшему нашему удовлетворению, можем констатировать, что к нам пришли друзья, получившие специальное образование, которые в состоянии и научно обосновать всё, что в зародыше уже содержится в самой Антропософии. Однако вследствие всего этого за последние годы образовался некоторый как бы провал, через который ещё не проложено моста.

Мы всё же не можем утверждать, что среди нас не продолжает жить эзотерическое, когда мы собираемся в более узком кругу. Кто участвовал в наших узких кружках, вправе сказать, что всё, что ранее жило в нашем эзотерическом течении, продолжает жить и теперь. Человек, приезжающий в Дорнах, в особенности может убедиться в том, как духовно обогатилась наша эзотерика. И всё же между тем, что говорится среди людей, непричастных к ней, и содержанием наших эзотерических кругов пролегла пропасть. И эту пропасть мы ещё не в состоянии сгладить, потому что у нас не хватает ни времени, ни сил. С одной стороны, приходится себя посвящать дальнейшему продвижению эзотерических познаний, с другой же стороны, нашим более молодым членам приходится невероятно много работать по разработке антропософского мировоззрения во всех областях специальных наук.

И всё же нужно приложить все возможные силы для переброски моста над этой пропастью, которая создалась между тем, что можно назвать изложением нашего учения

экзотерически во внешних лекциях, и сообщениями и эзотерическими занятиями в более узких кругах. Эта пропасть должна быть выровнена. Она должна быть заполнена, и каждый должен сознавать, что между теми знаниями, которые даются на основе духовных исследований, и всем тем, что изучается в созвучии с внешней наукой, должен быть возведён мост, как только окажутся нужное время и нужные силы внутри нашего движения. Всё это должно дать вам представление о том, как я сам отношусь к положению, создавшемуся в рамках современной деятельности Антропософского Общества.

Я хотел бы сказать: Антропософское движение в известном смысле переросло нас самих, но это опять-таки явление кажущееся, внешнее, и, нужно надеяться, что из среды наших друзей будут всё больше и больше выделяться люди, которые смогут возвести указанный мост.

Я должен был сделать эту предпосылку, ибо и тон, и язык эзотерической лекции должны быть всё же совершенно отличны, во всяком случае по форме, от всего того, что подлежит рассмотрению широкой общественности и должно быть выражено на языке современной культуры. Ибо эзотерическое откровение никак не дошло бы до сердец наших современников, которые вступают в наше движение совершенно неподготовленными. А задача состоит в том, чтобы, не ища популярности, сделать всё же доступной науку Антропософию всем: и тем, кто уже в течение многих лет принимают участие в этом движении, и тем, кто впервые хотят что-либо узнать о ней. Эту задачу мы должны запечатлеть в наших сердцах, потому что каждый человек может, в общем, включиться в наше движение.

А теперь, когда мы перейдём, так сказать, от экзотерического к эзотерическому, я хотел бы именно сегодня поговорить о вещах, близко касающихся наших мероприятий. Я должен сегодня говорить о том, чем могут стать внешняя наука, внешняя физика, внешняя химия, внешняя биология и даже внешняя наука о душе, когда все эти области будут пронизаны Антропософией. Благодаря этому одному будет перекинут мост между познанием и религиозной жизнью человека. Но, погружаясь таким образом в современную жизнь науки, мы, с другой стороны, в некотором смысле утрачиваем связь с тем всё проникающим и всё заполняющим потоком духовного, пронизывающего наш мир. Нам приходится останавливаться на материальных формах жизни, но во всём материальном содержится одновременно и духовное. И

человек не может существовать, не принимая участия в этом духовном, содержащемся в разнообразнейших формах и проявлениях жизни. Сегодня нам надлежит понять, что это духовное хочет играть роль в мире, не только удовлетворяя человеческую жажду в духовном. Нет, это духовное стремится прорваться в наш земной мир совсем из иного мира. Мы должны понять, что всюду, – не только благодаря нам, людям, но и во всём окружающем нас мире, духовном мире, – распахнуты окна, через которые стремится просочиться к нам духовный мир.

В XIX веке всё ещё было по-другому. **Некоторые Духовные Силы, находящиеся за пределами Земли, приняли сверхчеловеческое решение опрокинуть на Землю волну духовной жизни.** Мы должны воспринимать нашу современную историю в том смысле, что люди, желающие принять духовный мир, ныне обладают этой возможностью. Так что задача служить развитию духовного уже сегодня – задача сверхземная, задача целиком принадлежащая духовной жизни. Как в человеке пробуждается тёмное, неосознанное стремление найти хоть какие-нибудь пути к духовному, – так навстречу этому человеческому стремлению (если оно подсказано истинным, правдивым желанием), нисходит и откровение духовных миров, – чего ещё не было в последней трети истёкшего столетия. Если мы можем проникнуться этим чувством, мы найдём и правильное основное отношение к антропософской жизни.

Однако вследствие этого человечество в наши дни стоит перед значительным решением, перед решением, которое должно исходить из сердца каждого человека. Человечество в течение нескольких столетий развивало интеллектуальную жизнь. И эта интеллектуальная жизнь закрыла перед человечеством постепенно духовность. Интеллект – дух, он даже чистейший дух, но в нём уже теперь отсутствует духовное содержание, он делает своим содержанием внешнюю природу, внешнее природное бытие. Итак, интеллект – дух. Но он наполняет себя созерцанием, которое он не может признать духовным.

В этом и состоит величайшая трагедия, современная мировая драма, что человек, взглянув на себя, должен себе сказать: «Развивая интеллектуальную деятельность, я активен духовно и вместе с тем я бессилен заполнить эту мою духовность непосредственным духовным содержанием. Я заполняю эту духовность природным бытием». В наши дни это раздробляет и опустошает человеческую душу. И если мы даже

и не хотим признать этой раздробленности и опустошённости, они всё же царят в духовных областях человеческой души, а в них-то и заключаемся основная беда, основная трагедия нашей эпохи. И если бы мы хотели на привычном нам языке выразить всё, мною высказанное, то мы должны были бы указать на все те духовные силы, которые царят во всей природе, которые и в нас проникают потому, что мы наполняем наш мозг природным бытием. Эти силы мы можем назвать ариманическими. И, таким образом, интеллект подвергается огромной опасности – подчиниться господству ариманических сил.

Пока интеллект только развивался в течение последних веков, пока он ещё не утратил наследия древней духовности, эти ариманические силы не имели такой власти над человеком, как в наши дни. По /внешней/ видимости нас окружает природное бытие, но это только видимость: в этой природе живёт Ариман. И, воспринимая природу и считая, что она подчиняется только нейтральным природным законам, мы в действительности, сами того не ведая, проникаемся духовно-ариманическими силами, теми самыми ариманическими силами, которые поставили себе определённую задачу в рамках мирового бытия, в рамках всего мирового развития.

Ну а когда человек говорит о таких задачах духовных сил, он, естественно, может встать перед вопросом: «Почему же Божественное Мировое Водительство допускает такие силы?» И на это приходится ответить: «Всё, что свершается внутри Земного существа, может быть постигнуто обычным рассудком, если же мы хотим духовнонаучно охватить совершающееся за пределами Земли, мы должны прибегнуть к созерцанию». Мы должны, стало быть, возразить: «Да, эти силы существуют, однако связь их с Божественно-Духовными Силами, относящимися к нашему развитию – факт, который человек, может быть, постигнет лишь в далёком будущем, а может быть, он вообще не поддаётся человеческому постижению; может быть, он будет понятен лишь тем силам, которые относятся к сверхчеловеческим Иерархиям. Так что мы можем только констатировать: да, эти силы существуют, их обнаруживает духовное исследование.»

Задача же этих ариманических сил заключается в следующем: они должны не допустить дальнейшего развития Земли, как я его описал в моём «Тайноведении», как оно должно протекать в духе Божественно-Духовных Сил, с которыми наши человеческие души были связаны изначально.

В моём «Тайноведении» я назвал будущие стадии развития Земли Юпитером и Венерой. Достижению этих стадий

развития и стремятся воспрепятствовать ариманические силы. Под их воздействием Земля должна затвердеть, застыть, Земля должна принять такой облик, такую форму и организацию, что с нею вместе и человек станет только чисто земным человеком, что он в некотором роде затвердеет, закоснеет в земной материальности и будет продолжать жизнь в будущем мире как своего рода скульптурный памятник своего прошлого. Эти силы ставят перед собой известные мировые цели, и эти цели представляются частью их собственных устремлений. Так что Земля не достигла бы своей цели, если бы ариманическими силами удалось победить, и человек отпал бы от своего изначального существа, от тех Сил, которые и положили начало его развитию. Образ человека ещё вполне соответствовал бы его земной стадии, но его внутренняя основа, принадлежащая к неземному, была бы подавлена.

До тех пор, пока наш интеллект, как это было в последние три-четыре столетия, ещё коренился благодаря древнему наследию в духовном, ариманические силы не могли подступиться к человеку. Но всё изменилось с начала XX столетия. Уже древнеиндийская мудрость предвидела эту новую эпоху и установила срок истечения «тёмной эпохи» – Кали-Юги на конец XIX столетия (1899 г.) Под этой новой эпохой подразумевалось не что иное, как освобождение человека от древнего наследия и действительное восприятие нового Света, чистого существа Света, в нашу земную жизнь.

Отчего же человеком может быть утрачен этот духовный Свет? – Оттого, что он не направляет свою волю к восприятию этого Света! Пока в интеллекте ещё царил древнее наследие, это не могло так сильно повредить человеку, как в наши дни. В нашу эпоху человек выработал познание о твёрдом, жидком и газообразном веществах, точно так же, как и об эфирном. И это познание строится на том, что человек рассматривает всё земное, все земные стихии как бездуховные. Однако когда мы имеем перед собой водород, углерод, кислород и т.д. и представляем себе физические законы, которым якобы подчиняются все природные элементы, тут-то как раз и оказывается слабое место, за которое и ухватываются ариманические силы. Мы упускаем из виду, что во всём нашем окружении живет Дух, и поэтому неведомо для нас самих в нас может проскользнуть ариманическое и завладеть как раз тем духовным в нашем окружении, о котором мы ничего не желаем знать.

Мы не должны говорить только о твёрдых элементах, как натрий, кальций и т.д., мы должны считаться с тем духовным,

которое связано со всем твердым, со всем земным. Мы должны были бы сказать так: «То, что мы встречаем во внешнем мире как твёрдое, земное, по своей природе, таково, что оно связано с Духом, при этом с таким Духом, который обладает особой склонностью к множественности, и эта склонность к множественности столь сильна, что мы даже не в состоянии её измерить. Всюду, где мы только видим твёрдое, при условии нашего правильного восприятия, мы видим духовное, представленное множеством разнообразных духовных существ. Древняя инстинктивная Мудрость называла в таких случаях гномов и т.п. существ».

Чтобы никого не шокировать, нам совсем нет надобности придерживаться этих древних выражений, мы вполне можем прибегать к доступному нам ныне языку и, тем не менее, мы всё же должны обращать внимание, как в некоторых областях Земли из каждого комочка материальности перед нашими глазами вспыхивает нечто духовное. А так как сегодня наше обсуждение носит более или менее эзотерический характер, то для простоты мы можем прибегнуть к следующим словам: «Для человека, одарённого в наши дни духовным видением, из каждого комочка земли выскакивают духовные существа, не воплощённые в физические тела, так что человек не может их видеть глазами, но которые могут быть восприняты им духовно. И можно утверждать, что они отличаются такой склонностью к множественности, что из малейшего комочка может выпрыгнуть несметное множество таких существ». Их природа такова, что они почти целиком состоят из того, что действует в силах человеческого рассудка, – это хитрые, умные, чрезмерно и невероятно сообразительные существа. Так что вокруг нас, я бы сказал, царит духовно-живой ум, хитрость, способность более быстрого схватывания, чем аналогичные способности разума и интеллекта, ибо это есть ставшая субстанцией интеллектуальность в любом твёрдом земном элементе. И пока люди не узнают, как связаны и как взаимно действуют эти духовные существа, заключённые в твёрдом земном элементе, не может быть никакой истинной химии.

Антропософия может с пониманием отнестись к тому, что считается в наше время химией, однако истина станет доступна лишь тогда, когда откроются сверхчувственные факты, когда во всём земном люди научатся видеть духовное. Для этого мы должны найти в себе желание и готовность поколебать самые прочные столпы человеческого разумения.

Когда мы имеем перед собой земную стихию, – что бы там ни подлежало подсчёту: когда мы считаем 1,2,3,4... мы

привыкли до четырёх полагать, что мы имеем нечто в сумме четырёх. Те же духовные существа, которые выступают перед нами из земного твёрдого вещества, так падки до множественности, что мы можем попробовать их сосчитать, но... тут же окажется, что их не три или четыре, а уже 7... Всякая арифметика от нас ускользает. Внутри мира, известного человеку, как мир атомистический, он может считать, внутри же мира реального всё проникнуто гораздо большим многообразием и разнообразием: в этом мире всё живёт, и нам приходится убедиться в том, что «высшая интеллигенция» издевается над нашей арифметикой. И тогда мы, с нашим интеллектом, продолжающим сохранять всю свою рассудительность, должны остерегаться легкомыслия, поверхностности мысли, мы должны суметь встретить вставшую перед нами реальность лицом к лицу, с нашим интеллектом. Многие скажут: «Если человек встретится с подобной реальностью, он может сойти с ума!» Поэтому и важно так, чтобы человек, прежде чем войти в соприкосновение с этим миром, в полной мере развил в себе осмотрительность и осторожность и был в состоянии со всей трезвостью судить о земных вещах и обстоятельствах.

Когда вы подумаете, что наша бодрственная жизнь может быть беспорядочной, если мы неправильно спим, если вы поймёте, что всё, переживаемое вами здесь, на Земле, подобно сну, по сравнению с той реальностью, которая встаёт перед нами при вступлении в духовный мир, то вы вынуждены будете признать: человек, не стоящий устойчиво обеими ногами на Земле, предающийся фантастике, занимавшийся спиритизмом и т.п. – вносит болезненный элемент и в духовную жизнь. И тогда, пребывая в духовном мире, он проявляет некое подобие нервозности, которой отличается его поведение в бодрственном состоянии, проистекающей от болезненного сна.

Антропософское движение во всех своих проявлениях целиком пронизано единым гармоническим стремлением: привести человека к оздоровлению, а не к изоляции и невмешательству в полноценную человеческую жизнь между рождением и смертью.

Теперь, когда мы посмотрим на стихию жидкого, мы опять-таки встретим совершенно другого рода духовные свойства. Тогда как наш рассудок сходен с элементарными существами твёрдой стихии, – чувства наши более схожи с элементарными существами жидкой стихии. Нашими ощущениями мы находимся вне вещей. Прекрасное дерево стоит снаружи, я же стою здесь и отделён от него, и тому, что в нём содержится, я

даю влиться в себя. Содержащиеся в жидком элементе элементарные существа пронизывают дерево в самых его соках. Они пронизывают своим восприятием каждый лист. Они не столько воспринимают извне красное или голубое, они внутренне переживают цвет и переносят свои восприятия во всё внутреннее. Вследствие этого, опять-таки, жизнь ощущений этих духовных существ гораздо интенсивнее, чем даже весьма интенсивное рвение, рассудочное рвение в элементарных существах твёрдой стихии.

Точно так же и во всём газообразном содержится известное количество элементарных существ. Чем больше все эти элементарные существа приближаются к газообразной стихии, тем больше они утрачивают жажду к многообразию. Когда мы сталкиваемся с газообразной стихией, у нас уже пропадает чувство, что мы не владеем счётом.

От твёрдого к газообразному элементарные существа всё более начинают стремиться уже к единству. Однако всё ещё очень большое многообразие характеризует элементарных существ воздуха, родственных человеческой воле. С человеческим рассудком /чувством?/ сродни, внутренне сродни элементарные существа жидкой, а с человеческой волей – элементарные существа газообразной, воздушной стихии.

Однако весь этот сонм существ, окружающий нас в камнях, в растениях, животных и физических людях, – весь этот сонм может подойти к нам с откровением, если мы в наши дни проявим волю к постижению духовного, в противном же случае он окажется недоступным нашему сознанию. Если мы не захотим ничего знать о духовном мире, весь этот сонм подпадёт владычеству Аримана и природным духам, и тогда произойдёт союз между Ариманом и природными духами.

Это и есть именно то, что в наши дни парит над нами в духовном мире как первостепеннейшее решение: заключение союза между ариманическими и природными силами. Сейчас, так сказать, находится в работе, в подготовке компромисса между ариманическими властями и природными духами, и воспрепятствовать этому союзу у человека нет никакой иной возможности, как обратившись в познании к духовному миру, – тем самым, познакомиться с природными духами, подобно тому, как люди знакомятся с кислородом, углеродом, водородом и т.п.

Следовательно, наряду с наукой, посвящённой вниманию чувственного, физического, должна быть создана наука о духе. И к этой духовной науке мы должны отнестись с полной серьёзностью.

Когда мы в некоем пантеистическом стиле разглагольствуем о духе, мы ни на йоту к нему не приближаемся, мы должны преодолеть боязливость, которая отстраняет людей от конкретных духовных существ. Куда бы зашло человеческое развитие, если бы народ Ветхого Завета и другие народы не обладали бы мужеством говорить об отдельных духовных существах, а вместо этого в пантеистическом стиле стали бы проповедовать какие-нибудь туманные и расплывчатые представления о некоей всеобщей духовности?

Переход от тех представлений в ходе человеческого развития был создан католической церковью, прибегшей к учреждению святых, почитание которых и стало некоторой исходной точкой для признания духовно-душевного самого человека, находящегося в духовном мире. Введение института святых истолковывается церковью по-своему, но в самом его основании лежит глубокий импульс. Но нужно, однако, развить в себе способность не только в человеке воспринимать нечто такое, что мы в состоянии переносить в духовный мир, но и найти в себе мужество искать дух во всём нашем окружении, подобно тому, как нашими органами восприятия мы исследуем всё природное.

Когда мы этого добьёмся, мы поднимемся к тому, что воспримем свет, как пронизывающую и пульсирующую в мире жизнь, мы поднимемся тогда к существам, которые стремятся к единству и которые как раз соблазняют человека воспринимать всё в мире в единстве. Монотеизм возник из откровения эфирного мира человечеству. Однако, поднимаясь к этому световому существу, к элементарным существам эфира, мы вступаем в другой внешний мир. Но этот мир содержится не только в физическом свете, но и в том духовном, что сходит к нам, как душевное, в каждом солнечном луче; и здесь мы обнаруживаем таких же существ, как и в земной стихии. Но в этих эфирных элементах мы встречаем существ, в которых нет такого стремления приковать человека к земле, как это намерены сделать ариманические силы, которые задерживают развитие земли, – эти эфирные существа не хотят допустить человека до полного познания земного, они хотят задержать развитие человечества, прежде чем Земля достигнет своей цели.

Именно ариманические существа хотели бы растянуть и задержать развитие Земли настолько, насколько это нужно для их целей, но другие существа стремятся к тому, чтобы изначально заложенное в человеке не достигло бы своего

полного развития и задержалось до нужного времени на более ранней стадии, и поэтому они пришли к решению – и это второе решение, с которым мы встречаемся, поднимаясь в высокие сферы, решение: заключить союз между Люцифером и элементарными силами эфирного.

Тогда как Ариман со своими силами может проникнуть в человеческое существо, если человек замыкается перед познанием духовного, Люцифер силами, заключёнными в эфирном, получает доступ в человека, когда человек упускает возможность правильного проникновения в самого себя. Так в наши дни перед человеком выступают враждебные силы сверху и снизу.

А силы, живущие в тепле, переливающиеся в смене лета и зимы, эти, живущие в потоках тепла духи огня, которые живут также и в нашей крови, пронизывающие нас теплом, эти существа служат посредниками между люциферическими и ариманическими элементами.

И именно так происходит круговращение теплового элемента в мире, – только не так нерегулярно, как изображает метеорология, а подобно нашему кровообращению, – образуя средние силы между ариманическими и люциферическими элементами. А мы заключены внутри этого объективного кровообращения, в приливах и отливах духов тепла, мы находимся не только внутри этого волнующегося моря элементарных духов, но и всего элементарного мира. Мы выходим из него только тогда, когда вживаемся полным сознанием в духовный мир. Вжиться в этот мир мы можем лишь при условии, если мы не побоимся действительно непредвзято лицом к лицу встретить духовный мир. А это и встаёт перед нами как огромная трудность в нашей современной стадии Антропософского движения. Тут мы встречаемся в нашем Антропософском движении с обстоятельствами, особенно затрудняющими развитие Антропософии.

Я поясню вам это на конкретном примере, хотя примеры тому могут быть взяты и из любой области.

Сегодня, говоря о чём бы то ни было, например, из области медицины, мы должны высказываться так, как от нас этого требует мир, в созвучии с внешней медицинской наукой. И вот нам приходится говорить, как возникают те или иные болезни, с какими внешними материальными природными силами они связаны. Нам приходится, например, говорить о том, как рахит связан с тем, что подступает к человеку в элементах воздуха. Мы должны использовать данные статистики, полученные

посредством материалистического мировоззрения. А именно: нам нужно подсчитать, какое число людей живёт на севере и на юге. И при этом мы, может быть, совсем не осознаём, в какой элемент мы при этом погружаемся. Обратите внимание на тот же элемент в области страхования. Мы можем и должны статистически вычислить вероятность, продолжительность человеческой жизни с тем, чтобы человек мог застраховать свою жизнь. Страхование жизни – эта область внешней физической действительности – может быть построено лишь на установлении вероятной продолжительности человеческой жизни. Но вот какой-нибудь человек скажет: «Как я могу жить только до вычисленного срока?» – ни один человек, конечно, никогда не скажет, потому, что он сознаёт, что действительность не считается ни с какой статистикой. Признавая это, мы всё же, тем не менее, прибегаем и должны прибегать к статистике с тем, чтобы те или иные наши положения были внешне созвучны эпохе, созвучны науке.

Я же установил, что рахит подступает к человеку, когда человеку нужно развить силы нижнего человека, потому что туда, как в глубокий подвал, не проникают силы света. Но с другой стороны, этому противостоит факт, что мы, как духовно-душевные существа, опускаемся из духовного мира и облакаемся в физическое тело. Это воплощение вовсе не значит, что мы любыми способами принимаем какое-либо тело, совсем нет, – мы спускаемся на Землю, воплощаясь в определённом народе, определённой семье именно потому, что в нас живут душевные симпатии к тем определённым силам, господствующим в данной семье, в данном месте земного шара. Склонности души выражаются вплоть до таких мельчайших подробностей, и эти склонности приводят человека туда, где детство протекает, может быть, в комнате, расположенной окнами на север, или в комнате, выходящей на юг. При некоторых обстоятельствах душа может стремиться к тому, чтобы её развитие протекало в темноте. Мы никогда не имеем права говорить только о том, что в том или ином случае не хватало света или воздуха, мы должны также принимать во внимание стремление душевно-духовного человека к тому или иному окружению. Поэтому мы должны спросить: можем ли мы пытаться излечить такое заболевание, как рахит, в зависимости от его фактических предпосылок, установленных лишь физическим познанием? Нет, мы этого не можем и не должны этого признавать. Если бы нам удалось изобрести лекарство, которое излечило бы человека просто в силу его

физических свойств, то такому человеку пришлось бы задвинуть в потаённые глубины своей души то, что заложено в его судьбе, и что привело его к избранию именно лишённой света и воздуха среды. И только если нам удастся охватить то, что заложено в подсознании, только если мы можем привести человека к осознанию того, что ему надлежит делать, принимая во внимание всего человека – его тело, душу, дух, – только тогда мы сможем основать полноценную науку врачевания.

Подумайте, что мы переживаем это трагическое положение именно в современной стадии Антропософского движения, что поэтому и само Антропософское движение можно упрекнуть в бесконечных противоречиях, и что легче всего возводить один упрек на другой. Но, если воспринимать это со всей правдивостью, то, в конце концов, найдётся какое-то примирение. Поэтому все наши члены, работавшие внутри Антропософского движения, всюду, где они только сталкиваются с материальным, должны ставить перед собой и духовные задачи. Поэтому антропософы, избирающие себе врачебную деятельность, должны воспитать в самих себе других людей, совсем в другом духе взирающих на мир и не привыкающих (только потому, что они постигли внешнюю науку) всё более и более уподоблять свою деятельность этой внешней науке, – но должны, в случае вынужденных с нею компромиссов, извлекать эти компромиссы из самой этой науки.

Всё это мы должны и можем себе сказать, если мы в течение какого-то срока жили в рамках Антропософского движения. Таких трудностей, о которых я только что сказал, у нас много. Они не для того созданы, чтобы подходить к ним с критикой, нет – в них нужно вжиться и научиться понимать их так, чтобы вместо них настала полная гармония.

Так мы и должны строить нашу совместную деятельность во всех областях реальной жизни. Когда учитель Вальдорфской школы скажет что-нибудь, чтобы поделиться своими наблюдениями, врачу клинко-терапевтического института, то этот их обмен мнениями должен отличаться от обычных разговоров людей между собой. Когда такой учитель что-либо высказывает, он имеет в виду гигиену душевного, он основывается на том, на познании того, что нужно делать с детьми, чтобы их врачевать. Тогда во всех таких словах звучит нечто, что, в свою очередь, может зажечь яркий свет в голове и душе человека, работающего в клинко-терапевтическом институте. И наоборот: всё, что разрабатывается в этом

клинико-терапевтическом институте, должно включаться в деятельность вальдорфских учителей. – Так должна создаваться душевная гармония, которую требует само дело. Когда каждый человек действует сам по себе, создаётся дисгармония. Если в нашей области отдельные люди, работающие в той или иной сфере, не идут совместным путём, не встречаются в своих устремлениях и средствах, тогда никакая Антропософия среди людей развиваться не может. Антропософское дело требует действительного братства, вплоть до самых глубин души. Другими словами можно сказать: нам заповедано братство.

Об Антропософии можно сказать: она вырастает только на почве братства, иначе, как на братстве, она развиваться не может, на том братстве, в котором каждый человек отдаёт другому всё, что может и что имеет. Эти положения подводят нас в самой основе к следующему.

Сегодня пришло время, когда мы всё же должны отнестись серьёзно к словам одного базельского профессора богословия, бывшего друга Ницше, и написавшего книгу, которая произвела огромное впечатление и на Ницше, – книгу о христианстве нашей современной теологии. В этой книге высказывается не антропософ, не атеист, нет – эту книгу написал человек, служивший в университете преподавателем богословия. А вывод этой книги тот примерно, что автор Овербек говорит: «Среди людей ещё многое может быть отнесено к христианству: в поведении и отношениях людей есть ещё христианский дух, но богословие во всяком случае христианским быть перестало.» Это значит, что богословие утратило истинное понимание Христа, в особенности в вопросах, где оно хочет быть просвещённым. Вот вывод, к которому пришёл не антропософский «еретик», а преподаватель богословия и сам принадлежащий к христианской церкви. – Это одна сторона дела.

Другая же сторона вам хорошо известна и совсем не из традиционного, а из действительного духовного познания – познания антропософа о Мистерии Голгофы. Всё, что говорится об этом, вы можете найти в различных местах так называемых циклов. То же, что я хочу сегодня подчеркнуть, как особую черту, заключается в следующем: бесконечно мало понимает нынешний богослов, «просвещённый» богослов Того, Кто как сверхземное Существо Христа прошёл через Мистерию Голгофы и после этого общался с посвящёнными Им учениками. Как мало понимает этот богослов Того, Кто жил после воскресения, Кого видели Его посвящённые ученики!

Однако человек, подходящий к Антропософии, может постепенно достигнуть понимания, живого понимания, в отличие от традиционного и мёртвого, живого понимания этой Мистерии Голгофы и узнать то, **чему** Христос поучал своих посвящённых учеников после своего воскресения. И если человек вживается в эти представления, то ему всё ближе станет духовный мир в этом отношении. Ибо, чтобы постичь саму Мистерию Голгофы, необходимо духовное познание. И потому-то людям так трудно понимание Мистерии Голгофы, что они хотят понимать её материалистически. Но многое ещё сохранилось и продолжает жить в писаниях первых отцов церкви из того, что Христос преподал своим посвящённым ученикам после воскресения. И из этого многого я хотел бы сегодня сказать следующее.

Видите ли, перед Мистерией Голгофы человечество целиком питалось своего рода земной мудростью. Если мы обратимся к изначальным стадиям Земли, то мы не найдём того примитивного человека, бывшего более или менее звероподобным, - звероподобным был только его (внешний) облик. В те времена примитивные люди воспринимали Изначальную Мудрость от Божественно-Духовных сверхчеловеческих Существ. Та Изначальная Мудрость, на которую указывается то в одном, то в другом источнике, - совсем не химера, - она была реальностью. Люди произошли от Мудрости, а не от безумия. Эта изначальная Мудрость, которой мы в наши дни поражаемся, когда мы заново находим её на почве Антропософии, была скорее сновидческой. Люди воспринимали её в образах, не связанных с сознанием Я.

В начале развития Земли в людях была заложена необычайно глубокая, можно сказать, воспринятая Божественно-Духовными Существами, Изначальная Мудрость, при этом люди скорее по внешности выглядели наподобие животных. Эту Изначальную Мудрость люди познавали лишь в образах. Во всяком случае, если люди когда-нибудь познают истинный состав природы, они смогут по-иному судить и о животных, по сравнению с теперешними их суждениями.

Так, например, глядя на лежащую без сил, переваривающую пищу змею, человек будет понимать, что то, что лежит перед ним в развёрнутых змеиных кольцах, представляет собой нечто внутренне-живое, которое переживает в образах огромную Космическую Мудрость, так, что - да, пищеварение змеи есть создание мира образов, создание Космоса. Даже внутри самого органического человека будут обнаруживать духовное.

Но вся древняя Мудрость была *сновидческой*. Вследствие этого, человек не воспринимал в полном объёме то, что в наши дни он переживает в полную силу уже просто благодаря своей организации, приспособленной к внешним восприятиям, теперь он уже совсем иначе переживает смерть, чем раньше. Хотя наши предки с начала земного существования не воспринимали ни себя, ни подобных себе людей как животных, они не обладали теми воззрениями на смерть, проникавшими до глубины человеческой души, которые приобрели позднейшие люди.

Люди в древние времена жили и переставали жить, и их очень мало затрагивало прекращение жизни, поскольку в процессе жизни, благодаря Изначальной Мудрости, они воспринимали, как во всём просвечивает духовное. Они никогда не чувствовали себя целиком отрешёнными от духовного. Поэтому и смерть они не переживали, как особенное событие, – они воспринимали её, как линьку, как сбрасывание кожи змеей. Они не переживали смерть так, как должны её переживать мы.

Это значит, что для того, чтобы относиться к смерти так, как это должно делать современное человечество, нужны также и другие духовные силы, чем те, которыми было наделено древнее человечество.

Но загадка смерти, как она стоит перед современным человеком, выступала перед ним всё резче и резче, однако она не вставала ещё в полную силу свою до Мистерии Голгофы. – И вот она подошла вплотную. Но представьте себе на мгновение, что всего, о чём повествуют Евангелия, не свершилось бы, допустим подобную гипотезу: тогда человек в своём развитии пошёл бы по пути всё большего и большего подавления Изначальной Мудрости, он, так сказать, всё дальше загонял бы её в подсознание. Он воспринимал бы только видимый мир. Бездна смерти, со всеми её последствиям во всём своем устрашении, стояла бы перед человеком.

И по мере того, как за чередой тысячелетий подходило столетие человеческого земного развития, подходило именно то столетие, на которое пришлась Мистерия Голгофы, перед человеческой душой всё с большей чёткостью вставало всё, связанное со смертью. Это и было тем фактом, о котором говорил воскресший Христос своим посвящённым ученикам.

Он говорил им: «Человек был наделён Божественно-Духовными Сущностями Изначальной Мудростью в те времена, когда и Сами Боги ничего не ведали о смерти. В Изначальной Мудрости ничего не содержалось о смерти и о её преодолении,

ибо в Божественных Мирах существовали лишь метаморфозы, а смерти не существовало. Я же, – говорил Христос после воскресения, – послан Слугами Бога-Отца, дабы пережить, на Земле то, что невозможно пережить в Мире Богов. Я облёкся для этого в физическое тело.»

После воскресения Христос поведал своим посвящённым ученикам Знание, которое потом передавалось из уст в уста, – и лишь в IV веке христианство приняло чисто внешнее, чисто экзотерический факт: «Я сошёл на Землю с тем, чтобы Боги испытали смерть, чтобы и человек, поистине воспринимающий христианство, постиг бы также победу всего духовного над земной смертью.»

В этом и был призыв к человечеству: так понимать смерть, что именно благодаря ей духовность человека освобождается после краткого пребывания в земном мире. И в этом и заключалось познание, приобретённое самими Богами благодаря Мистерии Голгофы. – воздвигнутый крест есть поэтому событие, свершившееся внутри самого Космоса.

Крест не только воздвигнут с Земли он и опущен из Космоса на Землю, дабы Боги воздвигли на Земле символ некоего собственного их свершения, на который могли бы взирать люди. Так человеку в наши дни надлежит познать истинного Христа, в то время как понимание Христа совершенно утрачивается богословием. Вы можете, например, у того же богослова Харнакка всюду вычеркнуть имя Христос, всюду заменив его словом Бог, ибо в его произведениях ничего не говорится о живом, воскресшем Христе, и поэтому он не даёт никакого познания Мистерии Голгофы в её сверхземном значении. Чем больше человек проникнется этим значением, тем ему станет яснее, что духовность, дух человека нуждается в смерти, что если бы человек не был вынужден многократно переступать порог смерти, – он никогда не достиг бы своего полного развития.

Но, после того как таким образом заложено начало пониманию человеческой смерти через Мистерию Голгофы для всего будущего развития Земли, нужно пойти ещё дальше. Мы должны понять ещё нечто другое.

Ныне нас окружает вся мёртвая природа. Мы с полным удовлетворением поздравляем себя с пониманием этой природы. Мы хотели бы постигнуть не только химизм минералов, но и химизм растений и животных. Мы хотели бы во все внести смерть. Идеал современного познания человек видит в том, чтобы на место всего живого водрузить мёртвый механизм или химизм. Люди бы хотели иметь право сказать:

«Вот растение, в нём совершаются крошечные, незначительные механические процессы, которые так взаимодействуют между собой, что когда мы смотрим на растение, мы не воспринимаем отдельных химических процессов, – и этот комплекс процессов мы называем жизнью! Но дело обстоит совсем иначе, и в растении протекает действительная жизнь. Мы должны ясно осознать, что вокруг нас смерть, что именно наше познание направлено на смерть. Но как христианство вырвало, вызволило нас из оков смерти, так оно научило нас, что человек, не понимающий воскресения, не понимающий живого Христа, – сам душевно мёртв, так что и мы сами должны понимать: если мы будем связывать себя только с мёртвым, станем сами мертвы и подпадём власти Аримана (в противовес нашим мёртвым мыслям обо всём сущем), – тогда мы всюду найдём Христа, тогда мы всюду и во всем увидим победу Духа. И тогда мы, может быть, вынуждены будем высказаться о неких существах, живущих в твёрдых, жидких и т.п. телах так, что это покажется весьма парадоксальным нашим современникам, однако, до тех пор, пока мы не будем говорить об этом, мы будем оставаться в рамках мёртвой, не просветлённой Христом науки. И мы освободимся от этого лишь тогда, когда решимся заговорить об этих вещах, как это подобает в духе истинного христианства.

Так мы должны просветить всю науку христианством, мы должны всё, что развиваем в себе благодаря нашему пониманию Мистерии Голгофы, вносить во всякое наше знание, во всякую науку, во всю нашу жизнь. Только тогда Мистерия Голгофы принесёт свои истинные плоды, – благодаря человеческим силам, человеческим устремлениям, любви людей между собой. И в этом смысле мы можем сказать: Антропософия по всей своей сути есть стремление к пронизанию мира Христом.

Мы возводим перед собой символ Христа. Если, глядя на внешнюю природу, мы будем утверждать, что в природе не живёт Бог, – это будет свидетельствовать лишь о нашем внутреннем нездоровье. Если же мы будем воспринимать природу всем нашим здравым разумением, мы всюду в ней найдём Бога и тогда, исходя из основ самой природы, мы сможем сказать: **«Из Бога мы родились»**. Если же мы не можем этого сказать из нашего внутреннего существа, значит – мы больны.

Но в ходе нашей земной жизни мы должны собственными душевными силами найти Христа, иначе мы не сможем как должно умереть, ибо жизнь в смерти для современного

человека возможна лишь через посредство Христа. В этом именно и заключена судьба человеческой жизни – в состоянии ли человек воспринять Христа, может ли он найти Христа, научится ли он понимать Мистерию Голгофы, сумеем ли мы, люди, во внутреннем нашем существе произнести слова: **«Во Христе мы умираем»**.

Так же, как своего рода болезнь лишает человека возможности прийти к Богу-Отцу, так горькая его судьба может препятствовать его принятию Бога-Сына. Но из всего этого, однако, вытекает и слабость духа, ибо, если мы проникнемся познанием и любовью к Богу-Отцу и ко Христу, в нас пробудится нечто, что в противовес всяческой смерти, в противовес всей мёртвой природе введёт нас в живую духовность. И тогда мы скажем силою Бога-Отца и силою Бога-Христа: **«Через Духа Святого мы снова пробудимся в Самодухе. В Святом Духе мы возродимся.»**

Так, не из туманных, смутных устремлений, а из ясного познания вытекает словесная формула: **«Из Бога мы родились. Во Христе мы умираем. Через Святого Духа мы снова пробудимся в Самодухе, в Святом Духе мы возродимся.»**